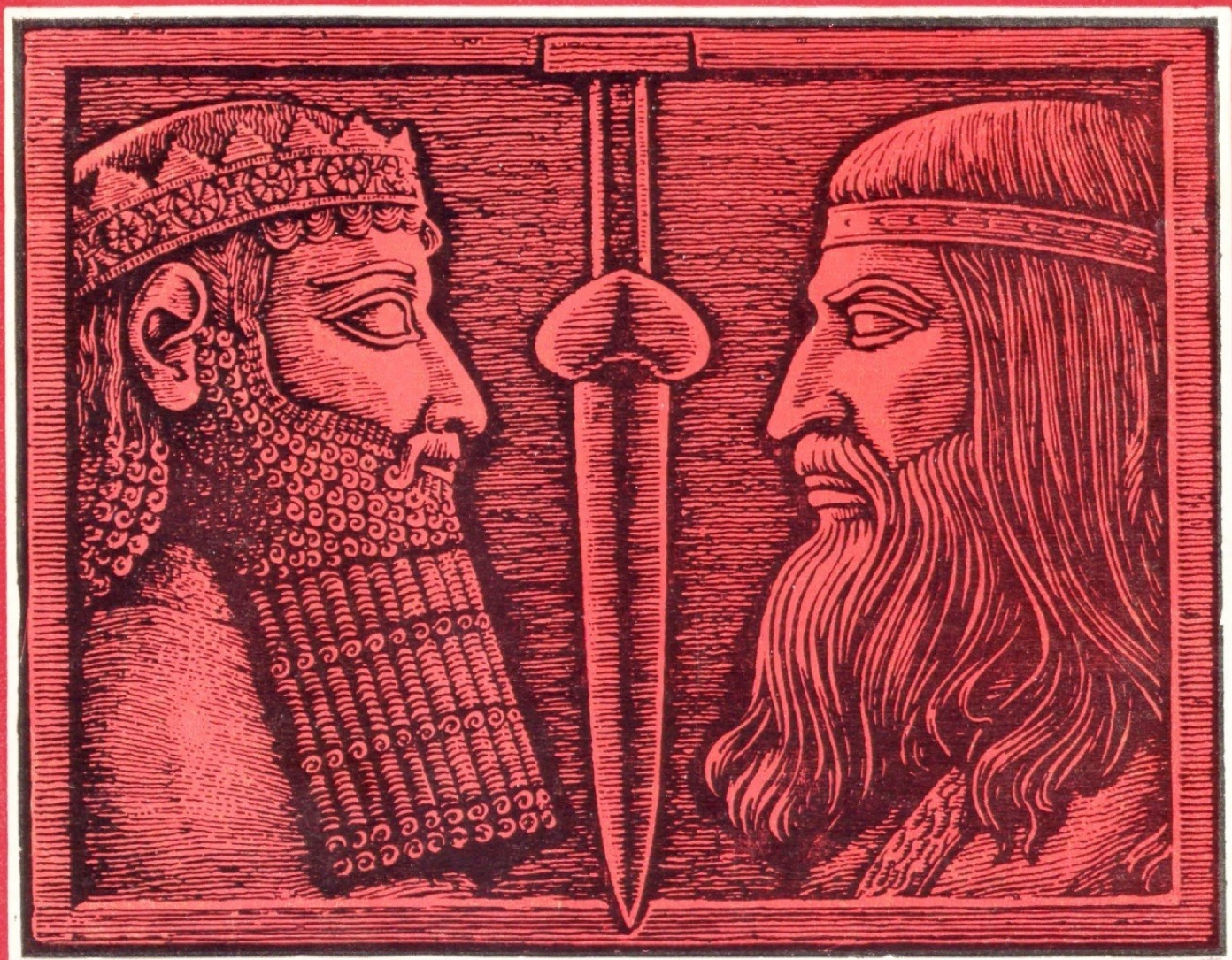

Е. В. ЧЕРНЕНКО

СКИФО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

Наукова думка

АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Е. В. ЧЕРНЕНКО

СКИФО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

**КИЕВ
НАУКОВА ДУМКА
1984**

В монографии анализируется ход войны между скифами и войсками персидского царя Дария I, вторгшимися в конце VI в. до н. э. в степи Северного Причерноморья, вскрываются причины конфликта, определяется дата похода. Исследуются вопросы о маршруте персидского войска, силах сторон, участвовавших в войне, характере вооружения противников, организации войск скифов и персов. Определяются особенности примененной скифами тактики и стратегии, значение этой войны для консолидации Скифии.

Для археологов, историков, преподавателей и студентов исторических факультетов, всех, кто интересуется древней историей нашей страны.

Ответственный редактор *В. Ф. Генинг*

Рецензенты *М. В. Горелик, В. Ю. Мурзин*

Редакция литературы
по социальным проблемам
зарубежных стран,
археологии и документалистике

Ч $\frac{0504000000-049}{M221(04)-84}$ 30-84

© Издательство «Наукова думка», 1984

ВВЕДЕНИЕ

...Самая важная особенность скифов состоит в том, что никакой враг, напавший на них, не может ни спастись от них бегством, ни захватить их, если они не захотят быть открытыми: ведь народу, у которого нет ни городов, ни укреплений, который свои жилища переносит с собой, где каждый — конный стрелок, где средства к жизни добываются не земледелием, а скотоводством, и жилища устраиваются на повозках, — такому народу как не быть непобедимым и неприступным?

Геродот, IV, 96

В конце VI в. до н. э. в степи Северного Причерноморья вторглись полчища персидского царя Дария I Гистаспа (521—486 гг. до н. э.).

Вторжение Дария в Скифию, события, связанные с этим походом, позорное бегство персов из непокоренной Скифии — интереснейшие страницы древней истории нашей страны, дошедшие до нас через двадцать пять веков.

Важнейшим источником, содержащим бесценные сведения о подробностях этого события, является рассказ «отца истории» Геродота (рис. 1). «Геродот из Галикарнасса собрал и записал эти сведения, чтобы прошедшие события с течением времени не пришли в забвение и великие и удивления достойные деяния как эллинов, так и варваров не остались в безвестности, в особенности же то, почему они вели войны друг с другом»¹, — так сформулировал сам Геродот задачи, которые он поставил перед собой.

В своем сочинении Геродот стремился к максимально возможной достоверности. Особенно хорошо это чувствуется там, где речь идет о событиях скифо-персидской войны. Конечно, прав Б. А. Рыбаков, полагая, что «главной задачей историка был не сбор географических или этнографических сведений (которые давались попутно и очень выборочно), а осмотр театра военных действий кампании 512 г. Геродот шел по следам Дария Гистаспа, собрал на этом пути много разнородных (и...даже разноречивых) сведений и получил много личных впечатлений о тех местах, где происходили знаменательные события»² (рис. 2).

Достаточно подробный рассказ о событиях и ходе скифо-персидского конфликта, приведшего к столкновению Скифии и огромной империи Дария, содержится в четвертой книге Геродота — «Мельпомене» (IV, 1, 46, 83—87, 89, 92, 93, 97—98, 102, 118—143). Однако даже из перечня разделов видно, что в работе

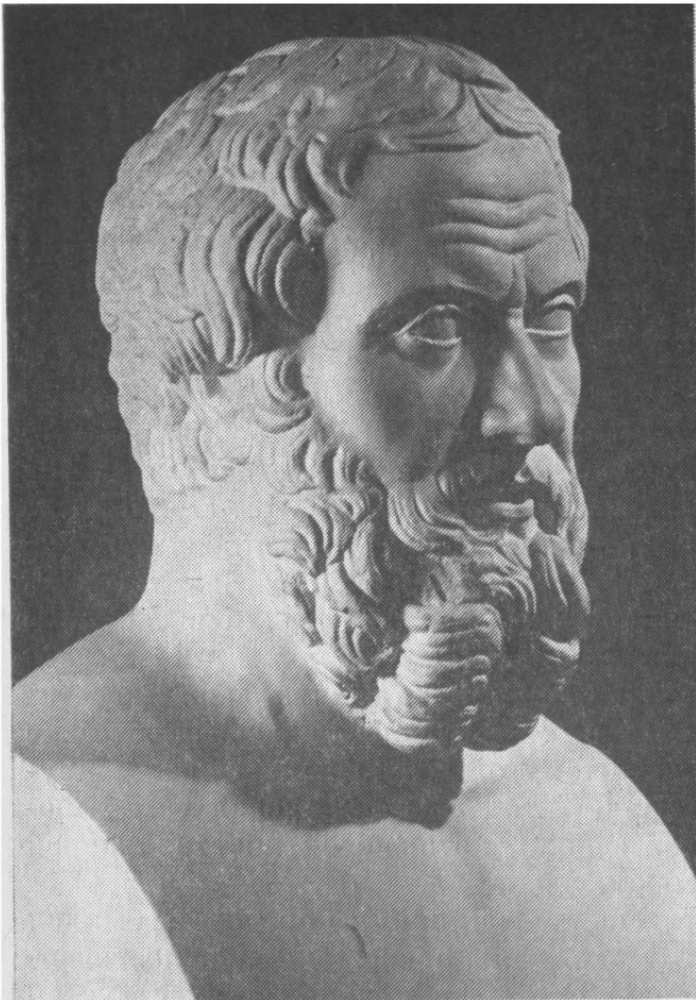

Рис. 1. Геродот.

Геродота отсутствует связное повествование о ходе войны — оно перемежается вставными эпизодами, непосредственно не относящимися к интересующему нас в данном случае вопросу. К событиям, в той или иной мере связанным со скифо-персидской войной, Геродот довольно часто возвращается на других страницах своей «Истории».

Несмотря на определенные противоречия, досадные упущения, ряд неточностей, значение труда Геродота для восстановления событий истории народов, населявших Северное Причерноморье, трудно переоценить.

При работе над этой книгой автор использовал в основном труд Геродота в переводах академика В. В. Латышева и Г. А. Стратановского³.

Определенную ценность для выяснения основных событий войны скифов с персами имеют сведения Ктесия Книдского⁴, Страбона⁵, Иордана⁶ и других древних авторов. При использовании текста Бехистунской надписи, повествующей об истории первых лет правления Дария, использован перевод М. А. Дандамаева⁷; перевод древнепоздневавилонского пророчества дан по статье К. Мазетти⁸.

Пожалуй нет ни одного труда по истории Скифии, в котором в той или иной степени не затрагивались бы события, происходившие во время похода персов царя Дария в Скифию. Однако в целом весь поход Дария и события скифо-персидского конфликта в нашей литературе до сих пор не рассматривались. Обычно в обобщающих работах по истории и археологии Скифии можно встретить лишь крайне схематический пересказ сообщения Геродота о ходе войны. Чаще всего эти события вспоминаются попутно, при рассмотрении вопросов этногеографии Скифии. Все имеющиеся ныне многочисленные варианты карт размещения племен скифского времени построены прежде всего на основании данных Геродота. В значительной мере для составления и корректировки этих карт используется рассказ Геродота о событиях скифо-персидской войны. Наиболее полно весь комплекс данных Геродота о расположении различных скифских племен на территории Северного Причерноморья использовал Б. А. Рыбаков⁹. Он определил основные этапы похода, маршрут, рассмотрел вопрос о глубине проникновения персидского войска в Скифию, а также примененной скифами в ходе войны тактике и стратегии. Б. А. Рыбаков пришел к важному выводу, что «анализ географии похода 512 г. ... выявил и ... обосновал достоверность всех основных записей Геродота: срок похода, постройку оборонительного района, объем театра военных действий»¹⁰. По его мне-

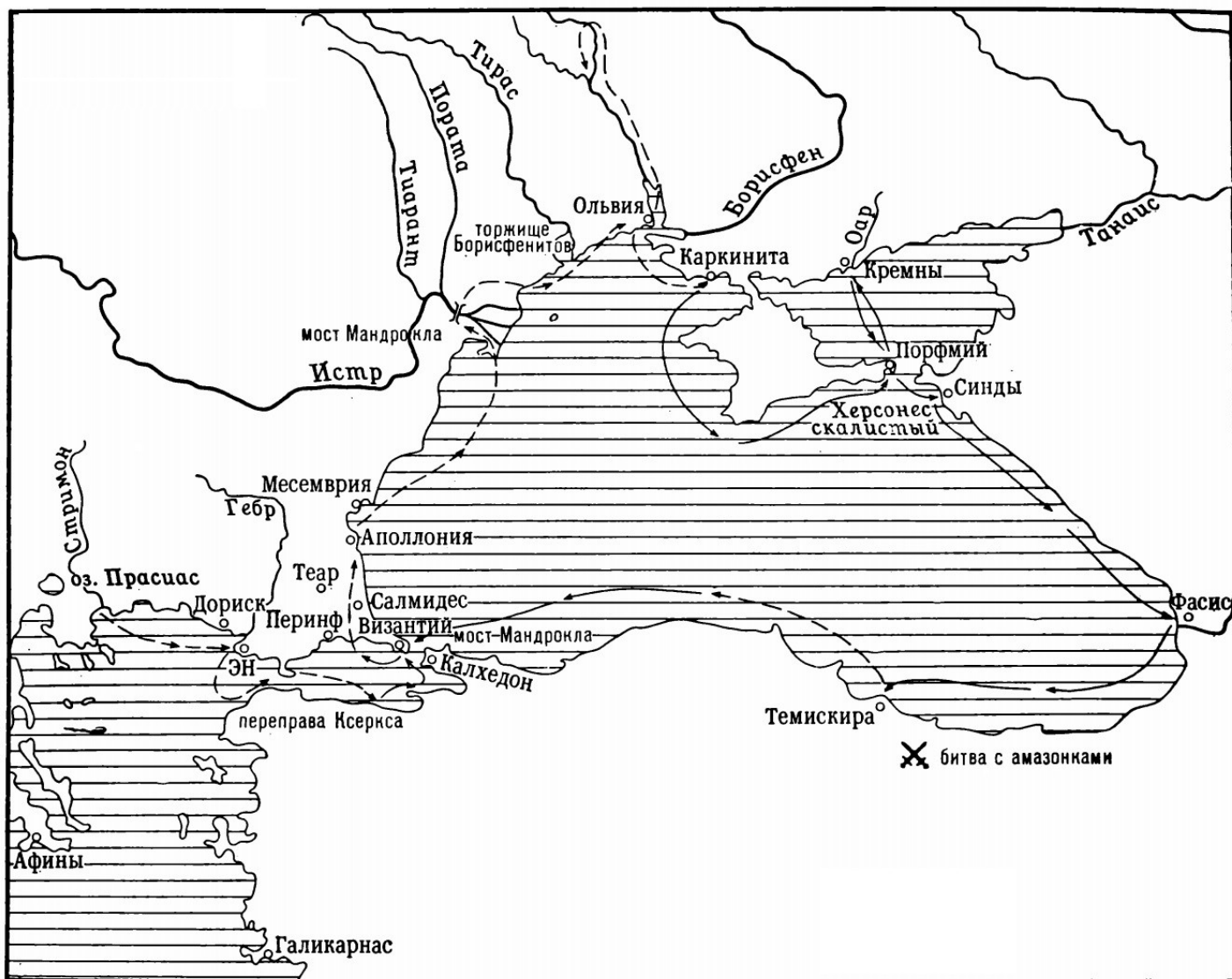

Рис. 2. Путешествие Геродота вокруг Понта (по Б. А. Рыбакову).

нию, «новая (предложенная Б. А. Рыбаковым.— Е. Ч.) география Скифии, полученная путем наложения археологической карты на карту геродотовских племен и народов, позволяет полностью реабилитировать Геродота в вопросе обрисовки хода кампании 512 г. Шестидесятидневный поход Дария Гистаспа полностью укладывается в тот маршрут, который обрисовывается новой расстановкой народов Скифии»¹¹.

Не ставя перед собой задачу дать оценку в целом важного труда Б. А. Рыбакова и предложенного им нового варианта археолого-этнографической карты Скифии, хочется отметить, что не со

всем предложенным решением вопросов хода войны скифов и персов можно согласиться. Прежде всего это касается глубины проникновения персов в Скифию, сил сторон, некоторых частных вопросов. Собственно говоря, Б. А. Рыбаков и не ставил перед собой основной целью всестороннее изучение хода войны. Эти события рассматривались лишь постольку, поскольку они давали возможность использовать данные Геродота для создания нового варианта карты этногеографии Скифии.

Выяснению особенностей скифской тактики и стратегии, проявленной в ходе войны скифов и персов, посвящен

сравнительно небольшой раздел в многотомной работе по истории военного искусства крупнейшего советского военного историка Е. А. Разина¹². Это единственная работа подобного рода в научной литературе. Однако не со всем в ней можно согласиться. Е. А. Разин некритически подошел к описанию хода самой войны, а составленная им карта походов не соответствует даже рассказу Геродота.

В целом круг проблем, связанных с походом персов в скифские земли, в должной мере не исследован. До сих пор нет определенного мнения о причинах похода, его дате, характере и составе вооружения противников, составе войск сторон, глубине проникновения полчищ персов в Скифию, не выяснены и не сформулированы особенности тактики и стратегии скифов.

Выяснению этих вопросов и посвящена данная монография, возникшая как продолжение работы автора над кругом проблем, связанных с историей скифо-персидского конфликта¹³ и военного дела скифов.

Помимо упомянутых выше письменных источников, прежде всего Геродота, автор использовал литературу, в которой в той или иной мере затронуты интересующие нас проблемы. Ссылки на нее приведены в соответствующих главах книги.

Автор выражает искреннюю признательность за помощь, оказанную ему Ю. Г. Виноградовым, М. В. Гореликом, Э. А. Грантовским, М. А. Дандамаевым, С. С. Бессоновой, В. Ю. Мурзиным, Р. А. Ролле, С. А. Скорым, К. К. Шиликом. Особую благодарность выражает

своим коллегам — сотрудникам Отдела археологии раннего железного века Института археологии АН УССР.

Мысль о написании этой работы была подсказана профессором, лауреатом Государственной премии УССР, заслуженным деятелем науки УССР Алексеем Ивановичем Тереножкиным.

Для иллюстрирования книги использованы реконструкции М. В. Горелика, карты, выполненные М. М. Иевлевым, рисунки М. А. Кривача.

¹ *Геродот. История* / Пер. Г. А. Стратановского.— Л., 1972, с. 11.

² *Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия*.— М., 1979, с. 87—88.

³ *Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе*. ВДИ, 1947, № 2, с. 250—299; *Геродот. История* / Пер. Г. А. Стратановского.— Л., 1972, с. 11—453.

⁴ ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

⁵ Там же, № 4, с. 199.

⁶ *Иордан. О происхождении и деяниях готы* / Пер. Е. Ч. Скржинской.— М., 1960, с. 78.

⁷ *Дандамаев М. А. Иран при первых ахеменидах (VI в. до н. э.)*.— М., 1963, с. 262—270.

⁸ *Grayson A. K. Babylonian Historical-Literary Texts*. Toronto — Buffalo, 1975, p. 28—37; *Мазетти К. Война Дария I со скифами и вавилонская пророческая литература*.— ВДИ, 1982, № 3, с. 106—110.

⁹ *Рыбаков Б. А. Путешествие Геродота в Скифию*.— Курьер, 1977, № 1; *Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия*.— М., 1979.

¹⁰ *Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия*, с. 183.

¹¹ Там же, с. 240.

¹² *Разин Е. А. История военного искусства*.— М., 1955, т. 1, с. 78—81.

¹³ *Черненко Е. В. Скифский поход Дария*.— В кн.: VIII Всесоюз. конф. по Древнему Востоку, посвящ. памяти акад. В. В. Струве. М., 1979, с. 107—108; *Черненко Е. В. Поход Дария в Скифию*.— В кн.: Древности Степной Скифии. Киев, 1982, с. 3—38.

I. ДАТА И ПРИЧИНЫ ПОХОДА ДАРИЯ В СКИФИЮ

*Прежде чем упрекнуть Геродота,
постарайся понять его*

Б. А. Рыбаков

По поводу даты и причин похода Дария в Скифию среди исследователей нет единого мнения. К сожалению, Геродот почти ничего не говорит о времени похода, ограничиваясь лишь сообщением, что «после взятия Вавилона произошел поход самого Дария на скифов»¹. Упомянув о подавлении восстания в Вавилоне (521 г. до н. э.), Геродот, казалось бы, дает возможность предположить, что поход в Скифию состоялся непосредственно после этого события. Но В. В. Струве совершенно справедливо отмечал, что «датировка Геродотом похода на скифов является слишком общей, ибо оставляет слишком большой простор для выбора того года, когда Дарий решил двинуть свое войско против племен, населявших степи нашего Причерноморья»².

В. В. Латышев относил поход ко времени около 512 г. до н. э.³ Этим же временем первоначально датировали поход и Б. Н. Граков⁴, М. И. Артамонов⁵, И. В. Яценко⁶, К. Ф. Смирнов⁷, Б. А. Шрамко⁸. Позднее Б. Н. Граков пересмотрел свою датировку, определив дату похода 514 г. до н. э.⁹ В обратном направлении менялись датировки в работах Б. А. Рыбакова. Сначала он относил поход к 514 г. до н. э.¹⁰, а в книге, посвященной Скифии Геродота, предлагает другую дату — 512 г. до н. э.¹¹ К 514 или 513 гг. до н. э. относили поход А. И. Тереножкин и В. А. Ильинская¹², к 513 г. до н. э. — В. Д. Блаватский¹³ и Б. Г. Гафуров¹⁴. По мнению венгерского академика Я. Харматты, этот поход проходил не ранее 515 и не позднее 513 г. до н. э.¹⁵

Обоснованию датировки похода 514 г. до н. э. посвятил две работы, опубликованные в начале 50-х годов, В. В. Струве¹⁶. К 514 г. относит поход и крупнейший зарубежный специалист по хронологии древнего мира Э. Бикерман¹⁷. Как видим, эта дата принята большинством советских исследователей.

Разной в датировке похода можно встретить и в работах специалистов из Западной Европы и Америки. Интересная подборка мнений о времени похода Дария в Скифию приведена в статьях Д. М. Балсера и Дж. Камерона¹⁸, которые датируют поход интервалом между 514 и 510 г. до н. э. В частности, 510 г. до н. э. датирует поход известный иранист Р. Фрай¹⁹.

Крупнейший американский иранист, исследователь Персеполя, автор монументального трехтомника Э. Шмидт²⁰ отнес события скифо-персидской войны к 516—511 гг. до н. э., ближе к 513 г. до н. э.²¹ К этому же году относят поход и авторы многотомной истории Греции²².

Характерно, что ни один из названных выше авторов, предлагая ту или иную дату похода в Скифию (кроме упомянутых выше работ В. В. Струве), не указывает, какие именно данные были использованы для этого. А данных этих очень немного.

Лишь в одном официальном документе древности названа дата похода. Речь идет об известной уже более сотни лет обширной надписи на греческом языке, хранящейся в Капитолийском музее Рима, так называемом Капитолийском кодексе (ТС — «*Tabula Capitolina*»). Очень интересную работу, посвященную тому месту Кодекса, где содержатся данные, имеющие отношение к интересующему нас вопросу, написал американский профессор Д. М. Балсер²³.

Вот перевод этой части: с тех пор, как «Дарий перешел Киммерийский Боспор*», наведя мост против скифов,

* Упоминание о Киммерийском, а не Фракийском Боспоре в Кодексе, безусловно является ошибкой. Конечно, речь идет скорее о Фракийском Боспоре. На это совершенно верно обратил внимание Д. М. Балсер (*Op. cit.*, p. 128). В. С. Драчук ошибается, полагая, что столбы, о которых писал Геродот, были установлены на берегах Боспора Киммерийского (Керченского пролива) и даже предлагает искать их следы (*Драчук В. С. Написи на камени.* — К., 1971, с. 142). При этом автор забы-

минуло 527 лет» (ТС, II, 20). Если учесть, что надпись относится к 15 г. н. э.²⁴, то сам поход следовало бы отнести к 512 г. до н. э.*

Проведя анализ источников, в которых идет речь о первых годах правления Дария (прежде всего надписи на Бехистунской скале), Д. М. Балсер пришел к выводу, что вопреки твердо установившемуся мнению о двух походах Дария против европейских скифов и азиатских саков, речь может идти лишь об одном походе, направленном против европейских скифов, возглавляемых Иданфирсом. Это событие он относит к 520—519 гг. до н. э.²⁵ Мнение Д. М. Балсера поддержал крупнейший американский специалист по истории Древнего Востока, в частности по эпохе Ахеменидов, Дж. Камерон²⁶.

Точка зрения Д. М. Балсера и Дж. Камерона выглядит довольно убедительно, однако вряд ли с ней можно безоговорочно согласиться. Надпись на Бехистунской скале достаточно красноречиво рассказывает, с какими трудностями пришлось столкнуться Дарию в первые годы после захвата им власти. Д. М. Балсер и Дж. Камерон также отмечают небывалую активность Дария в первые годы его правления (напомним, что он выдержал нелегкую борьбу за престол, с большим трудом подавил восстание в Вавилоне). В свете этого сам факт похода в Далекую Скифию в это время объяснить очень трудно. Дарию просто было не до столь далеких земель, лежащих к тому же в стороне от Персии. Весьма любопытно, что сам

вайт четкое указание Геродота на то, что, очевидно, еще во время пребывания персов в Скифии эти столбы были разрушены. «...Византийцы привезли столбы в свой город и употребили их на постройку алтаря Артемиды Орфоссии. Только одна каменная глыба осталась у храма Диониса в Византии, на ней были ассирийские письмена» (*Геродот, IV, 87 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 209*).

* Д. М. Балсер пишет о 511—513 гг. до н. э. (*Balcer J. M. Op. cit.*, p. 103, 110).

Д. М. Балсер называет этот поход «диким». Мало вероятно, что такой умный и осторожный политик, каким был Дарий, мог бросить едва подчинившуюся ему страну и отправиться далеко за ее пределы.

Если даже мнение Д. М. Балсера и Дж. Камерона о том, что поход против европейских скифов в Северное Причерноморье действительно имел место в первые годы его правления, то трудно согласиться, что это произошло в 520 или 519 г. до н. э. Из рассказа Геродота²⁷ следует, что еще в 519 г. до н. э. (в тот самый год, когда Дарий, по мнению Д. М. Балсера и Дж. Камерона, совершал поход в Скифию) он не мог направить войска против мятежного сатрапа Оройта, которому подчинялась Фригия, Лидия и Иония. Оройт изменил Дарию и не хотел принять участия в подавлении многочисленных восстаний. Для того чтобы наказать мятежного сатрапа, у Дария не было необходимых сил и он вынужден был прибегнуть к хитрости. По мнению М. А. Дандамаева, именно в 519 г. до н. э. Дарий совершил поход против скифов, но не скифов европейских, а против азиатского племени триграхауда²⁸.

Недавно был опубликован интересный документ, в котором идет речь о событиях скифо-персидской войны. Это поздневавилонское династическое пророчество, относящееся ко времени правления Селевка I (311—281 гг. до н. э.). Оно сохранилось во фрагментах. В нем упоминаются десять царей Ирана. Из них седьмым назван царь, узурпировавший престол, который после пяти лет своего правления начал воевать с жителями страны Хани (Европы). По мнению А. К. Грейсона, опубликовавшего документ, этим царем был Дарий III, воевавший с Александром Македонским.

С этим не согласился К. Мазетти, справедливо полагавший, что в пророчестве подразумевают не Дария III, а Дария I. Исходя из указания пророчества,

что война началась на пятый год правления царя, К. Мазетти приходит к выводу, что «можно считать окончательно установленным, что скифо-персидская война имела место в 515 г. до н. э. и что подчинение саков в третий год правления Дария I не имеет к ней отношения»²⁹.

По мнению К. Мазетти, в поздневавилонской литературной традиции имя страны Хани связывается не с одной Скифией, а в целом с Европой. Авторы пророчества не делали различия между фракийцами, которых после неудач в Скифии снова был вынужден покорять Дарий I, и скифами. Вторичное покорение Фракии было расценено как реванш, который взял Дарий за поражение в Скифии.

Подводя итог тому, что писалось разными исследователями о дате скифского похода Дария, следует отметить, что выясняя дату похода Дария в Скифию, следует исключить возможность проведения его в первые годы правления Дария. Во всяком случае текст надписи на Бехистунской скале (рис. 3) не дает никаких оснований для столь ранней даты похода, как это предлагает Д. М. Балсер. Дата создания Бехистунской надписи, по мнению М. А. Дандамаева, приходится на период между 27 ноября 521 г. и мартом 518 г. до н. э.³⁰

Кроме того, помещенный на Бехистунской скале текст, в котором идет речь о скифах, касается, конечно, азиатских, а не причерноморских скифов. Приведем фрагмент надписи. Дарий пишет: «...я с войском отправился в Скифию. Затем скифы, которые носят остроконечную шапку, выступили, чтобы дать сражение. Когда я прибыл к водному рубежу, тогда на ту сторону со всем войском перешел. Потом я наголову разбил одну часть скифов, а другую захватил в плен... Вождя их по имени Скунха взяли в плен и привели ко мне. Тогда я другого сделал (их) вождем,

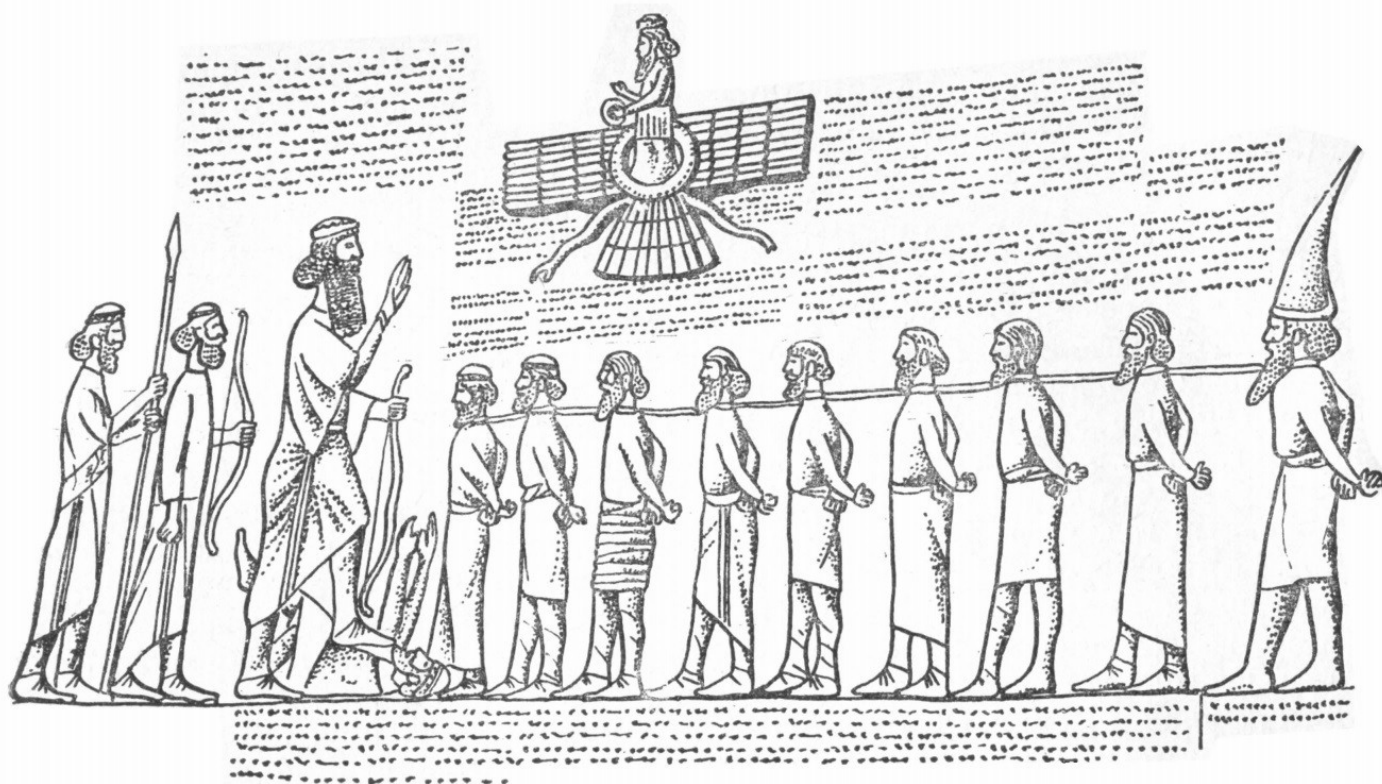

Рис. 3. Бехистунская скала.

(на то) было мое желание. Затем страна стала моей»³¹.

Это описание очень мало похоже на то, что мы знаем о походе Дария в Скифию по данным античных авторов. Сходство, пожалуй, ограничивается лишь упоминанием перехода через «водный рубеж».

Здесь будет уместно привести мнение крупнейшего советского ираниста, специалиста по ранней истории державы Ахеменидов М. А. Дандамаева по поводу того, что Камерон не обратил внимания на чрезвычайно важный и, на его взгляд, решающий момент в Бехистунской надписи. Если скифский поход был направлен на Северное Причерноморье, почему саки тиграхауда в ахеменидских надписях, где дан перечень сатрапий или стран в географическом порядке, всегда упоминаются вместе с племенами и областями Средней Азии?

Более того, причерноморские скифы были известны персам под названием «заморские саки» (саки парадрайя) и

упоминаются наряду с Македонией, материковой Грецией и другими соседними странами. Ведь невозможно же обозначать один и тот же народ разными именами и помещать его в разных частях света. Из этого, по моему мнению, можно сделать только один вывод: в Бехистунской надписи и у Геродота имеются в виду два совершенно разных похода.

Дата скифского похода, описанного в Бехистунской надписи — третий год царствования Дария I (рис. 4). Это соответствует 519 г. до н. э., если персидские цари придерживались Вавилонской практики отсчета времени, когда первый год правления нового царя считался, начиная с первого дня нового года в месяце нисанну (март — апрель)³². Но в этом полной уверенности нет и поэтому не исключено, что поход Дария против тиграхауда был совершен в 520 г. до н. э.

Что же касается похода, о котором рассказывает Геродот, логично будет

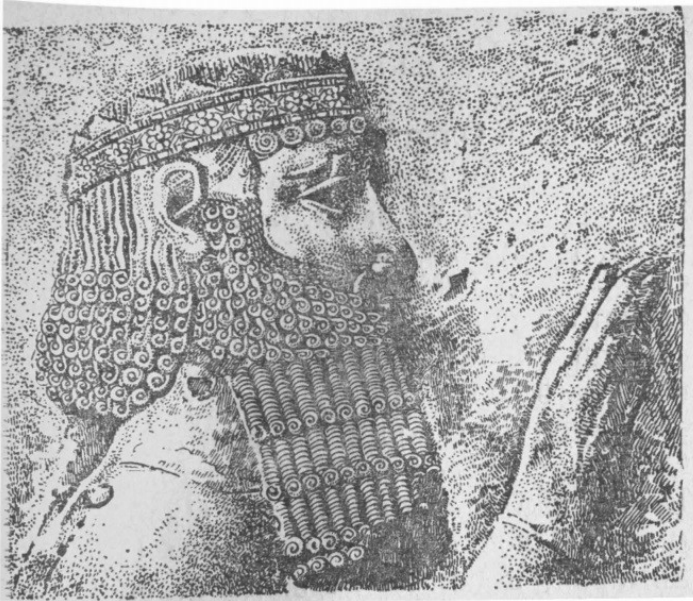

Рис. 4. Изображение Дария на Бехистунской скале.

предполагать, что он был совершен несколько позднее, вероятно, около 514 г. до н. э.»³³

Суммируя все данные о дате похода, можно подвести следующий итог. Следует категорически отказаться от ранней даты похода как абсолютно нереальной. Поход состоялся не в начале, а во второй половине 20-х годов VI в. до н. э. «Капитолинский кодекс» и пророчество из Вавилона, в которых названы близкие даты похода, позволяют со значительной долей вероятности датировать поход 515—512 гг. до н. э. Летом или осенью 1985—1988 гг., по-видимому, исполняется 2500 лет со времени войны Дария со скифами.

Очень важен вопрос о причинах похода. И здесь, как и при определении его даты, между исследователями нет единодушия.

Вот как определял причины похода Геродот. «...Дарий возымел желание наказать скифов за то, что они первыми учинили обиду своим вторжением в Мидию и поражением в битве сопротивляющихся мидийцев»³⁴. Если принять его точку зрения*, то получается, что при-

* Это же Геродот повторил и в другом месте своего труда. «...скифы, преследуя ким-

чиной похода было стремление отомстить за события столетней давности. Это весьма маловероятно, хотя Б. Н. Граков и отмечает, что «нет ничего удивительного в таком casus belli»³⁵. Возможно, это и могло послужить поводом к войне, но для похода должны быть более веские причины**.

Автор статьи о научном и литературном значении труда Геродота В. Г. Борухович отмечал, что Геродотом «в основу изложения истории конфликта (приведшего к греко-персидским войнам.— Е. Ч.) положена наивная концепция, согласно которой отношения между враждующими сторонами определялись древним первобытным принципом «око за око, зуб за зуб»³⁶. Любопытно, что эта же концепция была положена Геродотом и в основу изложения причин рассматриваемого в этой работе скифо-персидского конфликта.

Современные исследователи выдвигают несколько различных причин похода. М. И. Артамонов объясняет поход стремлением Дария «распространить Персидскую империю на весь тогдашний культурный мир, и в частности подчинить черноморские колонии греков и тем самым захватить контроль над черноморской торговлей, в особенности над поступлением необходимого Греции скифского хлеба»³⁷. Вряд ли это так. В случае верности его мнения более естественным было бы прямое продвижение персов к Ольвии, а затем и на Боспор через Перекопский перешеек. Однако маршрут персов был совсем иным. А дорогу к Ольвии они, конечно, хорошо знали. Достаточно отметить, что

мерийцев и вторгнувшись в Мидийскую землю, покорили и заняли почти всю верхнюю Азию, за что именно впоследствии Дарий и хотел их наказать» (ВДИ, 1942, № 2, с. 287).

** Необоснованность причины, выдвинутой Дарием в оправдание своего вторжения в Скифию, отмечал Платон, написав: «по какому праву Ксеркс предпринял поход на Элладу или отец его (Дарий.— Е. Ч.) на скифов?» (ВДИ, 1947, № 2, с. 317).

среди строителей моста через Дунай были греки, знавшие путь к Ольвии. В частности, не могли не знать этот путь ионяне, которые прежде всего были заинтересованы в устранении ольвийской конкуренции. «...К концу VI в. до н. э. торговля Афин с городами Северного Причерноморья приобретает такой размах, что позиции конкурентов Афин — ионийских городов Малой Азии и островов Эгейского моря — оказываются существенно ослабленными»³⁸. А ведь именно эти центры и дали Дарию флот. Говоря о греках, чей флот был использован для строительства моста, Геродот первыми называет тиранов городов, расположенных на Геллеспонте — Абидоса, Ламсака, Пария, Прокопесса, Кизика, Византия и ионийцев — тиранов Хиоса, Самоса, Фокеи и Милета³⁹.

Исходя из того, что среди тиранов, предоставивших свои суда для строительства мостов, был тиран Милета Гистией, а Ольвия являлась колонией Милета, Б. А. Рыбаков считает, что Ольвия осталась в стороне от маршрута персов. «Дарию, заинтересованному в повиновении греческой эскадры на Дунае, невыгодно было ссориться с греческими городами на скифских берегах»⁴⁰. Хотя, если Милету и было невыгодно уничтожение или захват Ольвии, то в этом были заинтересованы тираны других городов. Не стоит представлять дело так, что тираны разных городов могли иметь единое мнение по столь частному вопросу. В их отношении между собой, к городам, не принимавшим участия в походе, к самому Дарию и персам не было и не могло быть единства. Кроме того, зависимость колоний от метрополии была в значительной мере номинальной⁴¹.

Дарий не пошел к Ольвии не потому, что не хотел ссориться с Милетом или с ней самой — Ольвия ведь тоже была «греческим городом на скифских берегах» и находилась в стороне от его

маршрута. Цель похода была иная и в планах похода не нашлось места для захвата маленького города, каким в то время была Ольвия.

В. В. Рубан даже полагает, что во второй половине VI в. до н. э. Ольвии, как города, еще не было — лишь система сел⁴². С ним не соглашается А. С. Русяева, отстаивающая взгляд на Ольвию, как на город⁴³. Представляет интерес вопрос о наличии фортификационных сооружений Ольвии во время похода. Однако данных по ним практически нет. В. Д. Блаватский писал, что Ольвия, как и остальные города Северного Причерноморья, в конце VI в. до н. э. имела очень слабую систему обороны⁴⁴. Непоследовательна в оценке системы фортификационных сооружений города А. С. Русяева. В двух ее работах можно найти две взаимоисключающиеся оценки — Ольвия, как и остальные опоркии Северо-Западного Причерноморья «в последней четверти VI в. до н. э. находились еще в процессе становления как города и государства. Отсутствовали искусственные оборонительные сооружения и армия»⁴⁵ и «возможно, что сооружение крепостных стен (Ольвии.— *Е. Ч.*) началось уже в последней четверти VI в. до н. э.»⁴⁶

Для захвата Ольвии, в случае верности мнения о том, что поход был направлен против ольвийских греков, вовсе не надо было посылать огромное войско. Для этого достаточно было высадить десант с судов. Вполне могло хватить таких или чуть больших сил, какие были выделены, судя по рассказу Ктесия Книдского, сатрапом Каппадокии Ариарамном для разведки. Более подробно об этом событии будет идти речь ниже. Кроме того, устранить ольвийскую и боспорскую конкуренцию можно было закрытием проливов для судов Ольвии, Боспора и Ионии. Это было вполне по силам тиранам городов, расположенных на проливах и берегу Мраморного моря. Сделать это можно было и без помо-

щи персов. Полибий писал: «...ни одно торговое судно не может без разрешения византийцев ни войти в Понт, ни выйти из него»⁴⁷. О том, что подобные действия даже без помощи других городов мог осуществить один Византий, свидетельствует «Экономика» псевдо-Аристотеля: «...испытывая нужду в хлебе и недостаток в деньгах, они (византийцы.— *Е. Ч.*) стали принудительно заводить в свою гавань корабли, идущие из Понта»⁴⁸. Установлению контроля над судами, проходящими через пролив, способствовали и особенности течений. Севернее Византия течение прижимало суда к берегу⁴⁹.

И. Б. Брашинский в продвижении Дария на восток и в захвате им проливов видит стремление обеспечить себе удобный плацдарм для дальнейшего нападения на Грецию⁵⁰. В определенной мере подобную точку зрения на причины похода высказал и Б. А. Рыбаков: «...цель его (похода.— *Е. Ч.*) угадывается легко: персы начали подготовку к тяжелой войне на суше и на море, стремясь отрезать Грецию от хлебобродных и богатых скотом и рыбой областей Балкан и Скифии»⁵¹.

О том, что для подрыва торговли Греции с Северным Причерноморьем были другие, более простые пути, мы уже писали. Если же Дарий планировал наступление на Грецию с целью ее покорения, то для этого вовсе не обязательно было идти на Скифию и переходить Дунай. В конце VI в. до н. э. не прослеживается никаких следов проявления скифской экспансии к западу от Дуная⁵². Первые активные действия скифов на западном берегу Дуная связаны с походом персов, но они имели место не до, а после похода, когда скифы планировали продолжить преследование изгнанных из Скифии персов⁵³.

Большой интерес представляет аргументированное мнение С. П. Толстова. Описывая походы Кира на массагетов и Дария на скифов и саков, он отмечал:

«...трудно предположить в обоих этих предприятиях завоевательные цели. Оба царя-полководца были слишком реальными политиками, чтобы можно было приписать им постановку столь безнадежной задачи, которая, если бы она и была решена, не сулила особых выгод. Гораздо вероятнее видеть здесь попытку «замирения» скифо-массагетской степи, нависавшей серьезной угрозой над коммуникациями северо-восточной половины империи... Я склонен видеть в грандиозном предприятии Дария попытку пройти огнем и мечом по наиболее глубоким тылам Скифии и выйти в Среднюю Азию с северо-запада, навсегда сокрушив мощь своих грозных северо-восточных врагов и завершив консолидацию северной границы империи. Крупную роль могли играть и задачи укрепления в Закавказье ахеменидской власти, которой непосредственно угрожали европейские скифы. Гигантский масштаб не должен нас смущать. Не надо забывать огромных размеров самой империи и мало уступающих по протяженности маршрутов походов Кира, Камбиза и Дария на территории от Бактрии до Барки и Нубии. Географическая осведомленность персов о Скифии, видимо, была значительно выше той, которой располагали греки, и речь шла не о походе в таинственную «страну мрака», а в страну, вероятно, хорошо известную персидской разведке»⁵⁴.

Это объяснение причин похода Дария в Скифию справедливо называл «наиболее близким к действительности» и Б. Н. Граков⁵⁵.

Определенным подтверждением этому могут быть и некоторые данные из рассказа Геродота о ходе войны. Косвенным свидетельством в пользу первоначального намерения Дария, «замирив» Скифию, продолжать дальнейшее продвижение на восток за ее пределы, является первоначальное решение Дария о разрушении моста через Дунай после переправы по нему войск персов. Этот

шаг был бессмысленным и опасным в том случае, если он намеревался ограничиться лишь покорением Скифии, но вполне логичным, если персы первоначально предполагали продолжать движение на восток.

Очевидно, этими же причинами можно объяснить и строительство персами мощных земляных укреплений в Приазовье вблизи восточных границ Скифии, которые должны были сыграть роль опорных пунктов перед продвижением в земли, занятые другим народом. Строительство опорных пунктов для закрепления захваченных территорий было, вероятно, обычным приемом Дария. Так, перед форсированием Дуная и уходом из Фракии в Скифию в землях фракийцев персы построили «царское укрепление под названием Дориск»⁵⁶. Укрепление, которое персы начали строить в Приазовье, также должно было способствовать закреплению в Скифии перед очередным броском в земли савроматов. Очевидно, в момент его строительства персы еще не отказались от своих планов продвижения на Восток. Но действия скифов заставили их отказаться от первоначального плана похода и бежать за Дунай.

В пользу намерения Дария обезопасить свои границы от возможного повторения скифских переднеазиатских походов, о самой реальности таких действий свидетельствуют и попытки скифов договориться со спартамцами о совместном выступлении против персов. При этом предусматривалось нанесение совместного удара: спартамцами с запада, а скифами — с севера, через Кавказ⁵⁷.

В случае удачи похода по первоначальному плану, империя Дария была бы надолго гарантирована от возможности повторения походов скифов и савроматов на Передний Восток, в сердце империи. Разгром скифов, а возможно и савроматов, гарантировал безопасность от их вторжения в Азию, которая

«изобиловала богатствами и в царскую казну собирались большие богатства»⁵⁸.

Неслучайно, что именно эти слова Геродота непосредственно предшествуют рассказу о выдвинутых персами причинах похода в Скифию, которая была большой потенциальной угрозой империи: «Дарий на суше раздвинул пределы своего царства до Скифии»⁵⁹.

«Замирение» северопричерноморской скифской степи, подрыв могущества скифов (для чего надо было не только и не столько пройти через Скифию, сколько разгромить основные силы скифов в открытом бою, чего Дарий столь настойчиво добивался на протяжении всего похода) и было основной целью персов. Поэтому нельзя согласиться с мнением М. И. Ростовцева, поддержанным М. И. Артамоновым, видевших в качестве основной цели похода персов установление их контроля над греческими городами Северного Причерноморья. Не имеет под собой абсолютно никакого реального содержания утверждение М. И. Артамонова о том, что «отпор персам с их (скифов.— *Е. Ч.*) стороны был организован ольвийскими греками, которым в первую очередь угрожало персидское нашествие»⁶⁰. Столь же мало обосновано может быть и мнение А. С. Русяевой о вероятности того, что «скифы, заинтересованные в пребывании здесь (в Северном Причерноморье.— *Е. Ч.*) эллинов, целенаправленно приняли удар на себя»⁶¹.

Не общими, а, скорее, личными мотивами объяснял причины вторжения персов в Скифию Помпей Трог. Он писал, что после возвращения из Азии и войны с потомками рабов и оставшихся в Скифии женщин «скифы жили мирно до времени царя Иантира (Иданфирса (?).— *Е. Ч.*). Против последнего персидский царь Дарий пошел войной за то, что не получил руки его дочери и вступил в Скифию»⁶².

В передаче Иордана этот эпизод изложен более подробно: «Дарий, царь

персов, сын Гистаспа, пожелал сочетаться браком с дочерью Антира, короля готов (готами Иордан называет скифов. — *Е. Ч.*); просил он этого и в то же время опасался, как бы не отклонили они его пожелания. Готы, презрев родство с ним, оставили его посольство ни с чем. Отвергнутый, он воспламенился обидой и выставил против готов войско из 700 тысяч вооруженных воинов; он стремился отомстить за свой позор общественным бедствием»⁶³.

Возможно, в рассказах Помпея Трога и Иордана и есть рациональное зерно. Нередко династическими браками в древности старались достичь политических и стратегических целей. Может быть, Дарий и хотел с помощью подобного брака обеспечить поддержку или хотя бы нейтралитет со стороны Скифии.

Остановимся на объяснении причин похода персов в Скифию в работах некоторых зарубежных исследователей. Дж. Камерон одной из причин называет стремление Дария обеспечить западные районы своей необъятной империи зерном, поступавшим из глубин Скифии. Но главной — стремление захватить в Скифии золото и серебро для финансирования завоевания и подавления Египта зимой 519/18 гг. до н. э. и последующей экспедиции в Индию⁶⁴.

Последний довод Дж. Камерона не нов. Об этом напоминает Д. М. Балсер, приводя мнение, высказанное еще в конце 80-х годов прошлого века Д. М. Барри⁶⁵, с которым он полностью согласен. Д. М. Балсер пишет, что «целью Дария при осуществлении скифской кампании было не установление контроля над Фракией и Скифией, не подавление скифских племен, а получение золота либо как контрибуции, либо как трофея с целью расширения своей империи»⁶⁶.

Вряд ли можно с этим согласиться. Если Дарий и мог захватить рудники Фракии, оккупировав страну, то получить сокровища скифов можно было,

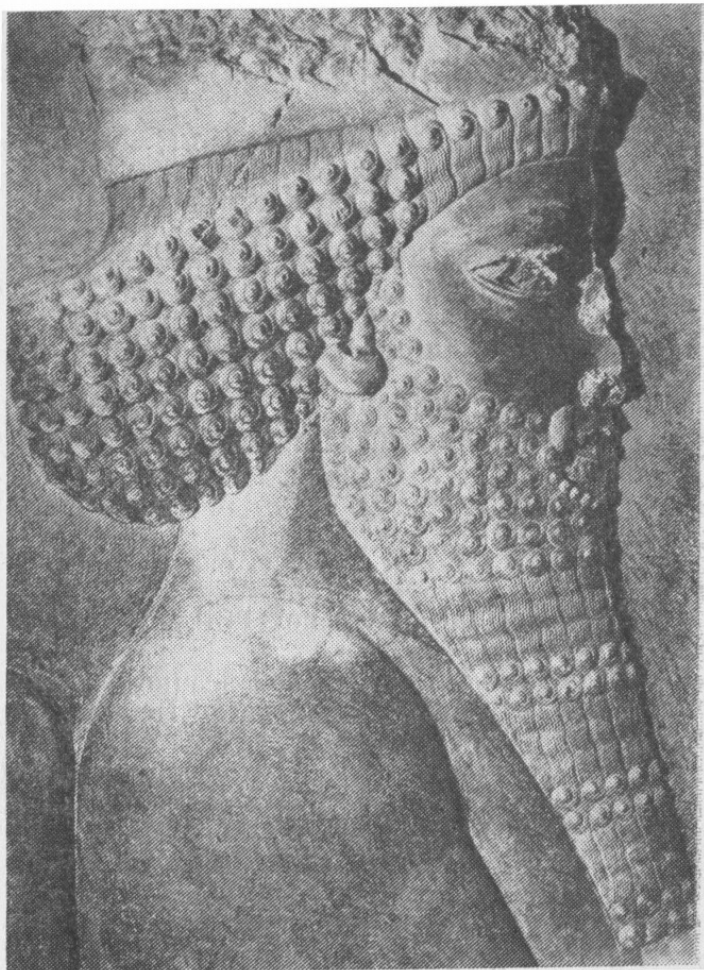

Рис. 5. Изображение Дария в Персеполе.

только полностью разгромив их. Вспомним, какие трофеи взял Филипп Македонский, разбив Атея. Золота и серебра среди них, как пишут древние авторы, не было. Конечно, это не совсем так. Как трофей, взятый в бою, в руки победителей могло попасть только парадное оружие. Вряд ли его было настолько много, что из-за этого стоило отправляться в такой далекий поход.

Очевидно, не стоит видеть в этой акции Дария только стремление поправить финансовое положение империи и получить средства для ведения будущих войн, как это делает Д. М. Балсер (рис. 5).

¹ Геродот, IV, 1.— ВДИ, 1947, № 2, с. 257.

² Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, Кавказа и Средней Азии.— Л., 1968, с. 101.

- ³ ВДИ, 1947, № 2, с. 257.
- ⁴ Граков Б. М. Скифы.— К., 1947, с. 22.
- ⁵ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы.— Л., 1974, с. 76, 140.
- ⁶ Яценко И. В. Скифия VII—V вв. до н. э.— М., 1959, с. 110.
- ⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы.— М., 1964, с. 259.
- ⁸ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков, 1962, с. 175; Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и гелано-будинская проблема.— СА, 1975, № 1, с. 67.
- ⁹ Граков Б. Н. Скифы.— М., 1971, с. 28; Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре.— МИА, 1954, № 36, с. 14.
- ¹⁰ Рыбаков Б. А. Путешествие Геродота в Скифию, с. 1.
- ¹¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 26, 169.
- ¹² Археологія Української РСР.— К., 1971, т. 2, с. 39.
- ¹³ Блаватский В. Д. Очерки военного дела античных государств Северного Причерноморья.— М., 1954, с. 25.
- ¹⁴ Гафуров Б. Г. К 2500-летию Иранского государства.— В кн.: История иранского государства и культуры. М., 1971, с. 17.
- ¹⁵ Harmatta J. Darius' expedition against the Saka' tigraxauda.— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae, 1976, t. 24, fasc. 1—4, p. 15—24.
- ¹⁶ Струве В. В. Хронология VI в. в труде Геродота.— ВДИ, 1952, № 2; Струве В. В. Дата похода Дария на скифов Причерноморья.— В кн.: Академику Б. Д. Грекову ко дню 70-летия. М., 1952; Струве В. В. Этюды по истории..., с. 86—114.
- ¹⁷ Бикерман Э. Хронология древнего мира.— М., 1976, с. 193.
- ¹⁸ Balcer J. M. The Date of Herodotus IV. I Darius' Scythian expedition.— In: Harvard Stud. classical philol., 1972, 76, p. 100—132; Cameron G. G. Darius the Great and his Scythian (Saka) Campaign Bisitun and Herodotus.— Acta iranica, Leiden, 1975, 1, p. 77—87.
- ¹⁹ Фрай Р. Н. Наследие Ирана.— М., 1972, с. 169.
- ²⁰ Schmidt E. F. Persepolis.— Chicago, 1953, 1957, 1970, vol. 1—3.
- ²¹ Ibid., vol. 1, p. 39.
- ²² 'ιστορία των ἑλληνικῶν ἔθνων. Т. В. 'Αρχαῖος ἑλληνισμός. Ἀθήναι, 1971, p. 282.
- ²³ Balcer J. M. Op. cit., p. 100—132.
- ²⁴ Ibid., p. 100.
- ²⁵ Ibid., p. 116.
- ²⁶ Cameron G. G. Op. cit., p. 78—87.
- ²⁷ Геродот, III, 177 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 177.
- ²⁸ Дандамаев М. А. Указ. соч., с. 219, 272.
- ²⁹ Grayson A. K. Op. cit; Masetti K. Указ. соч., с. 106—110.
- ³⁰ Дандамаев М. А. Указ. соч., с. 80.
- ³¹ Бехистунская надпись, V стб., 20—30.— (Дандамаев М. А. Указ. соч., с. 269).
- ³² Подробно об этом см.: Дандамаев М. А. Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана.— М., 1980, с. 279.
- ³³ Письмо от 27.07.1980 г.
- ³⁴ Геродот, IV, 1.— ВДИ, 1947, № 2, с. 257. Эту же причину называет Геродот и в другом месте своего труда (VII, 20).
- ³⁵ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 15.
- ³⁶ Борухович В. Г. Научное и литературное значение труда Геродота.— В кн.: Геродот. История. Л., 1972, с. 476.
- ³⁷ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы.— Л., 1974, с. 77.
- ³⁸ Брашинский И. Б. Афины и Северное Причерноморье в VI—II вв. до н. э.— М., 1963, с. 30.
- ³⁹ Геродот, IV, 138 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 221.
- ⁴⁰ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 176.
- ⁴¹ Кобылина М. М. Милет.— М., 1965, с. 166.
- ⁴² Рубан В. В. Некоторые аспекты изучения процесса формирования античных городов Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Древние города. Л., 1977, с. 43.
- ⁴³ Русяева А. С. Деякі риси культурно-історичного розвитку Північно-Західного Причорномор'я в VII—V ст. до н. е.— Археологія, 1979, 30.
- ⁴⁴ Блаватский В. Д. Очерки военного дела..., с. 91.
- ⁴⁵ Русяева А. С. Поход Дария против скифов и античные апейки Северо-Западного Причерноморья.— В кн.: Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации. Тбилиси, 1979, с. 70.
- ⁴⁶ Русяева А. С. Деякі риси..., с. 7.
- ⁴⁷ Цит. по: Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 19.
- ⁴⁸ Там же, с. 107.
- ⁴⁹ Там же, с. 89.
- ⁵⁰ Брашинский И. Б. Указ. соч., с. 35.
- ⁵¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 169.
- ⁵² Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979, с. 235.
- ⁵³ Там же, с. 238. Подробно об этом событии будет идти речь ниже.
- ⁵⁴ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации.— М.; Л., 1948, с. 105—107.
- ⁵⁵ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 16.
- ⁵⁶ Геродот, VII, 59 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 331.

⁵⁷ Геродот, VII, 84.— ВДИ, 1947, № 2, с. 286—287.

⁵⁸ Геродот, IV, 10.— Там же, с. 256.

⁵⁹ Платон. Менексен, 9, 239 е.— Там же, с. 218.

⁶⁰ Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 77.

⁶¹ Русяева А. С. Поход Дария против скифов..., с. 71.

⁶² Сходно с Трогом звучит искаженное имя Иданфирса. В примечании к переводу текста Иордана на русский язык Е. Ч. Скржинская

написала в этой связи «Антир («Antyrus rex Gothorum»); у Орозия — «Antiro regi Scytharum» (Oros., 11, 8) искаженное имя 'ιδανφίρσο; [так у Геродота] V, 76, 6.— Иордан. О происхождении и деяниях готов / Пер. Е. Ч. Скржинской, с. 236.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Cameron G. G. Op. cit., p. 81.

⁶⁵ Balcer J. M. Op. cit., p. 131; Cameron G. G. Op. cit., p. 81.

⁶⁶ Balcer J. M. Op. cit., p. 132.

II. СИЛЫ СТОРОН

Отовсюду — из Суз, Экбатан, от ворот

Башен древних киссийских —

И в строю корабельном, и в конном строю,

И в рядах пехотинцев, потоком сплошным

Уходили бойцы на битву

Эсхил. Персы

...Обе стороны взялись за оружие,

будучи в расцвете сил и в полной боевой

готовности

Фукидид. История

Большой интерес представляют данные о численности войск сторон, участвующих в войне, — персов и скифов, их составе и характере вооружения.

Геродот сообщает, что для похода в Скифию Дарий собрал огромные силы. «Отец истории» писал, что, перейдя Босфор Фракийский, Дарий на его берегу воздвиг два мраморных столба, на которых было вырезано: «... перечисление всех народов, которые он вел с собой, а вел он все подвластные ему народы. В его войске со включением всадников, но без флота, насчитывалось 700 000, а кораблей было собрано 600»¹. Ту же численность войск персов, по-видимому, используя сведения Геродота, сообщает и Помпей Трог, который писал, что Дарий «вступил в Скифию с 700 000 вооруженных людей»². Вслед за ними ту же цифру называет и Иордан Дарий «выставил против готов (готами он называл скифов.— *Е. Ч.*) войско из 700 000 вооруженных воинов»³.

О гораздо большей численности войск персов сообщает Ктесий Книдский. Он писал, что Дарий выступил в поход, «собрав 800 000 войска»⁴.

Сведения Геродота о численности персидских войск принял на веру Б. А. Рыбаков: «Дарий привел сюда (в Скифию.— *Е. Ч.*), по словам Геродота, 700 000 воинов и эскадру в 600 кораблей...»⁵. Правда, в такой формулировке можно увидеть или согласие с данными Геродота или нежелание рассматривать этот вопрос. Однако в другом месте этой же работы Б. А. Рыбаков пишет о том, что Дарий понял «всю затруднительность движения полным составом своих семисоттысячных сил (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) с пехотой и царским двором»⁶.

Безусловно, данные древних авторов о численности войск Дария не соответствуют действительности. Они во много раз превышают реальные. Причину многократного завышения войск персов, правда, не во время рассматриваемого

похода Дария в Скифию, а при вторжении их в Грецию, после неудачного похода в Скифию, верно называет Е. А. Разин: «...преувеличение Геродотом численности персидского войска выражает общую тенденцию античных историков подчеркнуть превосходство греков и значение одержанных ими побед»⁷. Очевидно, теми же соображениями руководствовался и Геродот, приводя столь непомерно завышенные данные о численности войск Дария, отправившихся на покорение Скифии. Ведь перед этим персы подчинили себе несколько греческих городов и завышенные численности войск персов хоть как-то могло объяснить и оправдать это, а скифы объективно являлись союзниками греков, принявшими на себя первый удар полчищ Дария. Это обстоятельство отметил Б. А. Рыбаков, написав, что «поход Дария во Фракию и Скифию был первым военным актом в длительных событиях последующих греко-персидских войн»⁸. Бесспорно, неудача, постигшая персов в войне со скифами, задержала начало греко-персидских войн.

Симпатии Геродота при описании хода этой войны, по-видимому, были на стороне варваров-скифов. Это чувствуется в самом изложении событий хода войны персов со скифами, оставленном «отцом истории», которого Плутарх не без основания даже обвинял в том, что он — «горячий сторонник варваров»⁹.

Интересные подсчеты, показывающие нереальность численности персидских войск, которые вел в Грецию Ксеркс, провел крупный немецкий историк военного искусства Г. Дельбрюк. Геродот определил численность этого войска в 4 200 000 человек, включая обозы. По его словам, войска Ксеркса в шесть раз превышали численность войска, которое Дарий вел во Фракию и Скифию: «... В сравнении с ним (войском Ксеркса.— *Е. Ч.*) оказывается ничтожным и войско Дария, ходившее на скифов»¹⁰. Взяв за основу требования германского

устава конца прошлого века, по которым пехотный корпус численностью в 30 000 солдат на марше растягивался на 21 км, Г. Дельбрюк высчитал, что колонна персов должна была вытянуться на 3 тыс. км¹¹. При этом, конечно, следует учитывать и намного меньшую дисциплину персов по сравнению с регулярной армией конца прошлого века. Г. Дельбрюк писал, что «когда передние (персы.— *Е. Ч.*) подходили к Фермопилам, последние могли бы как раз только еще выступить из Суз по ту сторону Тигра»¹². Несмотря на приблизительность подобного сравнения, оно достаточно убедительно показывает фантастичность количественных данных, приведенных Геродотом.

М. А. Дандамаев в примечаниях к книге о Персеполе пишет, что большинство современных исследователей определяют состав войска Ксеркса в 50—75 тыс. человек¹³. По данным Э. Мейера, численность войска Ксеркса не превышала 100 тыс. воинов¹⁴. Таким образом, получается, что Геродот превысил численность войск Ксеркса в 40—80 раз.

Исходя из норм расчетов, проведенных Г. Дельбрюком, войско Дария при походе по Скифии, в случае верности данных, сообщаемых Геродотом, должно было растянуться на марше на расстояние около 500 км при следовании одной колонной. При движении несколькими параллельными колоннами протяженность их была бы несколько меньшей. Г. Дельбрюк приводит очень интересные данные о трудностях, с которыми сталкивается войско на марше при следовании несколькими параллельными колоннами, который был ненамного легче, чем при следовании в составе одной¹⁵.

Следует учитывать и то обстоятельство, что прокормить такое количество воинов и обеспечить коней, ослов и быков обоза фуражом очень трудно. Кроме того, уничтожение отступающими

скифами растительности и отравление источников в полосе наступления противника еще больше затрудняло продвижение. А везти с собой хотя бы минимум провианта для столь огромного войска, о котором писал Геродот, просто невозможно.

По данным самого Геродота, минимальная норма дневного пайка на одного воина равнялась одному хенику пшеницы — немногим более 1 л¹⁶. Исходя из этого, на 60 дней пути каждому воину требовалось не менее 60 кг зерна. Если принять численность войска персов, о которой писал Геродот, верной (700 тыс.), то для их пропитания на весь планируемый срок похода нужно было около 45 тыс. т зерна. Для перевозки только этого груза в условиях бездорожья, исходя из нормы груза на одну повозку 25—30 пудов¹⁷, понадобилось бы около 100 тыс. повозок. Учитывая, что обоз должен был везти не только продовольствие, количество повозок должно было быть еще больше. Эти данные не позволяют принять на веру данные Геродота о численности войск персов, вторгшихся в Скифию. Даже если предположить, что обоз, сопровождавший войско, был не столь велик, состав его из десятков тысяч повозок весьма сомнителен.

Очевидно, явно преувеличена и численность флота, о котором писал Геродот. Нам неизвестен тип тех 600 кораблей, которые были в его распоряжении, а также и соотношение боевых и транспортных судов, которые, по-видимому, были в составе эскадры. Но если даже отнести военные корабли флота Дария к типу триер (основного военного корабля того времени), то для обслуживания такого количества судов понадобилось бы очень много гребцов и воинов. На триере было до 170 гребцов¹⁸ и 40 воинов¹⁹, общая численность экипажа одного корабля доходила до 200 человек²⁰. Значит, для обслуживания лишь одних триер потребовалось бы

гребцов и воинов общей численностью до 60 тыс. На транспортных судах гребцов было не меньше, а может быть, и больше, чем на военных. Таким образом, численность экипажа флота из 600 судов, по самым минимальным подсчетам, достигала 100 тыс. человек, а это совершенно нереальные цифры.

Следует также помнить, что из судов был построен и мост через Босфор, для чего их надо было иметь не меньше, чем для сооружения переправы через Дунай.

Кроме того, такого большого флота, пожалуй, не знает история древней Греции. В грандиозной битве при Саламине участвовало 358 судов греков²¹, а в бою при Аргинусских островах — самой крупной битве Пелопонесской войны, — с обеих сторон принимали участие лишь 270 судов (150 афинских и 120 спартанских)²². Даже Афины во время своего наивысшего расцвета при Перикле с большим трудом могли выставить только 300 боевых судов.

Все это не позволяет с полным доверием относиться к данным о численности флота Дария, сообщаемым Геродотом. Безусловно, они, как и сведения о численности войск персов, сильно преувеличены. Однако число судов и находившихся на них воинов, охранявших переправу, было все же достаточно велико. В противном случае скифы могли просто смять охрану моста, а не вести с нею долгие и в общем безрезультатные переговоры.

Очень большое значение для исследования хода скифо-персидской войны имеет вопрос о составе войск сторон и о характере их вооружения. Следует сразу же отметить, что для характеристики персидского и скифского вооружения в распоряжении исследователей имеется далеко неравноценный материал. Если для выяснения характера скифского вооружения мы располагаем достаточно надежным источником, который позволяет составить довольно

верное представление о всем комплексе скифского оружия, то для характеристики вооружения персов материал крайне ограничен.

Для выяснения состава и характера персидского наступательного и оборонительного вооружения имеются письменные, археологические и изобразительные источники. К сожалению, подавляющее большинство этих материалов относится ко времени, нередко отстающему от событий похода более чем на сотню лет.

Комплекс защитного доспеха персов недавно тщательно исследовал М. В. Горелик, основные выводы которого и использованы в данной работе²³.

Вопреки довольно распространенному мнению о персидском войске как о массе легковооруженных воинов, вооруженных лишь луками, копьями, дротиками, короткими мечами-акинаками, боевыми топорами и легкими щитами, М. В. Горелик делает верный вывод о том, что защитное вооружение персов и мидян соответствовало требованиям военной техники того времени.

Работы М. В. Горелика убедительно показали ошибочность высказываний Геродота о персидском защитном вооружении, на котором строились столь далеко идущие выводы: «...персы не уступали эллинам в отваге и в телесной силе; у них не было только тяжелого вооружения и к тому же еще боевой опытности»²⁴, «потерпели же персы поражение главным образом потому, что у них не было тяжелого вооружения и они должны были сражаться легковооруженными против гоплитов»²⁵.

Геродот упоминает шлемы в вооружении персидской конницы: «... у некоторых на голове были медные, чеканной работы и железные шлемы»²⁶. Находки же персидских шлемов, относящихся к концу VI в. до н. э., до сих пор неизвестны. М. В. Горелик делает вывод об использовании персами и мидянами шлемов так называемого «кубанского»

типа, хорошо представленных в памятниках VI в. до н. э. на Северном Кавказе²⁷. Этот вывод, на наш взгляд, несколько поспешен. Помимо общих представлений о развитии головных защитных уборов на Переднем Востоке, М. В. Горелик смог привести только найденный на р. Сефид-Руд²⁸ в Гиляне (Иран) шлем, в какой-то мере близкий «кубанским», но не аналогичный им. Он на две сотни лет старше «кубанских» и датируется началом I тыс. до н. э. Вряд ли на основании одной находки стоит считать «кубанские» шлемы иранского происхождения. Очевидно, М. В. Горелик ошибается, усмотрев в одном из изображений Амударьинского клада шлем «кубанского» типа²⁹. Вопрос происхождения этой группы шлемов еще не решен.

Совершенно напрасно В. М. Горелик привлекает в качестве довода о распространении «кубанских» шлемов в Иране статуэтку из Хурвина³⁰. Она датируется IX—VIII вв. до н. э. и хронологически и типологически не может быть связана с «кубанскими» шлемами. Не стоит привлекать в качестве аналогий и поистине микроскопические изображения шлемов, воспроизведенные на ахеменидской печати VI—V вв. до н. э., которые М. В. Горелик трактует как «кубанские»³¹.

Достоверно персидскими можно считать лишь два шлема, найденные к тому же за пределами самой Персии и относящиеся к несколько более позднему времени, чем события скифо-персидского конфликта. Оба эти шлема упоминает М. В. Горелик. Один из них найден в Мемфисе (Египет), другой — в Олимпии. Последний был помещен в сокровищницу храма как дар Зевсу с надписью на греческом языке: «Зевсу от афинян, которые взяли его от мидян». Шлем конической формы (рис. 6, 1) с ровно обрезанным краем³² был взят в качестве трофея в битве при Марафоне (490 г. до н. э.), в которой вполне могли

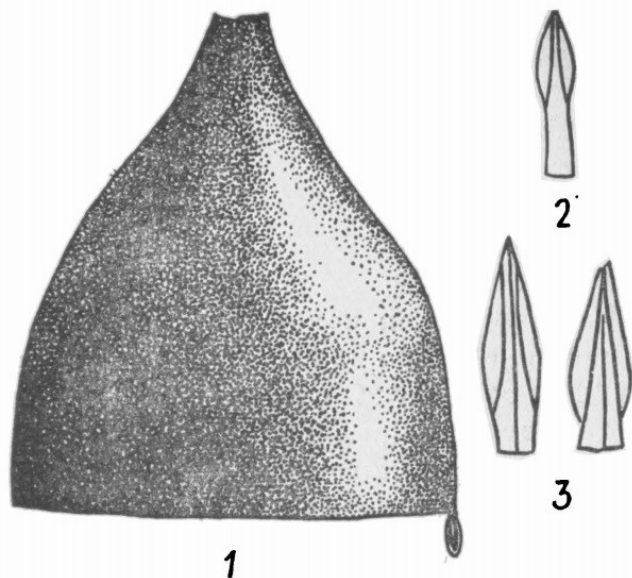

Рис. 6. Персидское и мидийское оружие, найденное в Греции:

1 — шлем (Олимпия); 2, 3 — наконечники стрел (2 — Марафон; 3 — Греция).

принимать участие и спутники Дария в его походе на Скифию. Подобные шлемы могли находиться и на вооружении у персов — участников этого похода.

О панцирях персов свидетельствует Геродот. Рассказывая о вооружении персов войска Ксеркса, он сообщает, что персы носили на «теле пестрые хитоны с рукавами из железных чешуек»³³, а военачальник армии Ксеркса Масистий — «чешуйчатый золотой панцирь, а поверх ... пурпуровый хитон. Удары по панцирю не причиняли Масистию вреда, пока какой-то воин, не заметив причину безуспешных попыток, не поразил его в глаз»³⁴. Но панцирь Масистия был не золотым, а позолоченным, о чем свидетельствуют находки железных, покрытых золотом, пластин панцирных наборов в «сокровищнице» Персеполя. Помимо трех плакированных золотом железных пластинок, здесь были обнаружены железные и бронзовые пластины. Форма, размеры пластин, количество отверстий для крепления их на кованой основе и между собой, соотношение пластин в пределах ряда и между рядами абсолютно тождественны пласт-

тинам из наборов, известных из курганов Скифии³⁵ (рис. 7, 2).

Панцирные пластины того же типа известны из храма Аписа в Мемфисе, Хорсабаде и Дафни. Они найдены в «персидских» слоях этих памятников и Ф. Петри считает, что их носили персидские воины³⁶.

На памятниках изобразительного искусства, связанных с ахеменидским Ираном, изображений панцирей не встречено.

О персидских щитах довольно много пишет Геродот: «...вместо эллинских (гоплитских. — *Е. Ч.*) щитов у них были плетеные щиты»³⁷. Несколько раз он упоминает «плетеные щиты персов»³⁸. Они большие и, по-видимому, были частью вооружения пехотинцев. Конечно, подобные щиты не сохранились и представление о них можно составить по их воспроизведениям на рельефах Персеполя (рис. 8, 1)³⁹. Конструкция щитов, очевидно, близка щитам из палочек, найденных в Пазырыкских курганах⁴⁰. Правда, они намного меньше. Палочки или прутья вставлялись в прорезы на кожаной основе. Пазырыкские щиты даже раскрашены.

Остатки щитов из прутьев найдены в нескольких могилах сакского времени на Памире. А щит из могильника Акбейт по размерам (1,4×0,5 м) близок персидским, известным по Персепольским рельефам⁴¹.

Судя по частым упоминаниям у Геродота, плетеные щиты получили у персов широкое распространение. Об очень своеобразном применении их в бою рассказывает Геродот, упоминая «укрепления из плетеных щитов ... Пока у персов стояло их прикрытие из плетеных щитов, они храбро защищались и не уступали неприятелям. Эллы прорвали плетеное покрытие и всей массой стремительно бросились на персов...»⁴². Только после этого персы были разбиты. По-видимому, прав М. В. Горелик, полагая, что когда

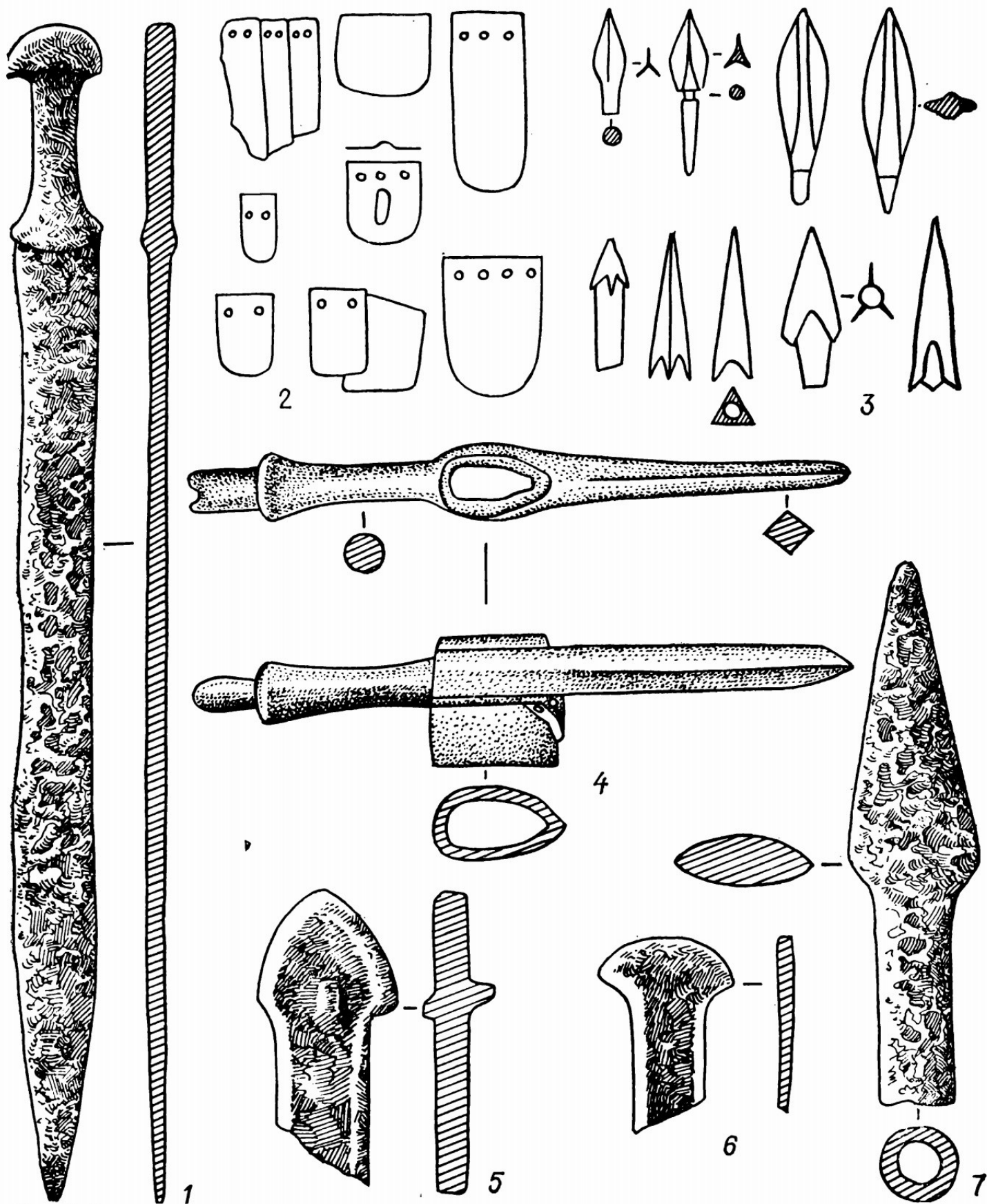

Рис. 7. Персидское вооружение из Персеполя:

1 — меч; 2 — панцирные пластины; 3 — наконечники стрел; 4 — колющее; 5, 6 — рукоятки мечей; 7 — наконечник копья.

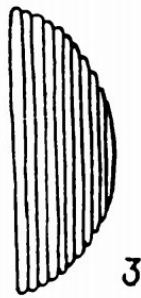
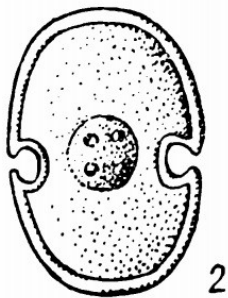
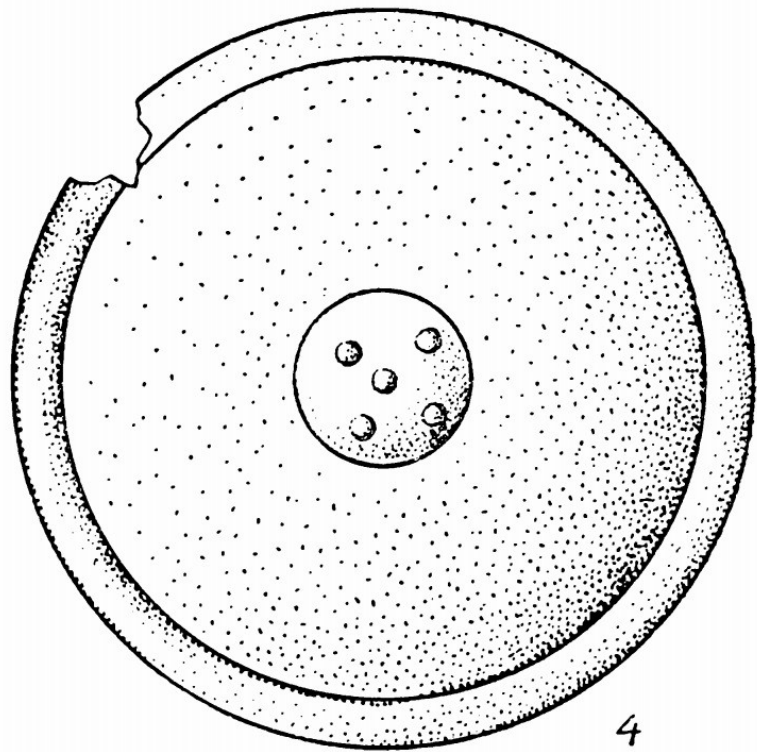

Рис. 8. Персидские щиты:
1—3 — рельефы Персеполя; 4 — умбон из Амударьинского клада

щиты ставили на землю, их изнутри подпирали палкой⁴³. Такое простейшее полевое укрытие можно было очень быстро построить и столь же быстро убрать. Оно вполне могло защитить укрывшихся в нем воинов от стрел противника.

На рельефах из Персеполя воспроизведены и большие овальные щиты так называемого беотийского типа с характерными вырезами на боках⁴⁴. В центре такого щита находился круглый умбон. Со щитом подобного рода связывают круглый серебряный умбон со спеной охоты из Амударьинского клада⁴⁵

(рис. 8, 4). На персепольских рельефах воспроизведен и круглый выпуклый щит (рис. 8, 3)⁴⁶.

М. В. Горелик полагает, что средства защиты имели и боевые кони персов. Однако вещественные находки, которые можно было бы связать с этим видом вооружения, неизвестны.

В целом защитное вооружение ахеменидского Ирана времени Дария и Ксеркса было довольно совершенным, судя по имеющимся материалам. Комплекс защитных средств обеспечивал более или менее надежную защиту воина в бою. Однако немногочисленность нахо-

док образцов этого оружия и редкое воспроизведение его на памятниках искусства не дают достаточных оснований говорить о широком его распространении в воинском быту персов времени похода в Скифию.

Позже, по-видимому, происходит распространение защитного вооружения и в составе панοπлии войск ахеменидского Ирана, о чем красноречиво свидетельствует Ксенофонт в своих работах «Анабасис» и «Киропедия».

О комплексе наступательного оружия персов известно ненамного больше, чем о защитном. Вещественных находок известно очень немного. Недавно появилось упоминание о находке в пустыне недалеко от Фив (Египет) большого количества персидского вооружения времени, предшествующего походу в Скифию. Оружие это связывают с брошенным снаряжением воинов Камбиза во время их неудачного похода, когда в пустыне, по словам Геродота, погибла большая часть многотысячного войска персов⁴⁷. К сожалению, эти важнейшие материалы еще не опубликованы. Наступательное вооружение персов характеризуется в основном по сообщениям Геродота, памятникам изобразительного искусства и немногим вещественным находкам.

Геродот упоминает «большие луки с камышовыми стрелами»⁴⁸, которыми были вооружены персы во время их вторжения во главе с Ксерксом в Грецию. Действительно, на рельефах Бехистунской скалы⁴⁹ и на цветных изразцах дворца Дария в Сузах (рис. 9; 10)⁵⁰, относящихся к 490 г. до н. э., на рельефах Персеполя⁵¹ воспроизведены довольно большие, по-видимому, сложные луки, длина которых равнялась или превышала половину роста воина. Луки, изображенные в боевом положении — с натянутой тетивой, оканчиваются головками, напоминающими головки утки или гуся. Судя по изображениям, они были большими и в поход-

Рис. 9. Персидский воин (изображение на Бехистунской скале).

ном положении их носили, очевидно, перебросив тетиву через левое плечо рядом с висящим тут же колчаном.

Помимо больших, вероятно, использовались и луки меньших размеров. Как выглядели они, неизвестно. На рельефах Персеполя они всегда помещены в горитах, подвешенных к поясу воина слева (рис. 11)⁵². Форма горита очень рациональная — крышка закрывает полностью лук и стрелы, которые носили вместе с луком. Горит подобной формы

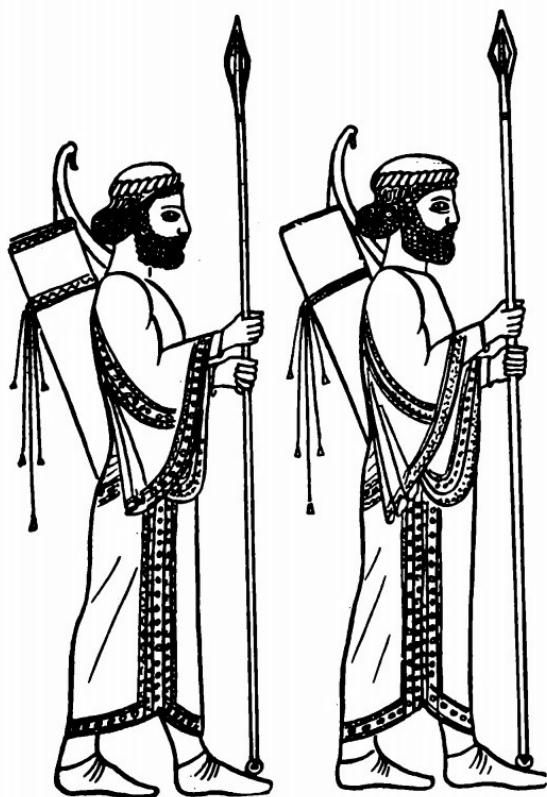

Рис. 10. Персидские воины (изразцы дворца в Сузах).

воспроизведен у одного из скифов на Чертомлыкской вазе⁵³.

Геродот упоминает камышовые древки стрел персов. Камыш или тростник широко применялся в древности для изготовления древков стрел⁵⁴. Камыш использовался не для простых древков, состоящих лишь из одной камышинки, а составных, в которые, помимо камыша, входили изготовленные из твердого дерева «яблочки» стрел, а также тетива и переходные стержни. Они вставлялись одним концом в часть древка, примыкающую к наконечнику, а на другой конец надевался сам наконечник⁵⁵.

Большое количество наконечников стрел найдено при раскопках «сокровищницы» Персеполя. Американский археолог Э. Шмидт, опубликовавший результаты этих раскопок, полагает (по-видимому, совершенно справедливо), что найденные вместе с наконечниками сохранившиеся части древков и являлись подобными переходными стержнями от древка к наконечнику⁵⁶.

Наконечники персидских стрел изготавливались из бронзы. Они двух- и трехлопастные, очень близки к скифским по типу. Представление о них дают наконечники из Персепольской «сокровищницы»⁵⁷ (рис. 7, 5), наконечник, найденный на поле Марафонской битвы (рис. 6, 2) и в Греции⁵⁸ (рис. 6, 3).

Персидские воины, судя по памятникам изобразительного искусства, использовали для ношения стрел колчаны и гориты. Как правило, колчаны есть только у тех воинов, которые имели длинные большие луки. На рельефах Бехистунской скалы колчаны воспроизведены в таком положении, что видна только их верхняя часть. Воины обращены к зрителю правым плечом и колчан, который носили на левом боку, не виден (рис. 9). Лучшее изображение их — на изразцах дворца Дария в Сузах (рис. 10). Очень четкое — на персепольских рельефах (рис. 11)⁵⁹. С абсолютной точностью на этих памятниках воспроизведен один и тот же предмет снаряжения. Колчан того же типа изображен на обломке персепольского рельефа из собрания Эрмитажа⁶⁰ (рис. 12).

Колчан имел вид несколько сужающегося книзу цилиндра, по-видимому, овального в разрезе. Очевидно, у него была крышка с ровным дном, заходившая на колчан на четверть его длины. Ниже крышки колчан обвязан ремнем, а от него с задней стороны свисала тесьма, от которой, в свою очередь, отходили завершающиеся стреловидными окончаниями короткие отростки. От колчана отходила петля, которая перебрасывалась через плечо. Вдоль внутреннего его края проходил невысокий рельефный бортик, идущий к его ровному дну. На персепольских рельефах поверхность колчанов гладкая. На изразцах из Суз они украшены — цветом выделена крышка, поверхность в нижней части покрыта полуовальными завитками, возможно имитирующими мех.

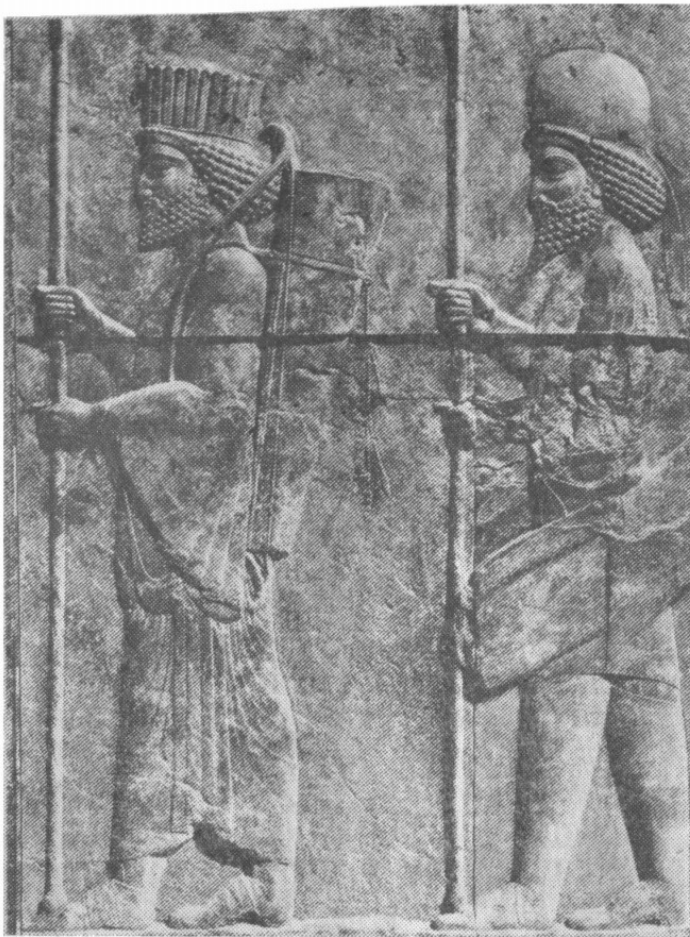

Рис. 11. Персидские воины (рельеф Персеполя).

Гориты имеют форму, близкую к скифским парадным горитам более позднего времени, украшенных обивками из золота или серебра. Дно их прямоугольное с одной стороны и слегка закруглено с противоположной. Верхняя часть горитов закрыта крышкой, несколько большей по размеру, чем нижняя. По-видимому, в той части крышки, которая помещалась над окончанием лука, находился вырез, из которого выглядывала верхняя часть лука. Гориты изготовлены из кожи. В камне очень реалистично переданы стежки, соединяющие его части. В средней верхней части горита пришита полоска из кожи, украшенная пятью бляшками-пуговками, с помощью которой горит крепился к поясу воина (рис. 13).

На вооружении персов находились и копья. Геродот пишет, что они были ко-

Рис. 12. Персидский воин (рельеф Персеполя).

роткими⁶¹. Очевидно, они ему показались такими в сравнении с более длинными копьями гоплитов. Судя по изображениям, их высота на 20—25 см больше человеческого роста, приближаясь, вероятно, к двум метрам*. Копья состояли из ровного круглого древка, которое воины держат перед собой вертикально двумя руками, подтока и наконечника. Кроме одной находки, персидские копья нам неизвестны и представить их можно только по памятникам изобразительного искусства.

На рельефах Бехистунской скалы, Персеполя, изразцах дворца в Сузах воспроизведены копья одного и того же типа. Они имеют цилиндрическую втулку, длина которой приблизительно равна четверти общей длины наконечника, и лавролистное перо. Наблюдается некоторое различие в форме пера наконеч-

* Такую длину имеют копья, изображенные на персепольских рельефах. Копья, воспроизведенные на изразцах дворца в Сузах и Бехистунской скале, несколько длиннее, по-видимому достигали 2,25—2,35 м.

Рис. 13. Персидский воин (рельеф Персеполя).

ников на персепольских рельефах и копий, воспроизведенных в Сузах и Бехистуне (см. рис. 9; 10). Максимальное расширение пера у копий на персепольских рельефах приходится на нижнюю треть длины пера, а на двух последних памятниках — почти на его середину. Перья копий на персепольских рельефах уже.

В Персеполе найден наконечник копья, в общем близкий к тем, которые воспроизведены и на рельефах. Длина его около 20 см, наконечник в разрезе линзовидный. Длина втулки почти равна половине общей длины наконечника. Переход от нее к перу на этом наконечнике более резкий, чем на воспроизведенных рельефах (рис. 7, 7) ⁶². Нижняя

часть древков оканчивается подтоком, имеющим оригинальную булавовидную форму (см. рис. 10; 11).

Среди наступательного вооружения, перечень которого приведен Геродотом, не назван боевой топор. Однако его изображение есть на одном из рельефов Персеполя, там же найден и единственный экземпляр оружия этого рода (рис. 7, 4).

На одном из рельефов «сокровищницы» Персеполя изображены Дарий, его сын Ксеркс и сопровождающие их лица. Особый интерес представляет фигура оруженосца. Д. Уилбер полагает, что это может быть личный оруженосец Дария Аспатин, имя которого упоминается в тексте на гробнице Дария в Накш-и-Рустаме ⁶³. В правой руке он держит боевой топор, который Д. Уилбер без малейших на то оснований, называет скифским ⁶⁴.

Топор — типичный клевец с копьеобразным бойком и круглым расширяющимся обушком, на котором есть расширение в виде части дуги. Судя по размеру руки, в которой зажата рукоятка, по-видимому, обмотанная на конце кожей, длина рукоятки превышала 70 см. По типу клевец близок топору, описанному ниже (рис. 14) ⁶⁵.

В «Тронном зале» Персеполя найден интересный бронзовый литой клевец. Он имеет длинный, ромбический в разрезе боек и несколько короче — его круглую в разрезе тыльную часть, слегка расширяющуюся к обуху. Из обуха выступает небольшой отросток с углублением на конце, по форме напоминающий «яблочко» древка стрелы. Овальная, несколько заостренная к бойку втулка слегка выступает над верхней плоскостью клевца. В нижней части она побольше. В части, примыкающей к бойку, находится украшение в виде головки птицы (орла) ⁶⁶.

Клевцы подобного типа получили широкое распространение на обширной территории от степей Украины и до

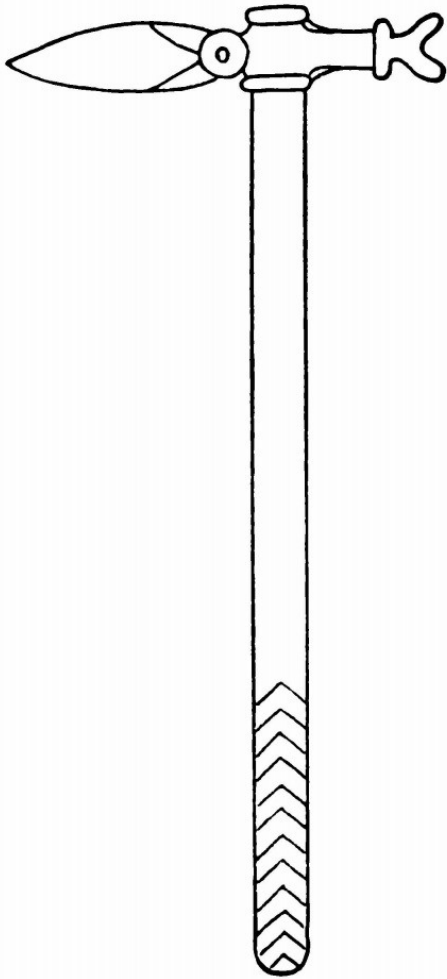

Рис. 14. Клевец (рельеф Персеполя).

территории распространения сакских памятников⁶⁷.

О мечах персов писал Геродот: «... на правом бедре с пояса свисал кинжал»⁶⁸. В другом месте своего труда он упоминает «персидский меч, называемый акинака»⁶⁹.

Изображения мечей периода похода в Скифию и несколько позже этого события есть на рельефах Персеполя. У персов и мидян, изображенных на этих рельефах, можно увидеть мечи двух типов.

Один из них, лучший по четкости воспроизведения и богатству декора, — меч, висящий на поясе оруженосца Дария (Аспатина?), изображенного на стене «скровищницы» Персеполя⁷⁰.

Рукоятка имеет овальное навершие.

В нем невысокий рельеф образует овал, повторяющий форму навершия. Овальная в разрезе ручка двумя невысокими валиками, проходящими вдоль нее, разделена на две равные части, в которых вдоль боков проходит по ряду косых крестов, нанесенных в невысоком рельефе. Перекрестие спрятано в устье ножен. Скорее всего, его форма и декор повторяли форму и декор устья ножен (рис. 15). Клинок, по-видимому, имел параллельные лезвия, довольно резко сужающиеся к острию.

Перекрестие и скрывающее его устье ножен имели довольно сложную форму, близкую к квадрату с двумя полукруглыми выемками в верхней и повторяющими их очертания выступами в нижней части. Вдоль края проходит поясик из невысоких рельефных валиков, направленных перпендикулярно

Рис. 15. Акинака (рельеф Персеполя).

краю устья. В центре помещена пара грифонов с орлиными или ястребиными головами, львиными передними и птичьими задними лапами. Грифоны, головы которых повернуты друг к другу, стоят на задних лапах спина к спине. Одной из передних лап каждый грифон упирается в бортик, проходящий вдоль края, второй — наступил на розетку-цветок, помещенную у ног каждого грифона.

Средняя, основная часть ножен, окаймлена пояском из сильно стилизованных орлиных головок (?). Поперек ножен расположено девять горных козлов, стоящих на задних ногах и повернувших головы назад. Каждый козел упирается передними лапами в шею и круп козла, стоящего перед ним.

Окончание ножен несколько расширяется. По форме оно приближается к треугольнику с закругленными углами, в который вписана голова и непомерно малое тело быка (?) в скорченном состоянии.

Боковая лопасть имеет сложную, в общем близкую к S-видной, форму. Верхний выступ окаймлен невысокими рубчиками, основная часть такими же орлиными головками (?), как и средняя часть ножен, в которой находятся пять цветков-розеток, что и под ногами грифонов на устье ножен, но большие по размеру.

Верхняя часть бокового выступа имеет отверстие, через которое проходил ремешок с круглой накладкой для крепления меча к поясу. Ременной петлей, местами плетеной, нижняя часть меча фиксировалась у ноги.

Скорее всего, именно короткие мечи и имел в виду Геродот, называя кинжалы, которые персы носят у пояса. Судя по пропорциям, длина меча, или кинжала, не превышала 40 см.

Подобные мечи воспроизведены и у других воинов на рельефах Персеполя (рис. 16, 2) ⁷¹. Есть они и на пластинах из Амударьинского клада (рис. 16, 3) ⁷²,

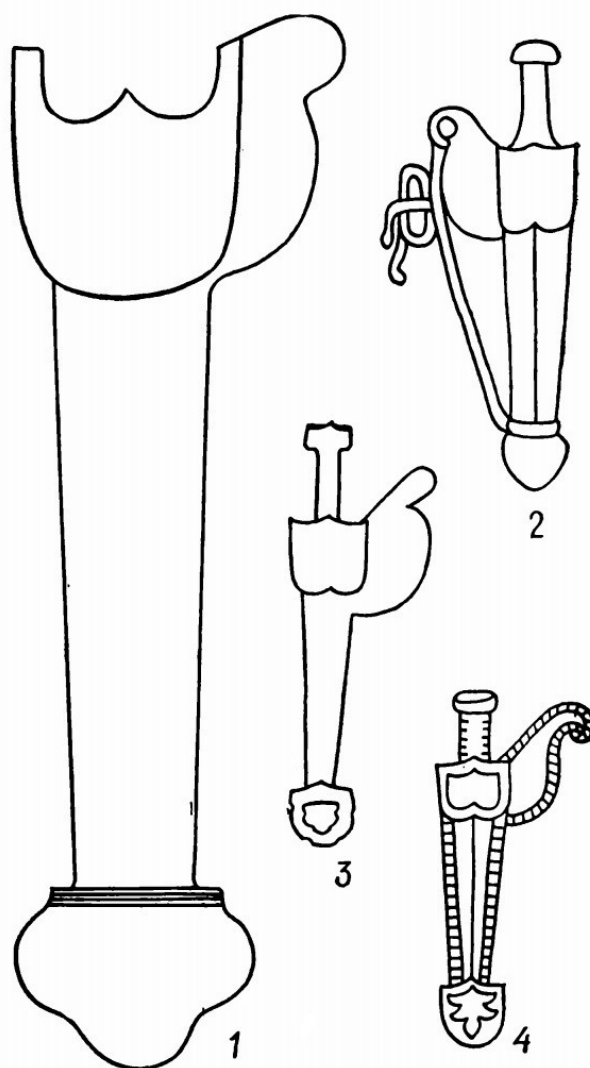

Рис. 16. Персидские и мидийские акинаки:

1 — модель деревянных ножен (Британский музей); 2 — персидский акинак (рельеф ападаны Персеполя); 3 — пластина Амударьинского клада; 4 — ритон из Эрбуни.

и на ритоне из клада, найденного у городища Эрбуни в Ереване (рис. 16, 4) ⁷³.

Вещественные находки подобных мечей нам неизвестны. Полностью повторяют форму ножен на персепольских рельефах деревянные ножны из собрания Британского музея (рис. 16, 1) ⁷⁴. В Лувре, Британском музее, зарубежных частных собраниях и Эрмитаже хранятся окончания ножен, изготовленные из слоновой кости и бронзы ⁷⁵. Они чрезвычайно близки по форме и типу окончаниям ножен акинаков, изобра-

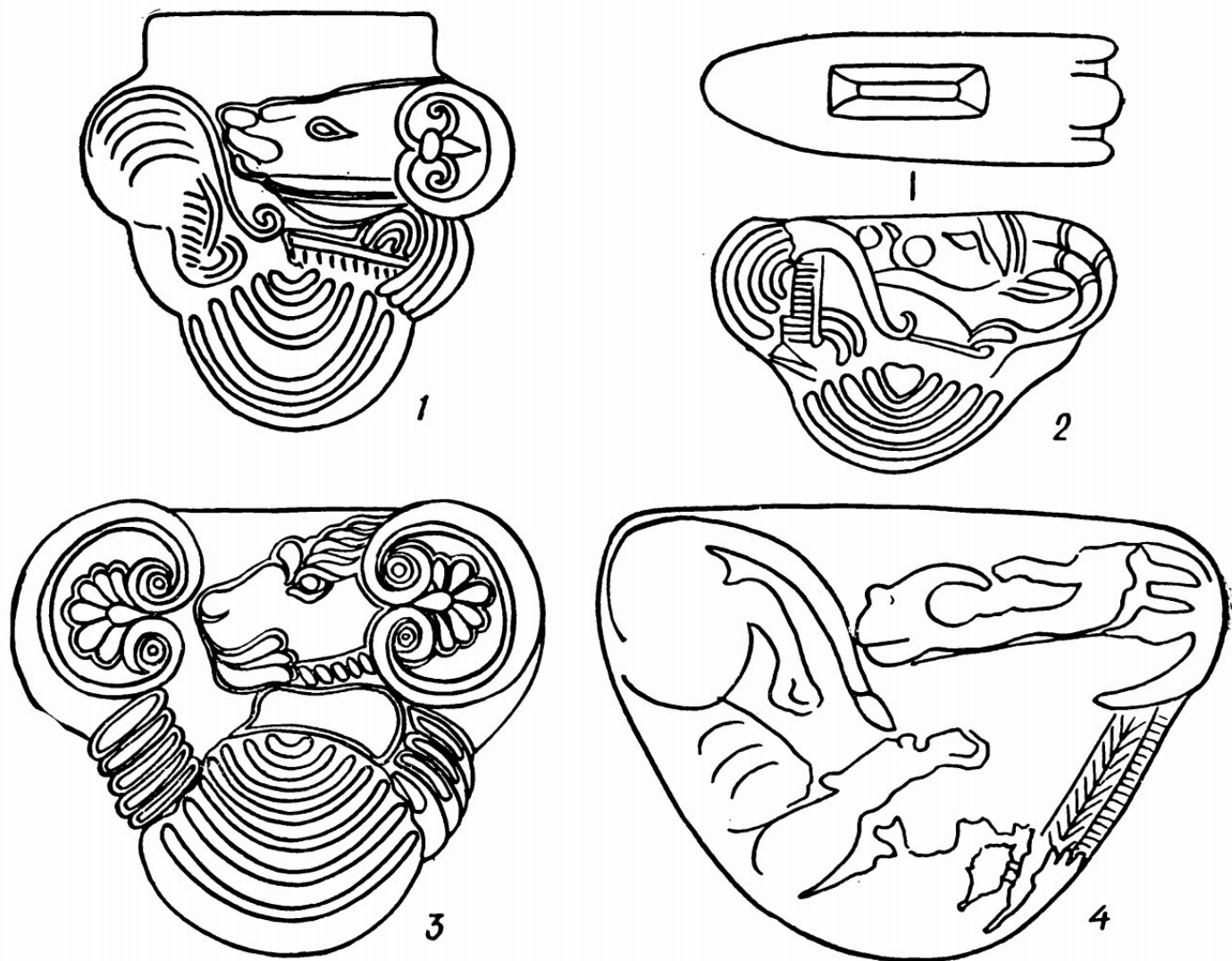

Рис. 17. Окончания ножен персидских акинаков.

женных на рельефах Персеполя. Какая-то часть их относится ко времени похода Дария в Скифию (рис. 17).

Находка этих окончаний ножен и деревянной модели ножен, хранящихся в Британском музее, еще раз демонстрируют достоверность изображений предметов, в частности, на персепольских рельефах, их полное соответствие реальным образцам, с огромным трудом и абсолютной выразительностью воспроизведенных в камне мастерами древности.

Золотое покрытие ножен парадного персидского, или мидийского, акинака входит в комплекс Амударьинского клада (рис. 18, 1) ⁷⁶.

Чрезвычайно интересные ножны акинака были недавно найдены при раскопках крепости Тахти Сангин (Каменное городище) на берегу Аму-Дарьи, недалеко от того места, где в 1877 г. был найден знаменитый Амударьинский клад. Ножны сделаны из сплошного куска слоновой кости и имеют такой же вид, как ножны акинаков, воспроизведенные на рельефах Персеполя. Различие состоит лишь в отсутствии у ножен устья, повторяющего форму перекрестия меча. Поверхность ножен заполнена фигурой стоящего на задних лапах льва, который передними держит оленя. Олень помещен в боковом выступе ножен. Окончание ножен — бу-

Рис. 18. Ножны персидских мечей:

1 — Амударьинский клад (золото); 2 — Каменное городище (Тахти Сангин) (слоновая кость).

тероль — выполнено в виде свернувшегося козла. Общая длина их 27,6 см. В ножнах мог поместиться короткий акинак общей длиной до 40 см (рис. 18, 2) ⁷⁷.

Короткие мечи, или кинжалы второго типа не только воспроизведены на рельефах Персеполя, но и найдены там же. Ими вооружены персидские или мидийские «офицеры» на рельефах стен, окаймлявших ступени, ведущие на площадку Ападаны, в так называемом «гареме» Ксеркса, на гробнице Дария в Накш-и-Рустаме ⁷⁸. Видна только их верхняя часть, нижняя скрыта одеждой. Оружие имеет рукоятку с достаточно массивным грибовидным навершием, плавно, почти без перехода для руки, превращающуюся в перекрестие. Для этих мечей характерно массивное прямоугольное, в верхней с заостренно свисающими вдоль боков частями, устье ножен (см.: рис. 13). Оно же характерно и для греческих мечей-ксифосов, у которых несколько иначе оформлена только нижняя часть ⁷⁹.

Находки оружия этого типа в Персеполе показали, что форма рукоятки на воспроизведениях несколько утрирована. Это один целый, очень большой (общей длиной более 80 см) железный меч (рис. 7, 1) и два фрагмента рукоятки. Меч имеет в плане грибовидное навершие с достаточно хорошо выраженным перехватом для руки, плавно расширяющееся к клинку, округлое в нижней части перекрестие. У клинка параллельные лезвия плавно сужаются к острию в последней трети его длины. Очевидно, в разрезе он линзовидный.

Фрагменты двух других рукояток сохранились без перекрестия. Их форма в достаточной мере близка к рукоятке меча, описанного выше, чтобы можно было отнести их к одному типу оружия. Отличие заключается в некоторых особенностях формы навершия, наличии рельефного бортика, проходившего вдоль края и двусторонних выступах в

основании навершия одного из экземпляров (рис. 7, 5, 6).

Находка длинного меча всадника в Персеполе убедительно опровергает прочно установившееся мнение, что мечи персов были только короткими — такими, как их изображают на рельефах Персеполя.

Как известно, в войске Дария, помимо персов и мидийцев, были и другие племена, собранные им для этого грандиозного похода *. Пожалуй, только об оружии мидийцев можно судить определенно, исходя из слов Геродота о том, что «мидяне же носят в походе такое же вооружение, как и персы» (вооружение это, собственно, мидийское, а не персидское) ⁸⁰.

Нам точно не известно, представители каких именно народов принимали участие в походе в Скифию. Очевидно, это были представители народов, покоренных к этому времени Дарием и известных из текста Бехистунской надписи. Если это так, то какое-то представление об их вооружении можно составить из рассказа Геродота о вооружении воинов — выходцев из этих стран, принимавших участие в походе Ксеркса в Грецию, и немногих археологических источников. Мы располагаем определенными данными об оружии саков, ассирийцев и некоторых других племен, принимавших участие в походе. Однако обобщающих работ по вооружению этих народов нет. Поэтому в настоящей работе ограничимся лишь кратким разбором персидского и мидийского вооружения. Нет таких работ и об организации персидского войска. Исключением является раздел в монографии М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина, основные наблюдения которых и использованы нами ⁸¹.

* Вспомним слова Эсхила: «...Азия вся зовет царя взялась за оружие и с места снялась» (Эсхил. Персы.— В кн.: Античная драма. М., 1970, с. 40).

После прихода к власти, подавления многочисленных восстаний и наведения относительного порядка в персидской державе Дарий около 518 г. до н. э. начал проводить реформы, направленные на укрепление власти. «Однако и после реформ Дария Персидская держава оставалась военно-административным объединением, которое могло существовать только до тех пор, пока удавалось силой оружия удерживать различные народы в составе государства»⁸². Главной в системе реформ была административная реформа, поскольку страна была разделена на административно-податные округа сатрапии. Если при предшественниках Дария административно-гражданские и военные функции сосредоточивал в своих руках сатрап (Дарию в первые годы своего правления пришлось потратить слишком много сил на подавление восстаний в провинциях Персии и на борьбу с мятежными их правителями*), то при Дарии в их руках осталась только гражданская власть. В мирное время в распоряжении сатрапов был лишь немногочисленный отряд телохранителей. Военачальники были независимы от сатрапов и подчинялись непосредственно Дарию⁸³.

По оценке М. А. Дандамаева и В. Г. Луконина, численность населения державы Ахеменидов в период ее расцвета достигала около 50 млн. человек, из них собственно персов вряд ли было более 1 млн.⁸⁴ Персы составляли ядро войска, его самую надежную часть. Ксенофонт, говоря о численности персов, отмечал: «...персов всего насчитывается около ста двадцати тысяч»⁸⁵. М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин вполне справедливо полагают, что речь идет только о взрослых персах⁸⁶.

* Ф. Энгельс писал: «Дарий Гистасп организовал постоянную армию, чтобы держать в повиновении завоеванные области, а также предупреждать частые восстания сатрапов или гражданских губернаторов» (Энгельс Ф. Армия.— В кн.: Избранные военные произведения. М., 1956, с. 137).

Практически все взрослые персы были воинами. От несения воинской службы и участия в походах не освобождался никто. Геродот сообщает о весьма любопытном эпизоде, который произошел во время подготовки к походу в Скифию: «...Эобаз, один из персов, у которого было трое сыновей и все они должны были идти в поход (на Скифию.— *Е. Ч.*), просил царя оставить хоть одного сына. Царь ответил, что он оставит ему как другу и скромному просителю всех трех сыновей. Эобаз весьма обрадовался в надежде, что все его сыновья будут освобождены от похода. Дарий же велел слугам умертвить всех его сыновей. И они, казненные, действительно остались там»⁸⁷.

Покоренные народы тоже несли воинскую повинность. Но в отличие от персов, которые не имели права отказаться или откупиться от участия в походе, они могли нанять себе замену. Вавилонянин Ширку, как свидетельствуют надписи, вместо себя послал служить в Элам колесничим другого человека, заплатив ему за полгода большую сумму — 50 сиклей серебра⁸⁸. Три вавилонянина послали вместо себя замену сроком на три года, выплатив деньги, осла, 12 одежд, 12 панцирей, 24 пары обуви и т. д.⁸⁹.

Основную, наиболее надежную силу персидского войска составляла «гвардия» — «бессмертные», насчитывавшие 10 тыс. отборных персидских воинов. «Этот отряд персов называли «бессмертными», и вот почему. Если кого-нибудь постигала смерть или недуг и он выбывал из этого числа, то [на его место] выбирали другого и [потому в отряде] всегда было ровно 10 000 воинов — не больше и не меньше. Из всех народностей лучше всего держали боевой порядок персы, и они были самыми доблестными»⁹⁰. М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин приводят мнение итальянского исследователя А. Пальяро, который полагает, что Геродот ошибся, называя

этот отборный отряд «бессмертным». Информатор Геродота или сам «отец истории» спутали слова *anūšya* — «последователь, приверженец» с *anauša* — «бессмертный»⁹¹. Из этого отряда тысяча воинов комплектовалась только из представителей персидской знати, составляя личную гвардию самого царя⁹². Очевидно, в число этих «гвардейцев» и должны были войти казненные за просьбу не участвовать в походе в Скифию сыновья Эобаза, которого сам Дарий назвал своим «другом».

Именно об этих отборных воинах «Диодор писал (XVII, 59, 3), что они были вооружены копьями, конец которых напоминал по своей форме айву, и выделялись своим ростом. В Персеполе сохранились изображения таких царских телохранителей, вооруженных луками, колчанами, щитами и короткими мечами. Все они имеют при себе также копья с шарами на наконечниках, золото с которых было содрано еще македонскими завоевателями города»⁹³. По-видимому, эти же гвардейцы изображены на Бехистунской скале и на изразцах из Суз (см. рис. 9; 10).

Остальная часть отборного отряда пополнялась за счет представителей многих иранских племен и эламитов⁹⁴. Возглавлял отряд «бессмертных» один из высших сановников государства хазарпат — «тысяцкий». Греческие авторы переводят его титул как «хилеарх»⁹⁵.

Ведущая роль персов в войске, почти всеобщее участие в нем всех взрослых персов нашло отражение и в тексте Бехистунской надписи, где Дарий называет персов «народом-войском»⁹⁶. «В одной из своих надписей Дарий I обращается к своим преемникам с призывом заботиться о персидском народе-войске, чтобы не бояться никакого врага»⁹⁷.

Войско персов состояло из пеших и конных воинов. Об этом писал Геродот, рассказывая о событиях скифо-персидской войны. Помимо самих персов (надписи говорят о Персии как о

стране с «добрыми мужами и добрыми конями»), в коннице служили мидийцы, бактрийцы и саки⁹⁸.

Заметную роль в войске персов играли отряды боевых колесниц. Возможно, такие отряды принимали участие и в походе в Скифию.

Хорошей боеспособностью, выучкой и стойкостью в огромном войске Дария отличалась, пожалуй, только основная его ударная сила — собственно персы. Большинство войска, состоявшее из представителей покоренных народов, шло в бой неохотно. Геродот рассказывает, как в битве при Фермопилах за рядами воинов «стояли начальники отрядов с бичами в руках и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед»⁹⁹. Конечно, такой разношерстный состав войска намного ослаблял его боеспособность.

Снабжалось войско, по-видимому, централизованно. Как сообщают персидские надписи, лучник получал по 2 л муки ежедневно, воин, вооруженный топором, во время похода, кроме муки, получал ежедневно 2 л вина¹⁰⁰. Огромные обозы, на которых нужно было перевозить продовольствие, намного сковывали подвижность и маневренность войска.

Ф. Энгельс писал о персидском войске эпохи Дария: «Для больших походов... производился общий набор во всех провинциях государства. Масса ... различных отрядов образовывала подлинно восточную армию, составленную из самых разнообразных частей, которые отличались одна от другой вооружением и приемами боя; ее сопровождал громадный хозяйственный обоз и бесчисленное количество нестроевых. Присутствием этих последних мы должны объяснить громадную численность персидских армий, о которой говорят греки»¹⁰¹.

Походу в Скифию Дарий уделял большое внимание. Об этом свидетельствуют тщательная подготовка к походу, о ко-

Место восстания	Кто подавлял	Текст надписи
Элам	Дарий	I, 83—90
Элам	Гобрий *	V, 1—14
Вавилон	Дарий	I, 90—96
Вавилон	Виндафарн	III, 76—83
Мидия	Видарна	II, 18—29
Мидия	Дарий	II, 64—70
Армения	Дадаршиш	II, 29—37
Армения	Ваумиса	II, 49—57
Сагартия	Тахмаспад	II, 78—91
Парфия	Ваштаспа	II, 92—98
Маргиана	Дадаршиш	III, 10—19
Персия	Артавардия	III, 21—28
Арахосия	Виван	III, 54—64
Скифия	Дарий	V, 20—30

* Участник похода в Скифию.

торой писал Геродот, предварительная своеобразная «разведка боем», предпринятая сатрапом Каппадокии Ариарамном, о чем есть сообщение Ктесия, а также то, что Дарий лично возглавил этот далекий и ответственный поход.

Лишь после неудачного похода в Скифию в начале V в. до н. э. Дарий не принимал личного участия в греко-персидских войнах. Войсками персов командовали его полководцы — Мардоний, Датис, Артаферн.

Бехистунская надпись дает подробное представление о том, как Дарий подавлял восстания в первые годы после прихода к власти. Из текста известно о 14 подобных кампаниях¹⁰².

Из сводки видно, что лишь в 4 из 14 кампаний Дарий лично возглавлял силы персов, принимавшие участие в подавлении восстаний. Как видно из перечня мест восстаний, это были крупнейшие центры державы ахеменидов (Элам, Вавилон, Мидия), или «Скифия» (среднеазиатские «скифы»), овладению которой Дарий придавал большое значение.

В VI в. до н. э. завершилось в основном формирование всего комплекса скифского наступательного и защитного оружия, рассчитанного на обеспечение

успешного боя с противником на дальней, средней и ближней дистанциях.

Защитное вооружение состояло из шлемов, панцирей, щитов, боевых поясов и ножных доспехов. Его комплекс был уже описан в монографическом исследовании этой важнейшей группы скифской панοπлии¹⁰³. Находки последних лет внесли лишь некоторые уточнения, не затронув сущность основных положений. Поэтому, характеризуя защитное вооружение скифов эпохи войны с персами, ограничимся здесь изложением самых основных положений.

Возможно, в VI в. до н. э. металлические племена сколько-нибудь значительного распространения в Скифии не получили. Известные документированные находки шлемов (7 экз.) так называемого «кубанского» типа, обнаруженные на территории юга Европейской части СССР, происходят из скифских комплексов и случайных находок на территории Северного Кавказа, где сосредоточено основное количество раннескифских богатых воинских погребений. К рассмотренным материалам (пять шлемов из курганов у станиц Келермесской и Крымской¹⁰⁴) можно добавить племена из станицы Гвардейской в Чечено-Ингушетии¹⁰⁵ и у с. Нартан в окрестностях Нальчика¹⁰⁶. Очевидно, такие находки следует ожидать и в комплексах Северного Причерноморья.

Форма шлемов «кубанского» типа достаточно точно передает форму головы. В их передней части сделан небольшой вырез, окаймленный рельефной дугой, сходящейся к переносице. Имеющиеся на некоторых экземплярах прямоугольные вырезы в затылочной части ограничены рельефным валиком. Такой же валик проходил вдоль шлемов, образуя невысокий гребень и на боках, несколько отступая от края. В верхней части шлема имеется кольцо для подвешивания шлема к поясу или к седлу в «походном» положении. К нему могли крепить и украшения в виде конских хвостов.

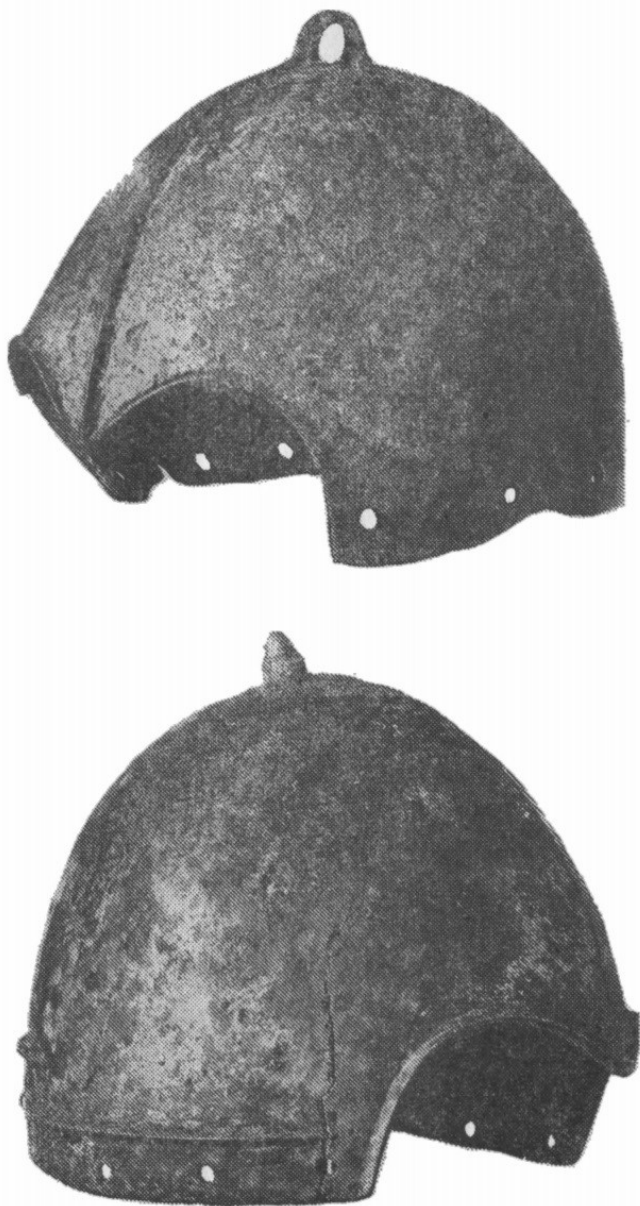

Рис. 19. Кубанские шлемы:
1 — Келермес; 2 — собрание ГИМ.

Вдоль нижнего края шлемов с боков и сзади имеются довольно крупные круглые отверстия для крепления наборных нащечников и наатыльника — своеобразной бармицы.

Размеры шлемов колеблются в таких пределах: высота — 15—20,5 см; длина — 18—21 см; ширина — 16,9—18 см. Вес — от 1,6 до 1,9 кг. Все шлемы литье ¹⁰⁷ (рис. 19).

В V в. до н. э. на территории Скифии проникают шлемы античных типов, получают распространение наборные че-

шуйчатые шлемы. Последние довольно часто встречались при раскопках недавних лет. Совершенная форма наборных шлемов V в. до н. э. предполагает их развитие на протяжении какого-то отрезка времени. Вполне естественным будет обнаружение их и в комплексах конца VI в. до н. э. Ведь еще совсем недавно нам было известно только два полностью сохранившихся чешуйчатых наборных шлема из комплексов V в. до н. э. Один из них обнаружен в 1968 г. у с. Новая Розановка на Николаевщине ¹⁰⁸, второй — в 1977 г. у с. Александровка на Днепропетровщине ¹⁰⁹. И только в 1981 г. сразу два наборных шлема IV в. до н. э. отличной сохранности обнаружены при раскопках на территории Запорожской и Херсонской областей А. В. Симоненко и В. В. Отрощенко. Так, на протяжении только одного полевого сезона новые находки существенно изменили наши представления о хронологии наборных шлемов.

Основным средством защиты головы в бою у воинов Скифии в период войны с персами были кожаные или меховые башлыки, хорошо известные по изображениям на миниатюрной глиняной скульптуре и торевтике более позднего времени.

Значительное распространение в Скифии получили панцири. Из находок на территории Северного Причерноморья и Северного Кавказа в VI—IV вв. до н. э. известно 186 панцирей, из них 23 относятся к VI в. до н. э. ¹¹⁰ За 15 лет картина изменилась. Сейчас на этой же территории нам известно около 280 панцирей, из которых 30 относятся к VI в. до н. э. К сожалению, целых панцирей, относящихся к этому времени, при раскопках последних лет не найдено. Материалы старых раскопок позволяют выделить панцири двух типов — с длинными рукавами (Старшая Могила и курган № 38 у Гуляй-Города) и без рукавов (Щучинка) ¹¹¹ (рис. 20, 1—3). Панцири изготовлены из железных или

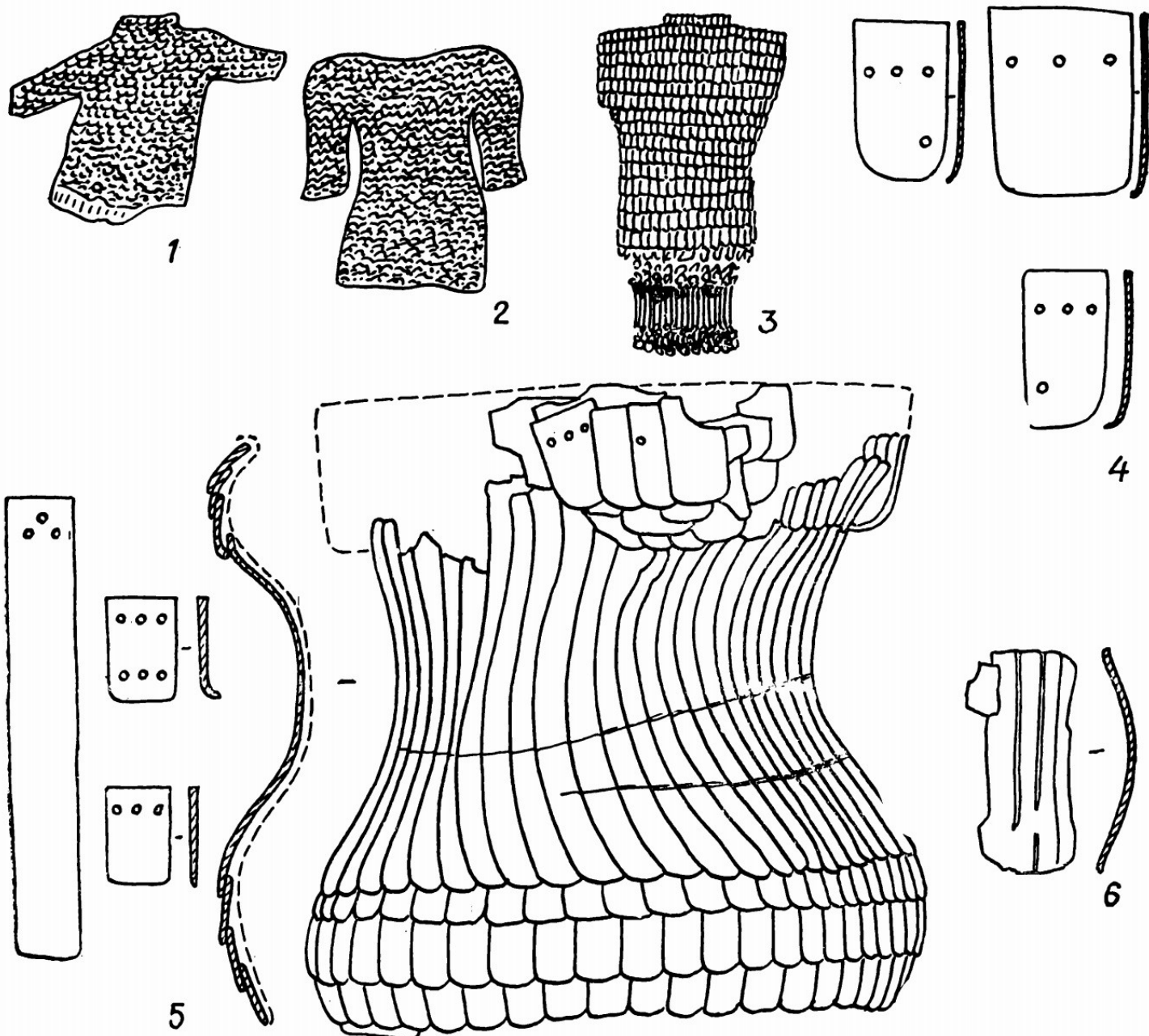

Рис. 20. Скифское защитное оружие:

1 — панцирь из кургана № 38 у Гуляй-Города; 2 — панцирь и пластины панциря из Старшей Могилы; 3—5 — пояс, панцирь и боевой пояс из Щучинки; 6 — боевой пояс из Ходорова.

бронзовых пластин. В VI в. до н. э. они имели точно такую же форму, как и в более поздних доспехах, одинаков был и способ крепления их на основе, и взаимное расположение пластин внутри ряда и в соседних рядах набора. Примером таких пластин архаической поры могут служить панцирные пластины из Старшей Могилы (рис. 20, 4).

На вооружении воинов Скифии VI в.

до н. э. находились боевые пояса, о чем свидетельствуют находки трех боевых поясов из архаических курганов Поросья: № 43 у с. Берестняги¹¹², № 362 у с. Пешки¹¹³ и № 423 у с. Ходоров. Это обычные для поясных наборов железные, узкие, изогнутые в средней части пластинки, нашиваемые поперек кожаной основы и обшитые вдоль краев кожаной тесьмой, образующей валик. Луч-

ше других в 35 обломках сохранился пояс из курганов у с. Ходоров (рис. 20, 6) ¹¹⁴.

Бесспорно к VI в. до н. э. относится один из трех известных широких защитных поясов, обнаруженных В. В. Хвойкой у с. Щучинка на Киевщине ¹¹⁵. Он лежал ниже панциря, описанного выше, свернутый в два оборота и связанный шнурками. Поэтому он имеет цилиндрическую форму с хорошо выраженным перехватом в средней части. Набран из семи горизонтально расположенных пластин различной величины на толстой кожаной основе. В поясе очень хорошо выделяются три части: верхняя, нижняя и средняя.

Нижняя и верхняя части набраны из трех рядов железных пластин с отверстиями, расположенными в верхней части пластин. Нижний округлый край загнут вовнутрь. Пластины заходят одна на другую, перекрывая по горизонтали и вертикали от $1/2$ до $3/4$ поверхности соседней пластины. Средняя часть этого защитного пояса набрана из узких и длинных пластин, расположенных вертикально. Они, как и пластины портупейных поясов, сильно изогнуты дугой, обращенной вовнутрь (рис. 20, 5). Общая длина пояса 106, ширина 17 см, диаметр в свернутом виде верхней части 18, в нижней — 20 см.

Пояс из Щучинки позволил выяснить место поясов такого типа в составе скифского вооружения. Как видно из плана погребения, он лежал вместе с коротким панцирем, дополняя его (рис. 20, 3). Пояс можно было использовать и без панциря, как самостоятельный доспех. Такие пояса характерны только для периода скифской архаики. В более позднее время они входили в состав набора панцирей, что было более рационально.

О распространении щитов среди воинов в ранний период истории скифов известно мало. Это происходит не потому, что щиты скифы использовали ма-

ло, а потому, что в основной массе они изготавливались из материалов, которые не выдержали испытания временем — из дерева и прутьев. О щитах, изготовленных из этих материалов, можно судить только по данным, относящимся к более позднему времени, чем период скифо-персидской войны. Во всяком случае широкое использование щитов из дерева и прутьев и подобных тем, что нашли широчайшее распространение во всем евразийском мире, вряд ли может быть подвергнуто сомнению. Но до наших дней могли сохраниться лишь те, в составе которых, помимо дерева, использовались более стойкие материалы, прежде всего железо.

Существование таких щитов подтверждают археологические находки. Это щит со сплошным металлическим покрытием из Костромского кургана, круглый щит диаметром чуть более 70 см, украшенный пластиной всемирно известного оленя, из кургана у станицы Костромской (рис. 21, 2) ¹¹⁶. Украшением щита принято считать и знаменитую пластину в виде пантеры из Келермесса (рис. 21, 1) ¹¹⁷. Этот щит имел чешуйчатое железное покрытие. Железные пластины подобных щитов набирались на основе так же, как и пластины панцирей. Но в отличие от последнего, где для крепления пластин на основе и между собой использовалась мягкая ременная связь, на щитах применялась связь из проволоки.

Келермесский и, очевидно, Костромской курганы относятся не к VI, а к концу VII в. до н. э., о чем свидетельствует все больше и больше данных. Существование щитов с металлическим панцирным покрытием на заре скифской истории бесспорно. Находки же щитов с панцирным покрытием в комплексах периода скифо-персидского конфликта неизвестны. Но существование их в конце VII — начале VI и в V—IV вв. до н. э. дает возможность увереннее предполагать использование их

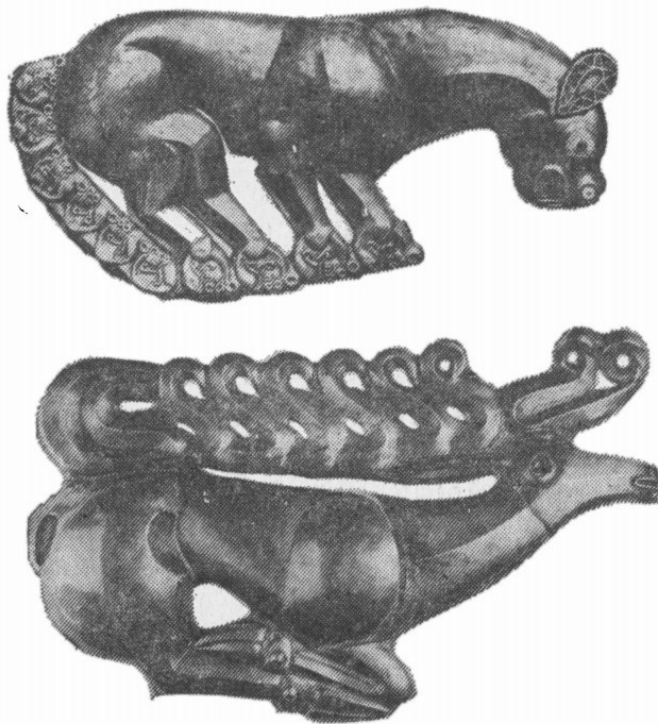

Рис. 21. Украшения скифских щитов:
1 — Келермес; 2 — Костромской курган.

воинами Скифии в интересующий нас период.

Мы не располагаем данными о существовании у скифов в конце VI в. до н. э. ножных доспехов. Единичные находки поножей греческих образцов характерны для V в. до н. э. (Ромейковка) ¹¹⁸. Известна серия комплексов этого же времени, в которых найдены ножные доспехи — наборные набедренники и поножи (курган у Жданова ¹¹⁹, Новой Розановки ¹²⁰, Александровки ¹²¹, курган в некрополе Нимфея ¹²², курган № 3 в уроч. Стайкин Верх у Аксютинцев ¹²³). Примечательно, что в названных комплексах представлен доспех в очень развитой форме. Сам факт существования его предполагает довольно длительное развитие и совершенствование.

Серия массивных бронзовых конских налобников, обнаруженных на Кубани и под Никоподем, свидетельствует о применении в VI в. до н. э. воинами Скифии средств защиты боевого коня (рис. 22). Пластины довольно сложной формы, длина их до 35, ширина до

20 см. Бронзовая толстая пластина укрепленная на морде коня, могла за щитить его от поражения ¹²⁴.

Исследование всего комплекса скифского защитного доспеха убедительно показывает, что уже в VI в. до н. э. в степях Северного Причерноморья и Северного Кавказа появилась мощная тяжеловооруженная конница скифов ¹²⁵.

Наступательное вооружение скифов обеспечивало поражение противника в дальнем бою (лук и стрелы, праща), на средней дистанции (метательные копья и дротики) и ближнем бою (мечи, кинжалы, боевой топор, копье).

Основным оружием дальнего боя были лук и стрелы. Слова Геродота о Скифии, «где каждый — конный стрелок» ¹²⁶, полностью подтверждаются археологическими данными. Не встречено ни одной могилы взрослого мужчины-скифа, в которой бы отсутствовали наконечники стрел. Найдены они во многих женских и даже детских погребениях.

Данные о скифских луках и наконечниках стрел, предметах снаряжения лучников — колчанах и горитах — недавно исследованы в специальной монографии ¹²⁷. Здесь ограничимся лишь самыми общими замечаниями.

Луки в курганах Скифии обычно не встречаются. Представления о них дают изображения на предметах торевтики. Древнейшее изображение лука скифского типа помещено на ножнах келермесского и мельгуновского мечей (рис. 22, 2). Это характерный, небольшой (до 70 см длиной) сложный лук с асимметричными плечами. Модель такого лука, изготовленная из бронзы, известна из ольвийской могилы V в. до н. э. (рис. 22, 4) ¹²⁸. В состав лука входило дерево разных сортов, костяные и роговые детали. Костяные накладки на луки найдены в скифских архаических комплексах. При раскопках кургана № 17 у с. Новоалексеевка (Лазурное) была обнаружена костяная накладка на среднюю часть лука ¹²⁹. Костяные и ро-

говые детали от луков, выполненные в виде головок хищных птиц, встречены в нескольких древнейших скифских курганах (рис. 22, 5—7) ¹³⁰.

Древки стрел изготовлялись из дерева (березы, ясеня, тополя) или тростника. Они имели оперение из перьев крупных птиц и ушки, в которые входила тетива. Примером подобных ушек может быть предмет из кургана в уроч. Дарьевка под Шполой (рис. 22, 8). В том случае, если древки изготавливались из тростника, применялись переходные стержни из твердых сортов дерева для надевания наконечника, из такого же дерева делали и ушки. Судя по пропорциям лука и стрелы, изображенных на ножках древнейших скифских парадных мечей (мельгуновском и калермесском), стрелы имели длину до 60—70 см (рис. 22, 2). В кургане Витова Могила на Ворскле длина древков доходила до 71,28 см, в кургане Репяховатая Могила у с. Матусово на Черкасчине достигала 60—65 см ¹³¹.

Наконечники скифских стрел периода скифо-персидской войны известны достаточно хорошо. Все они укладываются в пределы второй хронологической группы, выделенной А. И. Мелюковой (вторая половина VI — первая половина V в. до н. э.), и достаточно четко отличаются от наконечников, входящих в соседние с ней группы — первую и третью ¹³². Данные А. И. Мелюковой использованы для краткой характеристики наконечников этой группы ¹³³. В отличие от наконечников предшествующего периода среди стрел, относящихся к интересующему нас времени, преобладают не двух-, а трехлопастные экземпляры. Сравнительно редко встречаются трехлопастные лавро- и остролистные наконечники. Последние известны с менее широкой и более длинной головкой. Довольно много массивных наконечников со сводчатой головкой, господствуют трехлопастные, так называемые базисные, наконечники, у которых концы ло-

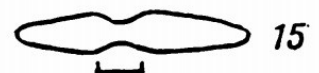
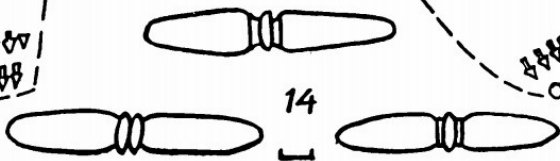
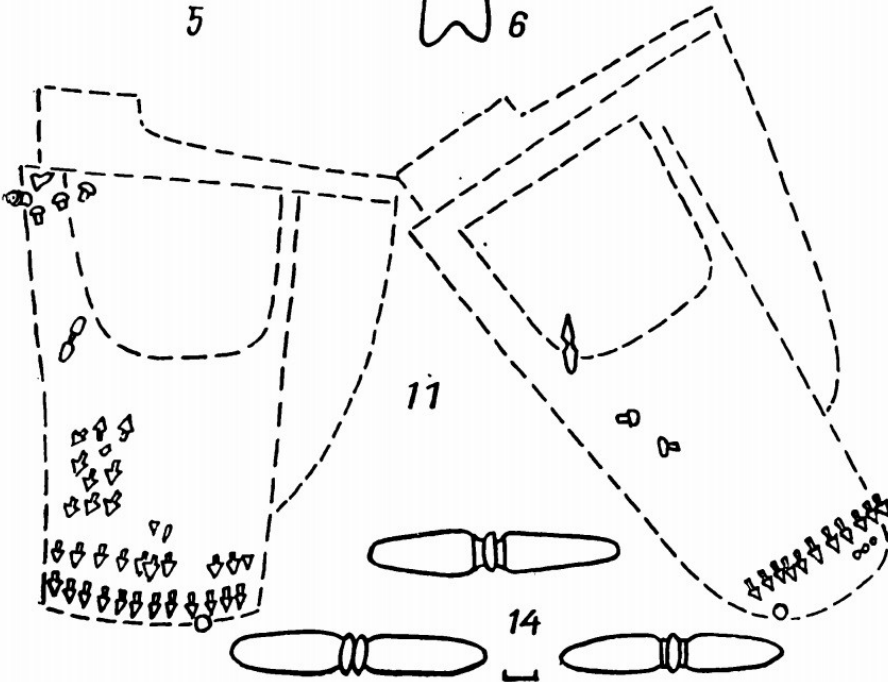
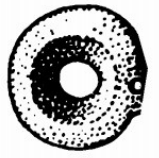
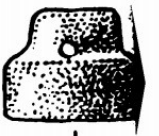
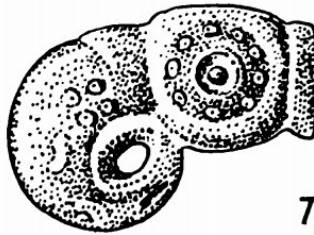
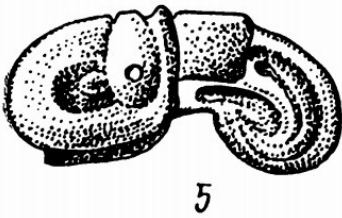
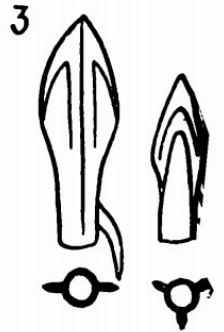
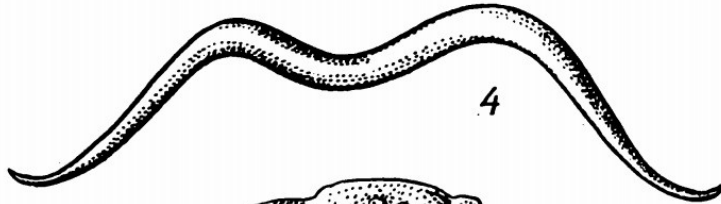
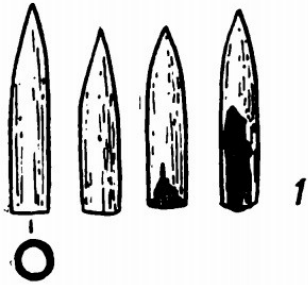
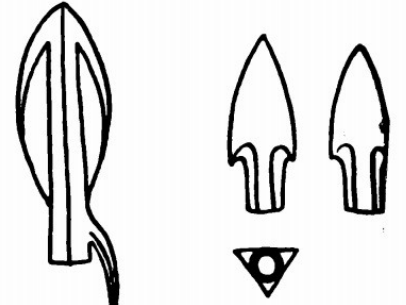
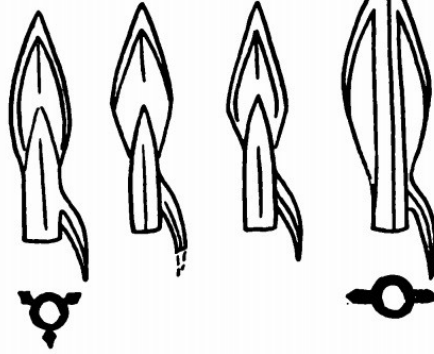
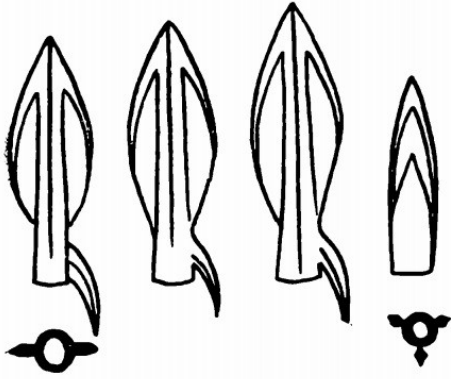
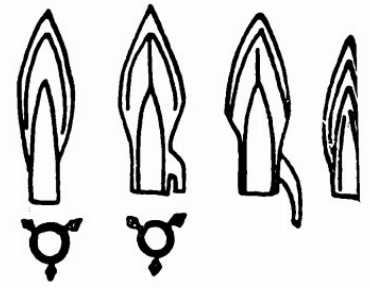
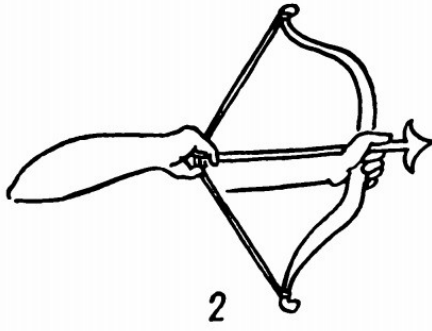
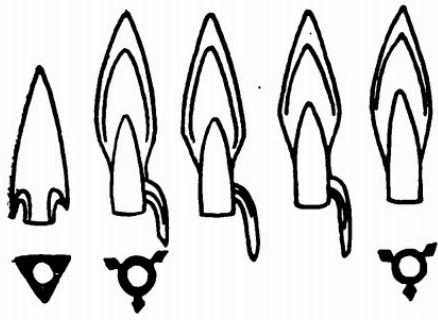
пастей срезаны на один уровень со втулкой, а также встречаются опорновтульчатые.

Наконечники стрел этого времени, как и наконечники из комплексов Скифии на протяжении всей ее истории, обычно отлиты из бронзы. Редко встречаются железные. Они трехлопастные, форма головок близка к бронзовым, длина их втулок несколько больше, чем у экземпляров, изготовленных из бронзы. Столь же редки и костяные наконечники. Они обычно круглые в разрезе и имеют форму, близкую к пуле.

Достаточно полное представление о составе наборов наконечников стрел из комплексов второй половины VI в. до н. э. дают наборы из Репяховатой Могилы, в которых представлены бронзовые наконечники нескольких типов и костяные пулевидные (рис. 22, 1, 3) ¹³⁴. Во второй гробнице этого же кургана были найдены два горита. В первом находились наконечники стрел (151 экз.), изготовленные из бронзы, и костяные (4 экз.), а во втором — лишь бронзовые (124 экз.). В гробнице № 1 того же кургана — 83 бронзовых, 4 костяных и 5 железных. Наконечники стрел из комплексов Репяховатой Могилы очень разнообразны по типам. Так, 83 бронзовых наконечника из первой гробницы авторы раскопок разделили на 27 типов и вариантов.

Количество наконечников в наборах конца VI — начала V в. до н. э. различно. Оно колеблется от одного-двух до нескольких десятков. Известно и большее, подобно наборам из второй гробницы Репяховатой Могилы.

В состав снаряжения лучников Скифии конца VI — начала V в. до н. э. входили гориты. Данные о применении колчанов практически отсутствуют. Парадные гориты этого же времени, которые могли бы дать представление об этом виде горита, также отсутствуют. Известны лишь более позднего времени. Изготовленные из кожи, обычные

гориты сохраняются плохо. Установить форму позволяют их костяные детали. Довольно удачно это сделал В. И. Ключко на материале раскопок Репяховатой Могилы¹³⁵, где авторы раскопок неплохо зафиксировали расположение сохранившихся частей горитов. Они имели форму, близкую к трапециевидной, обращенную узким основанием вниз. В. И. Ключко устанавливает высоту горита равную 63—65 см. Пожалуй, это многовато, тем более что в качестве основания для столь ответственного вывода привлечен предмет, по ошибке отнесенный к горитам, к тому же на добрые две сотни лет моложе комплексов Репяховатой Могилы¹³⁶. Гориты имели два отделения: одно для помещения лука и другое для стрел. В горитах VI в. до н. э., судя по сохранившимся застежкам, отделение для стрел закрывалось клапаном. Такие застежки достаточно хорошо известны. Представление о них дают застежки из Репяховатой Могилы и других комплексов (рис. 22, 13—15)¹³⁷.

Украшению горитов уделялось большое внимание. Они красились в разные цвета, украшались металлическими (золотыми и бронзовыми) деталями, костью. Для ранних горитов характерно украшение небольшими костяными «гвоздиками» и «столбиками», имеющими полусферическую отполированную шляпку¹³⁸. Именно эти предметы украшали гориты из Репяховатой Могилы (рис. 22, 12). Остается неясной роль небольших костяных цилиндрических предметов с большим центральным и маленьким боковым отверстиями, известных в комплексах VI в. до н. э.

(рис. 22, 9)¹³⁹. Такая поделка найдена вместе с остатками горита в Репяховатой Могиле (рис. 22, 10).

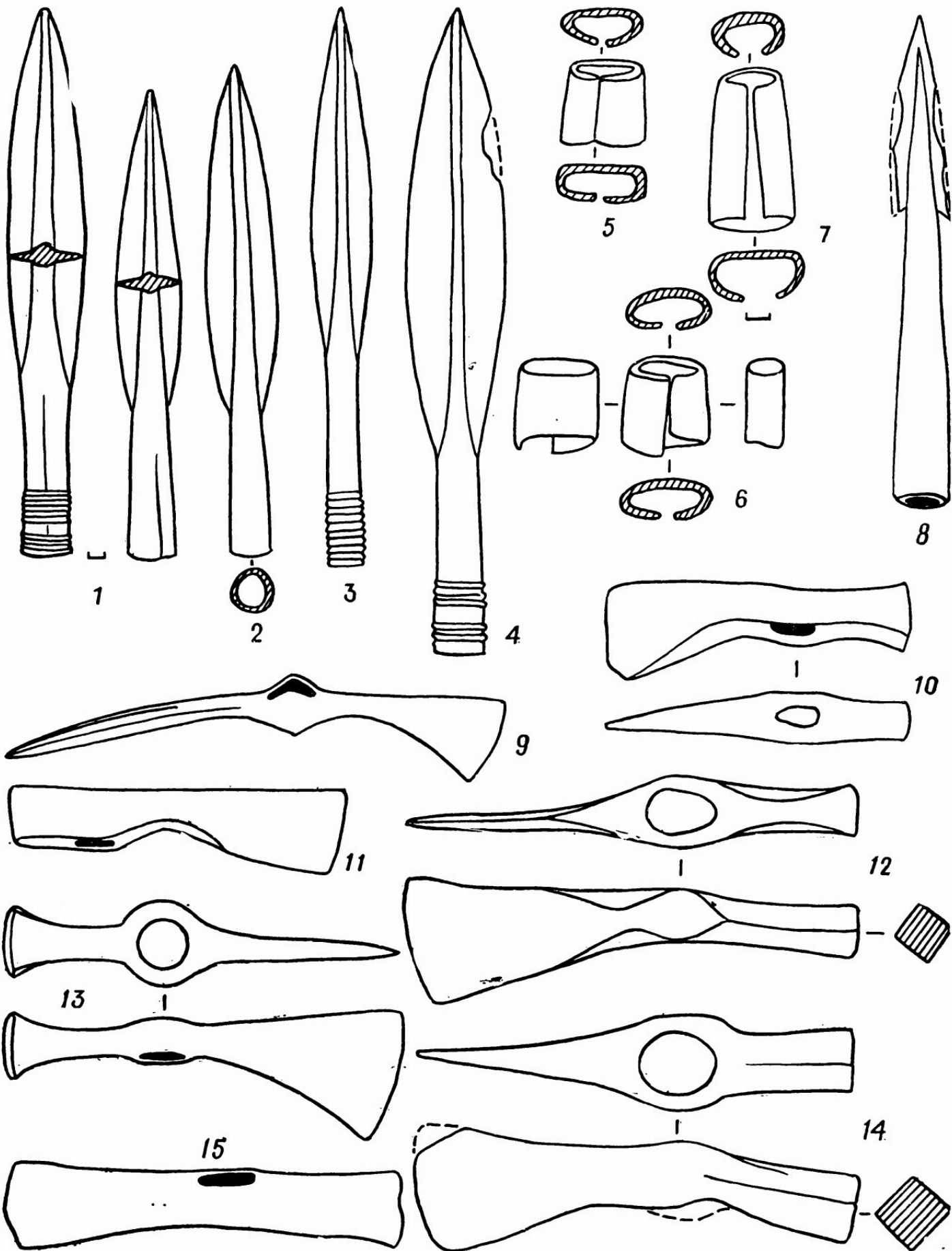
В нескольких курганах VI в. до н. э. найдены пращевые камни. В погребении мужчины-воина у с. Луки на Посулье найдено 15 метательных камней почти круглой формы. Несколько таких камней известно из других курганов этого же времени на Посулье¹⁴⁰. Пращевые камни найдены в архаических курганах на других территориях Лесостепной Скифии и в слоях городищ той же поры.

Эффективным оружием для боя на средней дистанции были копья и дротики. Выделить из общей массы находок копий оружие, предназначенное для метания, удается очень редко. Повидимому, копья, имеющие небольшие, более легкие наконечники, использовались в качестве метательных. Большие и тяжелые наконечники использовались на длинных копьях типа пик и на копьях, которыми сражались, держа их в руке так, как это демонстрирует воин на гребне из Солохи и на обивке горита из того же кургана.

По подсчетам В. Ю. Мурзина, в 12 степных скифских комплексах конца VI в. до н. э. найдены наконечники копий очень плохой сохранности¹⁴¹. Поэтому для характеристики вооружения этого времени придется привлечь, как, впрочем, и для некоторых других категорий скифского вооружения, комплексы из курганов Лесостепной Скифии. Наконечники имеют перо лавровидной формы с продольным ребром, являющимся продолжением втулки цилиндрической формы. На некоторых

Рис. 22. Оружие и снаряжение лучников:

1 — наконечники стрел (Репяховатая Могилы, гробница 2, горит 1; 2 — скифский лук (Келермес); 3 — Репяховатая Могилы, гробница 2, горит 2; 4 — модель лука (Ольвия); 5 — окончание лука (Семеновка); 6 — Комаровский могильник; 7 — Новоалександровка — I; 8 — ушко стрелы (уроч. Дарьевка близ Шполы); 9 — деталь горита (Койсуги); 10 — деталь горита (Репяховатая Могилы); 11 — гориты из Репяховатой Могилы (по В. И. Ключко), гробница 2; 12 — столбики и гвоздики (Репяховатая Могилы); 13 — застежка горита (Огородное, курган 9, погребение 5); 14 — застежка горита (Старшая Могилы); 15 — застежки горитов (Репяховатая Могилы).

экземплярах имеются невысокие рельефные валики (до 10), проходящие сплошь или с некоторым разрывом. Соотношение длины пера и втулки 2 : 1. Характерными для этого времени являются наконечники копий из Репяховатой Могилы¹⁴², из курганов № 453 у с. Макеевка и № 406 у с. Журавка¹⁴³ (рис. 23, 1—4).

Некоторые наконечники копий имели чехлы из кожи или ткани, оканчивающиеся железными, слегка уплощенными, овальными в разрезе оковками, изготовленными из листа металла. Такие оковки, в частности, имели упомянутые выше наконечники из Макеевки и Журавки (рис. 23, 5—7)¹⁴⁴.

Дротики в VI в. до н. э. не нашли широкого применения. Известны лишь единицы. Это короткий (длина 19 см) дротик с пером, равным $\frac{1}{2}$ длины короткой втулки из кургана № 478 у с. Волковцы¹⁴⁵ (рис. 23, 8).

Серия топоров из комплексов раннескифского времени достаточно большая. Известен один двулезвийный топор и более двух десятков однолезвийных. Среди последних есть клиновидные, чеканы и топоры-клевцы¹⁴⁶. Все топоры изготовлены из железа. В кургане у с. Офирна на Киевщине найден двулезвийный топор с прямой спинкой, овальным проухом, смещенным к тыльной части, в значительной мере притупленной. Длина топора 21 см¹⁴⁷ (рис. 23, 15).

Боевой клиновидный топор известен из Старшей Могилы¹⁴⁸ (рис. 23, 11). Интересный чекан с длинным сильно расширяющимся обухом найден в Репяховатой Могиле (рис. 23, 13). Характерной особенностью этого экземпляра является совершенно круглое проушное отверстие. Нижний край довольно ши-

рокого лезвия сильно опущен вниз¹⁴⁹. Другой чекан, но с коротким обухом, обнаружен в Старшей Могиле¹⁵⁰ (рис. 23, 10). По форме он близок к клиновидному топору из того же комплекса. Отличие заключается в четко выделенной и более длинной обушной части.

В курганах второй половины VI в. до н. э. найдено несколько чеканов с прямым обухом, имеющим в разрезе форму ромба. Такие топоры отличной сохранности хорошо представлены на территории Поднестровья, например, из Круглика и Перебыковцев¹⁵¹ (рис. 23, 12, 14).

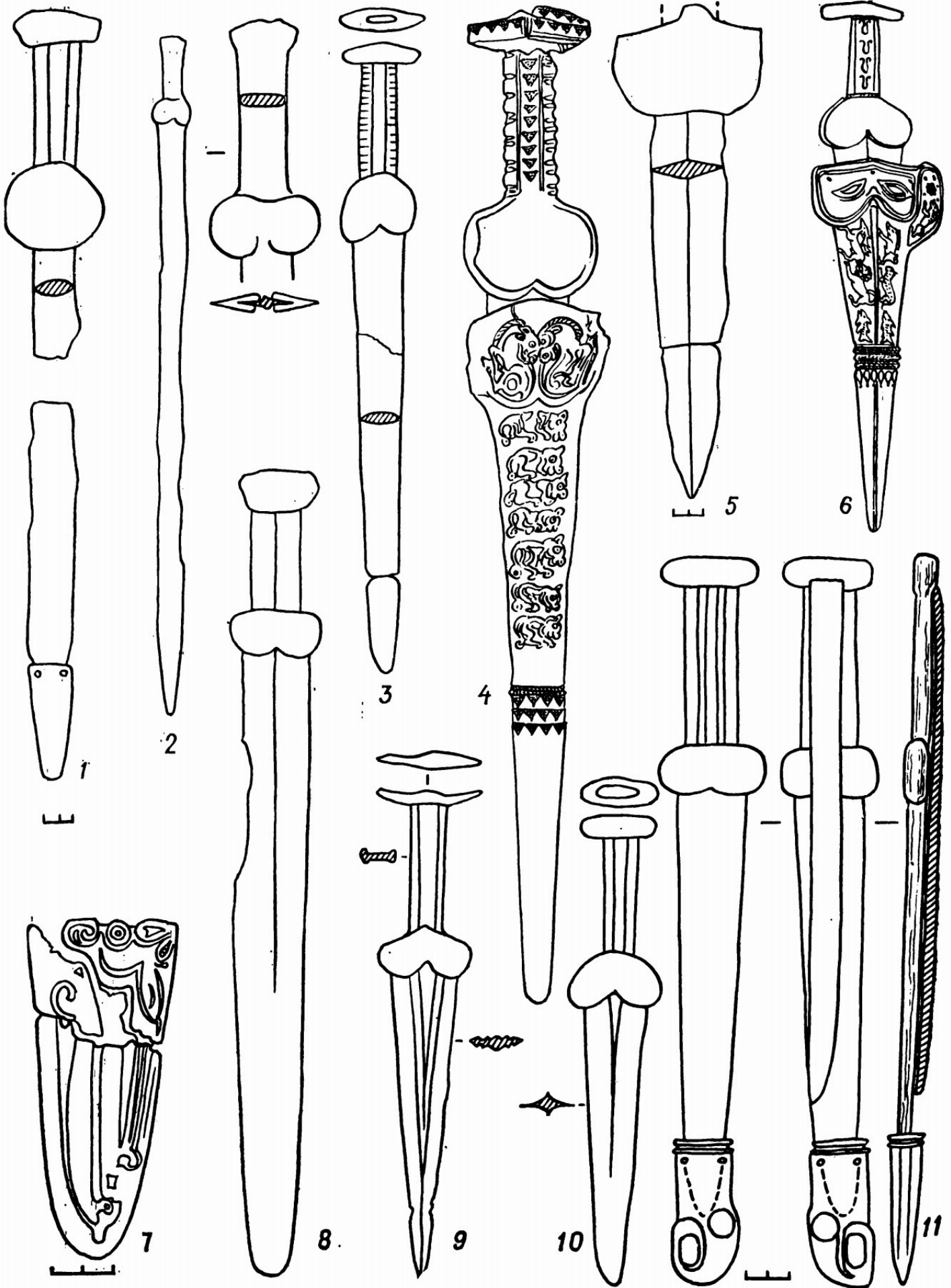
Уникальным является топор-клевец из Трахтемировского городища¹⁵². Оружие имеет очень изящные легкие пропорции. Ромбическая в плане средняя проушная часть несколько приподнята над изогнутым бойком — «клювом» и лезвием, опущенным вниз (рис. 23, 9).

Основным оружием ближнего боя у скифов были мечи и кинжалы. Для VI — начала V в. до н. э. известно более 100 мечей и кинжалов разной степени сохранности. Из 28 мечей и кинжалов, обнаруженных в памятниках Степной Скифии¹⁵², к интересующему нас времени относится около трети экземпляров. Намного больше их, к тому же гораздо лучшей сохранности, известно среди памятников Лесостепной Скифии.

Во второй половине VI — начале V в. до н. э. в Скифии использовались мечи с овальным перекрестием, имеющим небольшой трехугольный вырез в нижней части. В археологической литературе перекрестие этой формы обычно называют почковидным¹⁵³. Помимо мечей с перекрестиями этой формы, использовалось и оружие с перекрестием так

Рис. 23. Скифские наконечники копий и боевые топоры:

1—4, 13 — Репяховатая Могила; 5, 6 — Журавка, курган № 406; 7 — Макеевка, курган № 453; 8 — Волковцы, курган № 478; 9 — Трахтемировское городище; 10, 11 — Старшая Могила; 12 — Круглик; 14 — Перебыковцы, курган № 2; 15 — Офирна.

называемой сердцевидной формы¹⁵⁴. Навершия этих мечей обычно имеют брусковидную форму, хотя у большинства экземпляров она выражена недостаточно четко. Брусок иногда несколько изогнут и его концы подняты вверх. Длина бруска разная — колеблется от величины в два раза шире ручки до длины, в 4—5 раз превышающей ширину ручки. Углы бруска лишь у нескольких экземпляров прямые. Чаще они в большей или меньшей мере округлы. Причем это не значит, что углы округлились со временем. Иногда они округлялись при изготовлении оружия и форма навершия в этом случае приобретает промежуточное положение между бруском и овалом. Известны экземпляры мечей и кинжалов с простым или зооморфным навершием. Ручка меча или кинжала в разрезе имеет овальную, брусковидную форму. На многих экземплярах вдоль края ручки проходят с одной или с двух сторон невысокие валики. При этом ручка в разрезе приобретает П-образную в первом случае и форму двутавра — во втором. Представление о рукоятках мечей второй половины VI — начала V в. до н. э. дают материалы из комплексов Скифии (рис. 24)¹⁵⁵.

Рукоятки мечей практически не отличаются от рукояток кинжалов. Лишь у длинных мечей они чуть массивнее.

Форма клинков и кинжалов рассматриваемого периода применялась оружейниками Скифии на протяжении всего скифского периода. В плане они имеют форму сильно вытянутого треугольника. Таких клинков сравнительно немного. Представление о них дают клинки коротких мечей и кинжалов из с. Гниляково¹⁵⁶ и парадных экземпляров из кургана у хут. Шумейко и Фет-

терсфельде (Виташков)¹⁵⁷ (рис. 24, 4, 6, 9).

Большее распространение получило оружие, у которого клинки имеют почти параллельные лезвия, лишь в последней трети длины плавно сходящиеся к концу (рис. 24, 3, 5, 7, 10). Клинки в разрезе обычно линзовидные. Только у немногих есть рельефное ребро, проходящее вдоль почти всего клинка, или неглубокие желобки, сходящиеся недалеко от конца клинка (рис. 24, 8, 9). Все без исключения клинки рассматриваемого периода двулезвийные. Однолезвийные мечи известны в памятниках Скифии лишь с конца V в. до н. э.

Ножны мечей и кинжалов изготавливались из дерева, обтянутого кожей. Остатки их хорошо заметны почти на всех образцах этого вооружения. Для VI в. до н. э. известна серия литых бронзовых окончаний ножен, иногда украшенных изображениями, выполненными в зверином стиле¹⁵⁸ (рис. 24, 1, 5, 11), а также несколько парадных мечей, ножны и рукоятки которых украшены листовым золотом с рельефными украшениями. К числу этих мечей относятся мечи из кургана у хут. Шумейко и из Феттерсфельде (рис. 24, 4, 6).

У скифских мечей и кинжалов, в том числе и ранних рядовых и парадных экземпляров, перекрестие размещено над устьем ножен. Этим скифские мечи и кинжалы отличаются от персидских и мидийских акинаков¹⁵⁹. Единственным известным нам исключением является кинжал из Старшей Могилы, у которого перекрестие входит в устье кожаных ножен (рис. 24, 7).

Основная масса мечей конца VI — начала V в. до н. э. небольшие. Но среди них выделяется довольно заметная

Рис. 24. Скифские мечи и кинжалы VI—V вв. до н. э.:

1, 5, 7 — Старшая Могила; 2 — Изюмовка; 3 — Райгород; 4 — хут. Шумейко; 6 — Феттерсфельде (Виташков); 8 — Киев; 9 — Гниляково; 10 — Кулешовка, курган № 425; 11 — Репяховатая Могила.

группа очень длинных всаднических мечей, длина которых превышает 70 см. Такие мечи позволяют вести бои конника с конником, эффективно сражаться конному воину с пешим. В подборке С. А. Скорого, где собраны длинные мечи, известные из комплексов Скифии, из 24 мечей половина происходит из памятников второй половины VI — начала V в. до н. э.¹⁶⁰ К ним можно добавить еще несколько находок, относящихся к тому же времени, и число длинных мечей (более 70 см) превысит 15. Основная часть находок имеет длину лишь ненамного превышающую 70—80 см. Среди них есть и уникальные, «сверхдлинные» мечи из крымских степных комплексов. Меч длиной до 1 м известен из кургана в предгорном Крыму, раскопанном А. А. Шепинским. К сожалению, эта находка, обнаруженная более 15 лет тому назад, до сих пор не опубликована и о ней известно лишь из упоминания в статье С. А. Скорого¹⁶¹. Меч длиной 110 см найден в кургане у с. Изюмовка в Северном Крыму¹⁶².

Весьма характерно, что в нескольких комплексах VI—V вв. до н. э. обнаружены по два меча — длинный и короткий. Такое сочетание известно и по воспроизведениям на скифских каменных изваяниях¹⁶³.

Заканчивая разбор скифских мечей и кинжалов периода скифо-персидской войны, следует упомянуть еще одну очень интересную находку, по-видимому, также связанную с персами. Речь идет об одном из мечей, обнаруженном в Чертомлыке (рис. 25). Эта уникальная находка заслуживает специального исследования и здесь о ней будут высказаны лишь самые общие соображения.

Курган, его основной вещевой комплекс относятся к концу IV в. до н. э.¹⁶⁴ Меч намного старше самого кургана. В нем причудливо соединились черты, характерные для оружия архаической

Рис. 25. Рукоятка меча из Чертомлыка.

поры и мечей IV в. до н. э. Отметим особенности, свидетельствующие об архаичности меча. Форма навершия, украшенного головами бычков, близка

к сюжетам ахеменидского Ирана конца VI — начала V в. до н. э. Архаично выглядят розетка, помещенная между головами животных, а также сцены охоты на ручке, близкие к самым ранним материалам из Амударьинского клада. Близка к декору скифских парадных мечей архаической поры рельефная полоска в виде «рубчиков» под навершием. Особого внимания заслуживают три небольших круглых отверстия, проходящих сквозь навершие. Два из них начинаются у основания навершия под горлом баранов и соединяются в средней его части на верхней плоскости. Назначение этих отверстий вряд ли может быть оспорено: сквозь них проходила ременная петля, концы которой образовывали узелки, находящиеся под головами баранов. Она выполняла роль темляка, позволявшего не потерять меч, если он от удара противника будет выбит из руки воина. Отверстия, или петли для ремешков, выполнявших ту же роль, крепившихся несколько иначе, — очень характерная особенность скифских архаических мечей¹⁶⁵. Подобные приспособления для скифских мечей последующей поры неизвестны.

Важнейшим доводом в пользу архаичности рукоятки чертомлыкского меча служит форма перекрестия, известная у самых ранних скифских мечей, в частности таких, как парадные мечи из Мельгуновского и Келермесского курганов. Близка форма перекрестий у персидских и мидийских мечей, в частности воспроизведенных на рельефах Персеполя, пластинах Амударьинского клада, древнейших скифских мечах Закавказья¹⁶⁶ (рис. 26). Перекрестие у чертомлыкского меча лишь несколько уже, чем в упомянутых выше.

Интересно мнение В. Г. Луконина, который отнес чертомлыкский меч к V в. до н. э., о том, что «отдельные иконографические детали — розетка между голов баранов, позы коней и го-

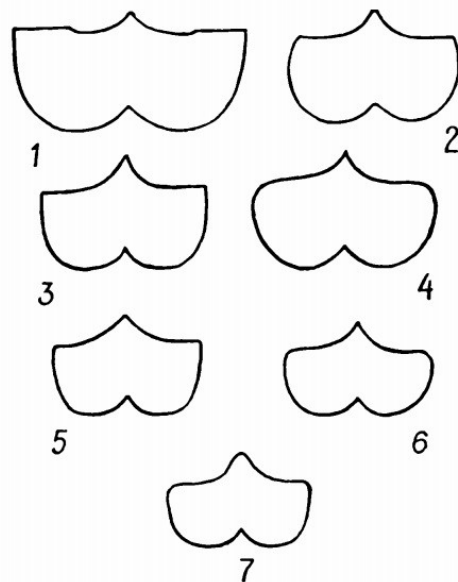

Рис. 26. Перекрестие меча из Чертомлыка и перекрестия архаических скифских мечей:

1 — Чертомлык; 2 — Мельгуновский курган; 3 — Келермесский курган; 4 — Днепропетровский музей; 5 — Киев, Ветряные горы (случайная находка 1980 г.); 6 — Тлийский могильник, погребение 164; 7 — Тлийский могильник, погребение 106.

ловные уборы всадников — позволяют утверждать, что золотая пластина для рукоятки была изготовлена торевтом-мидийцем»¹⁶⁷.

В то же время у рукоятки этого меча есть одна очень существенная особенность, неизвестная в древневосточном оружии и оружии скифов поры архаики: часть золотой обкладки рукоятки опускается ниже перекрестия (деталь, абсолютно неизвестная в архаическом парадном оружии и очень характерная для парадного скифского — мечей IV в. до н. э.)¹⁶⁸. Столь же необычен и клинок чертомлыкского меча, часть которого сохранилась возле рукоятки. Не вызывает сомнения, что он был ажурным. Такие клинки характерны только для комплексов Скифии IV в. до н. э., где их найдено более двух десятков¹⁶⁹.

Столь явное несоответствие архаической по облику рукоятки чертомлыкского меча (исключая часть, примыкающую к клинку, — манжет золотой

обкладки) и его клинка, бесспорно относящегося к IV в. до н. э., можно объяснить, пожалуй, только тем, что клинок намного моложе рукоятки. К старой рукоятке, которая может быть попала в Скифию еще во время похода, приделали новый клинок и манжет из листового золота, очень тщательно припаяв его к остальной части рукоятки. А сделать это можно было, только сняв полностью золотую обкладку с находящегося под ней металла — железа, затем изготовить новый клинок с рукояткой, покрыть последнюю золотой обкладкой. Работа была проделана очень тщательно. На этой обкладке, как и на обкладке рукоятки остальных скифских парадных мечей IV в. до н. э., пайка частей обкладки произведена так, что ее практически не видно невооруженным глазом¹⁷⁰.

Для окончательного решения вопроса о времени создания рукоятки меча из Чертомлыка необходимо всестороннее и тщательное исследование его с помощью современных естественно-технических методов. При этом особое внимание следует обратить на исследование ее с помощью рентгеновских лучей и проведение исследования состава золота в различных частях обкладки.

Завершая краткое, но необходимое исследование вооружения персов и скифов, следует отметить, что в целом весь комплекс скифского вооружения был одним из наиболее развитых и совершенных в древнем мире. Он ни в коей мере не уступал близкому ему комплексу персидского вооружения в общем, а в некоторых компонентах и превосходил оружие войска Дария.

Очень интересно было бы выяснить численность скифов, принимавших участие в войне. Очевидно, в ней принимало участие все боеспособное население Степной Скифии, оставшееся в степях после того, как скифы отправили на север со стадами жен и детей (жен, а не женщин вообще, — об этом

определенно писал Геродот). В пользу этого убедительно свидетельствует Геродот, называя скифов, оставшихся в зоне будущих военных действий, «населением» Скифии¹⁷¹.

О нереальности численности персов, принимавших участие в войне, сообщаемых Геродотом и Ктесием, мы уже писали выше. К сожалению, даже приблизительно нельзя определить и численность скифов. Не могут помочь и известные слова Фукидида, который, характеризуя фракийское царство одрисов спустя некоторое время после скифо-персидской войны, подчеркивал, что оно «по военной силе и количеству (подчеркнуто мною.— Е. Ч.) войска все-таки далеко уступало скифскому». Далее Фукидид говорит, что царь одрисов Ситалк для похода в Македонию в 429 г. до н. э. собрал войско, в котором одних пеших было до 150 000 человек¹⁷².

Из этого можно сделать вывод, что скифы могли выставить большее войско, чем одрисы. Вряд ли потенциал Скифии времен Фукидида значительно отличался от их возможностей периода войны с персами. Однако и эти цифры Фукидида дают очень мало для выяснения численности войск, которые принимали участие в войне с персами. Следует учитывать и то, что в этой войне, помимо скифов, возможно, принимали участие и союзные племена соседей (савроматов и гелоно-будинов). Надо иметь в виду, что и численность войск одрисов, которую называл Фукидид, по-видимому, также завышена.

Любопытно, что численностью своих войск интересовались и скифские цари. Напомним своеобразную «перепись» скифов-воинов, которую с помощью наконечников стрел, из которых был отлит огромный котел, произвел царь Ариант¹⁷³. Наконечники стрел для этой цели были выбраны неслучайно. Практически все взрослое население Скифии, как свидетельствуют археологические материалы, было вооружено луками¹⁷⁴.

Можно ли использовать данные о котле Арианта, сообщаемые Геродотом, для определения численности скифов? Напомним, что Геродот писал о том, что котел «...свободно вмещает в себе 600 амфор, а толщина этого скифского сосуда — шесть пальцев». Форма скифских котлов хорошо известна, известен объем амфор, поступавших в Скифию в то время, известен вес наконечников стрел.

А. Н. Щеглов и К. К. Марченко предприняли попытку определения численности скифов, принесших наконечники стрел для отливки котла. За исходную форму была принята форма котла из кургана Солоха, а для определения веса наконечников стрел — наконечники из курганов VI в. до н. э. у сел Волковцы и Басовка, хранящиеся в Эрмитаже. Вес этих наконечников колебался в пределах 3,2—3,9 г.

Все расчеты были проведены с помощью БЭСМ-6 в Вычислительном центре Института социально-экономических проблем АН СССР по программе, выполненной А. Н. Мальгиным. В результате было получено 36 вариантов количества наконечников, необходимых для отливки такого котла. При этом минимальный вес котла был определен в 21,654 т, его емкость — 11 760 л, количество наконечников — 6,155 млн. шт. Максимальный вес котла доходил до 41,771 т, его объем — 19 440 л, для отливки требовалось 13,009 млн. штук*.

Если даже допустить, что отлить такой гигантский котел и могли в Скифии**, то само количество наконечников, из которых был отлит котел, а следовательно и численность скифов,

---

* Благодарю А. Н. Щеглова и К. К. Марченко за данные об этом эксперименте.

** Подобных гигантских отливок в древности не знали. Лишь в 770 г. н. э. в Корее был отлит колокол весом около 47 т, хранящийся ныне в храме Бондекса (Петриченко А. М. Книга о литье.— Киев, 1972, с. 65—66).

принесших эти наконечники, совершенно нереальны.

Ясно только одно, что для войны с вторгшимся в степи Скифии врагом, равного которому у скифов еще не было, собрали все боеспособное население Скифии.

Слова Дария, которые характеризуют персов как «народ-войско»¹⁷⁵, с не меньшей, а, может быть, и с большей долей вероятности следует отнести к народу, воевать с которым он отправился в далекие степи Северного Причерноморья — скифам.

Весьма любопытно то обстоятельство, что скифское войско находилось под командованием трех царей и состояло из трех частей. Эти части до начала военных действий находились отдельно и лишь для выполнения совместной задачи группами Иданфирса и Таксакиса должны были «сойтись». Военная необходимость такого деления не вызывала. Фактически на протяжении всего хода войны против персов действовали не три, а две группировки скифов. Меньшую из них, наиболее мобильную, возглавил Скопасис, а большую — Иданфирс, вместе с которым были и войска Таксакиса.

К месту сбора всех войск части сходились из разных мест. Только так и следует, по-видимому, понимать слова Геродота о том, что лишь во время совета, на котором был выработан план ведения войны, все части войска соединились, «сойдясь вместе»¹⁷⁶.

Общее командование над всеми принимавшими в войне силами скифов и их союзников (если они были) осуществлял Иданфирс — «главный царь Скифии»¹⁷⁷. Об этом убедительно свидетельствует то, что он командовал не только собственными, наиболее многочисленными войсками, но и то, что под его непосредственным руководством была сосредоточена основная часть объединенных скифских войск. Именно с Иданфирсом позднее вел переговоры

Дарий*. Только от Иданфирса зависело принятие решения о битве с персами. Очень показательны, что именно ответ Иданфирса на предложения персов, сделанные в ходе войны, квалифицируется как «слово скифов».

Напомним, что античные авторы, вспоминая поход Дария¹⁷⁸, называют только его имя. В искаженном виде передал имя Иданфирса как одного царя Скифии Иордан¹⁷⁹, одного царя называет и Ктесий.

Нельзя согласиться с Л. С. Клейном, который считал Иданфирса лишь одним из нескольких скифских царей, сражавшихся с Дарием. В пользу этого Л. С. Клейн выдвигает явно недостаточные обоснования. Его попытка определить названного Ктесием Книдским Скифарба (о явной ошибке Ктесия речь шла выше), как главного противника персов, абсолютно неубедительна¹⁸⁰.

Б. А. Рыбаков связывает с группами войск, которые возглавляли Иданфирс, Таксакис и Скопасис, определенные скифские племена: «По всей вероятности, Иданфирс был царем царственных, нижнеднепровских скифов, главным охранителем племенных святынь-могил в Герросе. Вторую часть, соединившуюся с гелонами и будинами, возглавлял царь Таксакис. Возможно, что в эту часть входили и другие лесостепные племена, например, борисфениты. Третьей частью командовал царь Скопасис, к которому присоединились савроматы. Судя по включению савроматов, Скопасис, очевидно, был царем приазовских скифов-кочевников непосредственных соседей савроматов»¹⁸¹.

* Главенствующую роль одного царя Скифии, не называя, однако, его имени, подчеркивал Страбон, который писал «о том скифском царе, на которого пошел войною Дарий, и об ответе, данном им Дарию» (ВДИ, 1947, № 4, с. 195). С именем Иданфирса связана ошибка Страбона, написавшего, что «скиф Иданфирс совершил нашествие на Азию до Египта» (Там же, с. 240). Страбон имеет, очевидно, в виду поход скифов в Азию на заре их истории.

Конечно, в том, что группы войск, находившиеся под командованием того или иного царя, состояли из воинов-представителей различных племен, населявших Скифию, вряд ли можно и нужно сомневаться. Но данных для того, чтобы связывать с той или иной группой войск определенные племена Скифии, сейчас у нас нет.

В частности, особое возражение вызывает мнение Б. А. Рыбакова о составе группы войск, находившихся под командой Скопасиса. На протяжении всей войны эта группа выполняла наиболее сложную задачу. Она была и наиболее подвижная. Трудно поверить, чтобы выполнение столь ответственной задачи поручили союзникам. Кроме того, большую часть своих действий она совершала не в восточной приазовской части Скифии, а в западной, незнакомой ни скифам, обитавшим в Приазовье, ни тем более савроматам. Более естественным было бы выполнение ответственных задач в западной части Скифии, примыкавшей к Дунаю, племенами, которым был хорошо знаком этот театр военных действий.

¹ Геродот, IV, 87.— ВДИ, 1947, № 2, с. 275.

² Помпей Трог, II, 5, 8.— Там же, 1949, № 1, с. 252.

³ Иордан, 63.

⁴ Ктесий Книдский. История Персии, 29. 17.— ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

⁵ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 172.

⁶ Там же, с. 177.

⁷ Разин Е. А. Указ. соч., с. 133—154. Обычное для греческих авторов древности стремление сильно преувеличивать численность войск персов подчеркивал Р. Н. Фрай (Фрай Р. Н. Наследие Ирана.— М., 1972, с. 170).

⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 169.

⁹ Плутарх. О злокозности Геродота, XII.— В кн.: Лурье С. Геродот. М.; Л., 1947, с. 167.

¹⁰ Геродот, VII, 20.— ВДИ, 1947, № 2, с. 287.

¹¹ Дельбрюк Г. История военного искусства.— М., 1936, т. 1, с. 47.

¹² Там же, с. 47.

¹³ Уилбер Д. Персеполь.— М., 1977, с. 93.

¹⁴ Цит. по: Уилбер Д. Указ. соч., с. 93.

¹⁵ Дельбрюк Г. Указ. соч., т. 1, с. 112—114.

¹⁶ Геродот, VIII, 187 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 363—364.

¹⁷ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья.— М., 1971, с. 165. Очевидно подсчеты грузоподъемности боспорских повозок могут быть сопоставлены с персидскими.

¹⁸ Разин Е. А. Указ. соч., с. 144.

¹⁹ Геродот, VI, 15 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 278.

²⁰ Геродот, VI, 15 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 382; Дельбрюк Г. Указ. соч., с. 60; Разин Е. А. Указ. соч. с. 144.

²¹ Разин Е. А. Указ. соч., с. 155.

²² Там же, с. 172.

²³ Горелик М. В. Панцирное снаряжение ахеменидского войска.— В кн.: VIII Всесоюз. конф. по древ. Востоку, с. 42—44; Горелик М. В. Защитное вооружение персов и мидян ахеменидского времени.— ВДИ, 1982, № 3, с. 90—105.

²⁴ Геродот, IX, 63 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 436.

²⁵ Там же, IX, 62, с. 436.

²⁶ Там же, XII, 84, с. 336.

²⁷ Черненко Е. В. Скифский доспех.— Киев, 1968, с. 76—81; Виноградов В. Б. Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии.— В кн.: Скифские древности, с. 275—276.

²⁸ Wilkinson C. K. Art of the Marlik Region.— Bulletin of Metropolitan Museum of art, Washington, 1965, 29, N 3, p. 107—108, fig. 9.

²⁹ Горелик М. В. Защитное вооружение персов..., с. 92.

³⁰ Borchart J. Homerische Helme.— Mainz, 1972, Beilage F.

³¹ Дьяконов И. М. История Мидии.— М.; Л., 1956, рис. 50; Ghirshman R. Iran. Protoiranien, Meder, Achämenidien.— München, 1964, fig. 331; Schmidt E. F. Op. cit., vol. 1, Fig. 24.

³² Andronicos M., Chadrakos M., Karageorgios V. The Greek Museums.— Athenae, 1975, pl. 213, 27.

³³ Геродот, VII, 61 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 332. Описание панциря дано очень нечетко. Но, по-видимому, это все-таки был панцирь.

³⁴ Там же, IX, 22, с. 423.

³⁵ Schmidt E. F. Persepolis, Chicago, 1953, vol. 1, p. 172, 174, 185, 186, 207—208, 211; Schmidt E. F. Persepolis, 1957, vol. 2, p. 97—100, pl. 77; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 138—139, рис. 72.

³⁶ Petrie W. M. F. Tools and Weapons.— London, 1916, p. 38.

³⁷ Геродот, VII, 61 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 332.

³⁸ Геродот, IX, 61—62, 99, 102.

³⁹ Schmidt E. F. Op. cit., vol. 1, pl. 136, a.

⁴⁰ Руденко С. И. Культура населения Цен-

трального Алтая в скифское время.— М.; Л., 1960, табл. СХХVII, 4.

⁴¹ Литвинский Б. А. Древние кочевники «Крыши мира».— М., 1962, с. 128.

⁴² Геродот, IX, 102 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 447.

⁴³ Горелик М. В. Защитное вооружение персов..., с. 101.

⁴⁴ Dalton O. Op. cit., fig. 47; Schmidt E. F. Op. cit., vol. 1, pl. 22, 25, a, 63.

⁴⁵ Зеймаль Е. В. Амударьинский клад.— Л., 1979, с. 44—46, рис. 24.

⁴⁶ Schmidt E. F. Persepolis, vol. 1, pl. 45b.

⁴⁷ Геродот, III, 25 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 146.

⁴⁸ Геродот, VII, 332.— Там же, с. 332.

⁴⁹ Cameron G. G. The monument of King Darius at Bisitun.— Archaeology, vol. 13, N 3, New-York, 1960, рис. на с. 17.

⁵⁰ Barnett R. D., Forman W. Assyrische Palastreliefs.— Praha, pl. XVI; XX.

⁵¹ Godar A. Umetnost Irana.— Beograd, 1965, reprodu. 54.

⁵² Ibid., reprodu. 54, 55.

⁵³ Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев, 1981, с. 51—53, рис. 33.

⁵⁴ Там же, с. 26.

⁵⁵ Там же, с. 27—28.

⁵⁶ Schmidt E. F. Persepolis, vol. 2, p. 99, fig. 20, a.

⁵⁷ Ibid., fig. 20.

⁵⁸ 'Ιστορία των ἑλληνικῶν ἔθνων. Τ. Β. 'Αρχαϊκὸς ἑλληνισμὸς, Ἀθήναι, 1971, рис. на с. 307, 322.

⁵⁹ Зуанур Д. Пушак-е бастани-йе ираниан аз кохитрии заман та пайон-е шахиншахи-йе сасаниан.— Тегеран, 1965, с. 356, рис. на с. 116. Одежда иранцев с древности и до конца династии сасанидов (на персидском языке).

⁶⁰ Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика древнего Ирана.— М., 1980, рис. 19.

⁶¹ Геродот, VII, 61 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 332.

⁶² Schmidt E. F. Persepolis, vol. 2, pl. 76, 1.

⁶³ Уилбер Д. Персеполь, с. 79.

⁶⁴ Там же, с. 80.

⁶⁵ Schmidt E. F. Persepolis, vol. 1, pl. 121.

⁶⁶ Ibid., vol. 2, pl. 79, 1, a—b.

⁶⁷ Егоров Н. М. Могильник скифского времени близ г. Минеральные Воды.— КС ИИМК, вып. 58, с. 58, рис. 20, 1, 3; Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время.— Грозный, 1972, 125, рис. 30, 12; Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, рис. 22, 4, 5, 7; Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры.— М., 1967, с. 37 рис. 7, 9, 11, 12; Вишневская О. А. Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.— М.

- 1973, с. 97—98, рис. XX, 2, *Смирнов К. Ф., Петренко В. Г.* Савроматы Поволжья и нижнего Приуралья.—САИ, 1963, вып. Д 1-9, рис. 14, 34.
- ⁶⁸ *Геродот*, VII, 61 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 332.
- ⁶⁹ Там же, VII, 54, с. 330.
- ⁷⁰ *Schmidt E. F.* Persepolis, vol. 1, pl. 14.
- ⁷¹ Ibid.
- ⁷² *Dalton O.* Op. cit., pl. XIV, 48; XV, 70; *Зеймаль Е. В.* Указ. соч., рис. 48.
- ⁷³ *Аракелян Б. Н.* Клад серебряных изделий из Эребуни.—СА, 1971, № 1.
- ⁷⁴ *Bernard P. A.* Propos des bouterolles de fowrgreaux achemenides.—Rev. Archeol., 1976, fasc. 2, fig. 5, 13; *Черненко Е. В.* Древнейшие скифские парадные мечи.—В кн.: Скифия и Кавказ. Киев, 1979, с. 30, рис. 20.
- ⁷⁵ *Bernard P. A.* Op. cit.; *Buchholz H. G.* Kälbersymbolik.—Acta praehistorica et archaeologica, 1980/81, 11/12, fig. 22, b; *Луконин В.* Археологические памятники Ирана второго — первого тысячелетий до н. э. и новые поступления в Отдел Востока.—Сообщ. Государственного Эрмитажа, 1977, вып. 42, с. 50.
- ⁷⁶ *Dalton O.* Op. cit., pl. 9; *Зеймаль Е. В.* Указ. соч., с. 43.
- ⁷⁷ *Литвинский Б. А., Пичикян И. Р.* Ножны акинака из Бактрии.—ВДИ, 1981, № 3, с. 87—110.
- ⁷⁸ *Godar A.* Op. cit., reprodu. 49; *Schmidt E. F.* Persepolis, vol. 1, pl. 195—196; vol. 3, pl. 195—196, fig. 39.
- ⁷⁹ *Черненко Е. В.* Ножны греческого меча из Ольвии.—В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 120—127.
- ⁸⁰ *Геродот*, VII, 62 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 332.
- ⁸¹ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч., с. 228—242.
- ⁸² Там же, с. 109.
- ⁸³ Там же, с. 112—113.
- ⁸⁴ Там же, с. 229.
- ⁸⁵ *Ксенофонт*. Киропедия, I, II, 15 / Пер. М. И. Максимовой, с. 10.
- ⁸⁶ Указ. соч., с. 229.
- ⁸⁷ *Геродот*, IV, 84 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 208.
- ⁸⁸ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч., с. 239.
- ⁸⁹ Там же, с. 239.
- ⁹⁰ *Геродот*, VII, 83 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 335.
- ⁹¹ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч., с. 233.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Там же, с. 234.
- ⁹⁵ Там же.
- ⁹⁶ *Дандамаев М. А.* Иран при первых ахеменидах, с. 263.
- ⁹⁷ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч., с. 235.
- ⁹⁸ Там же, с. 230.
- ⁹⁹ *Геродот*, VII, 223 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 372.
- ¹⁰⁰ *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Указ. соч., с. 235.
- ¹⁰¹ *Энгельс Ф.* Армия.—В кн.: Избранные военные произведения. М., 1956, с. 137—138.
- ¹⁰² *Дандамаев М. А.* Иран при первых ахеменидах, с. 262—270.
- ¹⁰³ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 7—122.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 76—81.
- ¹⁰⁵ *Виноградов В. Б.* Кубанский шлем из Чечено-Ингушетии.—В кн.: Скифские древности, с. 275—276.
- ¹⁰⁶ *Нагоев А. Х.* Раскопки курганов скифского времени у с. Нартан.—АО 1979 г. М., 1980, с. 119.
- ¹⁰⁷ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 79.
- ¹⁰⁸ *Шапошникова О. Г.* Погребение скифского воина на р. Ингул.—СА, 1970, № 3, с. 208—212.
- ¹⁰⁹ *Ковалева И. Ф., Волковой С. С., Костенко В. И., Шалобудов В. Н.* Археологические исследования в зоне строительства оросительной системы учхоза «Самарский».—В кн.: Курганные древности степного Поднепровья III—I тыс. до н. э. Днепропетровск, 1978, с. 6—14.
- ¹¹⁰ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 10.
- ¹¹¹ Там же, рис. 18; *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья.—Киев, 1968, рис. 13.
- ¹¹² Смела, Спб., 1901, т. 3, с. 118.
- ¹¹³ ЖРБ, с. 89.
- ¹¹⁴ *Ковпаненко Г. Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось.—Киев, 1981, с. 57, рис. 43, 10.
- ¹¹⁵ *Черненко Е. В.* Скифский доспех, с. 69—70, рис. 18, 2; 38.
- ¹¹⁶ *Артамонов М. И.* Сокровища скифских курганов.—Прага, 1967, рис. 62—63.
- ¹¹⁷ Там же, с. 22—23.
- ¹¹⁸ *Фундуклей И. И.* Обзорение могил, валов и городищ Киевской губернии — Киев, 1848, с. 73, табл. 16.
- ¹¹⁹ *Черненко Е. В.* Скифські кургани V ст. до н. е. поблизу м. Жданова.—Археологія, 1970, 23, с. 176—181.
- ¹²⁰ *Шапошникова О. Г.* Указ. соч. с. 208—212.
- ¹²¹ *Ковалева И. Ф. и др.* Указ. соч., с. 6—14.
- ¹²² *Черненко Е. В.* Погребения с оружием из некрополя Нимфея.—В кн.: Древности Восточного Крыма. Киев, 1970, с. 195—197, рис. 4; *Vickers M.* Scythian treasures in Oxford.—Oxford, 1979, p. 45, pl. 16, b.
- ¹²³ *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, с. 28, рис. 16.

- ¹²⁴ Мурзин В. Ю., Черненко Е. В. О средствах защиты боевого коня в скифское время.— В кн.: Скифия и Кавказ, с. 155—167.
- ¹²⁵ Черненко Е. В. Появление тяжелой конницы в степях Евразии.— В кн.: Тез. докл. и сообщ. на конф. по вопр. скифо-сарм. археологии. М., 1966; Черненко Е. В. Скифский доспех, с. 163—164; Черненко Е. В. О времени и месте появления тяжелой конницы в степях Евразии.— МИА, 1971, № 177, с. 35—38.
- ¹²⁶ Геродот, IV, 46.—ВДИ, 1947, № 2, с. 266.
- ¹²⁷ Черненко Е. В. Скифские лучники.— Киев, 1981.
- ¹²⁸ Козуб Ю. И. Модель лука из Ольвии.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 270—274.
- ¹²⁹ Черненко Е. В. Скифские лучники, с. 10, рис. 3; 5.
- ¹³⁰ Там же, рис. 6.
- ¹³¹ Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов.— В кн.: Скифия и Кавказ, рис. 9.
- ¹³² Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 16—17.
- ¹³³ Там же, с. 19—23.
- ¹³⁴ Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Указ. соч., с. 37—44.
- ¹³⁵ Клочко В. И. Новые данные о типах скифских горитов и колчаных наборах VI в. до н. э.— В кн.: Новые исследования археологических памятников на Украине. Киев, 1977, с. 49—51, рис. 3.
- ¹³⁶ Черненко Е. В. Скифские лучники, с. 64.
- ¹³⁷ Там же, с. 35—42, прил. 4.
- ¹³⁸ Там же, с. 33—35, прил. 3.
- ¹³⁹ Там же, с. 42—46, рис. 26, 1—5, 7.
- ¹⁴⁰ Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, с. 99—100.
- ¹⁴¹ Мурзин В. Ю. Степная Скифия VII—V вв. до н. э.: Автореф. дис. ...канд. ист. наук.— Киев, 1979, с. 12—13.
- ¹⁴² Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Курганы VI в. до н. э. у с. Матусов, с. 36, 42, рис. 4, 11; 11, 3, 4; 13, 4—5.
- ¹⁴³ Ильинская В. А. Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин.— Киев, 1975, табл. 8, 1, 21; 17, 1.
- ¹⁴⁴ Там же, табл. 8, 3—4; 17, 5.
- ¹⁴⁵ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, табл. 14, 14; Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, табл. 39, 2.
- ¹⁴⁶ Черненко Е. В. Скифские боевые топоры.— В кн.: Археологические исследования на Украине в 1978—1979 гг. Днепропетровск, 1980, с. 88.
- ¹⁴⁷ Петровська Є. О. Курган VI ст. до н. е. біля с. Мала Офірна на Київщині.— Археологія, 1968, вип. 21, с. 167, рис. 4, 10.
- ¹⁴⁸ Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, табл. 2, 9.
- ¹⁴⁹ Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Указ. соч. рис. 11, 1.
- ¹⁵⁰ Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, табл. 1, 8.
- ¹⁵¹ Smirnova G. J. Keřamiki ve stěcinium Podněsti.— Archeol. roshledy, Praha, 1967, N 17, p. 76; Смирнова Г. И. Курганы у села Перебыковцы — новый могильник скифской архаики на Среднем Днестре.— Тр. Гос. Эрмитажа, 1979, 20, с. 50, рис. 9, 2.
- ¹⁵² Мурзин В. Ю. Указ. соч., с. 11.
- ¹⁵³ Мелюкова А. И. Вооружение скифов, с. 47.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же, табл. 15, 1, 6, 8, 9; 16, 3; 19, 3, 4.
- ¹⁵⁶ Диамант Э. И., Черненко Е. В. Скифский кинжал из Одесского музея.— АИУ, 1968, вып. 3, с. 159—160.
- ¹⁵⁷ Мелюкова В. И. Вооружение скифов, табл. 15, 1, 6; 19, 4.
- ¹⁵⁸ Там же, табл. 15, 8; 19, 3; Ильинская В. А., Мозолевский Б. Н., Тереножкин А. И. Указ. соч., рис. 11, 7; 12, 2.
- ¹⁵⁹ Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи, с. 29—30.
- ¹⁶⁰ Скорий С. А. Скіфські довгі мечі.— Археологія, 1980, 37, с. 24—25.
- ¹⁶¹ Там же, с. 25.
- ¹⁶² Скорий С. А. Раннескифский меч из с. Изюмовка близ Старого Крыма.— СА, 1977, № 1, с. 280—281.
- ¹⁶³ Ильинская В. А. Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья, с. 89; Ильинская В. А. Раннескифские курганы..., с. 98; Скорий С. А. Скіфські довгі мечі, рис. 3.
- ¹⁶⁴ Брашинский И. Б. Новые материалы к датировке курганов скифской племенной знати Северного Причерноморья.— Eigene, Praha, 1965, 4, с. 100—101; Алексеев А. Ю. Чертомлыкский курган в хронологической системе погребений скифской знати IV—III вв. до н. э.— В кн.: Контакты и взаимодействие древних культур. Л., 1981, с. 6—9. Найденное в 1981 г. при исследовании Чертомлыка Орджоникидзева экспедицией Института археологии АН УССР горло гераклеийской амфоры с английским клеймом подтверждает датировку Чертомлыка концом IV в. до н. э.
- ¹⁶⁵ Шкурко А. И. Скифский кинжал из Днепропетровского музея.— В кн.: Историко-археологический сборник. М., 1962, с. 98—99; Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи, с. 13.
- ¹⁶⁶ Там же, с. 10; Техов Б. В. Скифы и Центральный Кавказ в VII—VI вв. до н. э.— М., 1980, рис. 2, 2; 7, 3; 8, 5; 12, 2.
- ¹⁶⁷ Луконин В. Г. Искусство древнего Ирана.— М., 1977, с. 77.

¹⁶⁸ Черненко Е. В. Оружие из Толстой Могилы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 158.

¹⁶⁹ Там же, с. 163.

¹⁷⁰ Там же, с. 158.

¹⁷¹ Геродот, IV, 120.— ВДИ, 1947, № 2, с. 281.

¹⁷² Фукидид. История, II, 97—98 / Пер. Г. А. Стратановского. Л., 1981, с. 109. В 150 000 воинов определяет численность не только пешего, но и всего войска Т. Д. Златковская (Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев.— М., 1971, с. 251).

¹⁷³ Геродот, IV, 81.— ВДИ, 1947, № 2, с. 274.

¹⁷⁴ Черненко Е. В. Скифские лучники, с. 124—126.

¹⁷⁵ Бехистунская надпись, I, 61—71.— В кн.: Дандамаев М. А. Иран при первых ахеменидах, с. 263.

¹⁷⁶ Геродот, IV, 120.— ВДИ, 1947, № 2, с. 281.

¹⁷⁷ Граков Б. Н. Скифы, с. 37; Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 175.

¹⁷⁸ Помимо названных выше авторов, следует упомянуть Ферекида Лерийского (ВДИ, 1947, № 1, с. 316), Помпея Трога (ВДИ, 1949, № 1, с. 252).

¹⁷⁹ Иордан, 63 / Пер. Е. Ч. Скржинской, с. 78.

¹⁸⁰ Клейн Л. С. Указ. соч., с. 54.

¹⁸¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 175.

III. ОТ СУЗ К ДУНАЮ

*Гонит войско по суше и по морю,
Полон ярости, Азии владыка*

Эсхил. Персы

Путь от столицы Персии Суз к Дунаю, за которым начиналась Скифия, четко делится на две части (рис. 27). Первая часть проходила по территории, подвластной Дарию и доходила до Боспора Фракийского. Протяженность пути от Суз к Дунаю Б. А. Рыбаков определяет в 2300 км¹. В изложении Геродота путь Дария описан так: «выступив из Суз, Дарий прибыл к Боспору в области города Халкедона»².

Начиная от Суз, войска шли по «царской дороге». «На всем его протяжении есть царские стоянки и отличные постоянные дворы, и весь путь проходит по населенной и безопасной стране»³. Где-то в Каппадокии Дарий вынужден был свернуть с дороги и направиться к Халкедону⁴, расположенному на малоазиатском берегу Боспора Фракийского. Здесь надо было переправиться через пролив.

Строительство грандиозного моста через Геллеспонт персами очень образно описал Эсхил, вкладывая в уста самого Дария такие слова:

Геллеспонта ток священный, божий
Боспора поток,
Он связать решил цепями, как строптивного
раба,
И, ярмом оков железных преградив
теченью путь,
Многочисленному войску путь широкий
проложил⁵.

«Место на Боспоре, где Дарий повелел построить мост, находится, как я полагаю, между Византием и храмом у входа в Боспор», — писал Геродот. По-видимому, место для строительства моста было выбрано в самом узком месте пролива, где его ширина, по данным Геродота, достигала 7 стадий (около 1350 м)⁶. Мост через Боспор можно было построить только с использованием судов в качестве понтонов, поскольку большая глубина пролива (от 33 до 80 м на фарватере⁷) и быстрое течение (до 8 км/час⁸) не позво-

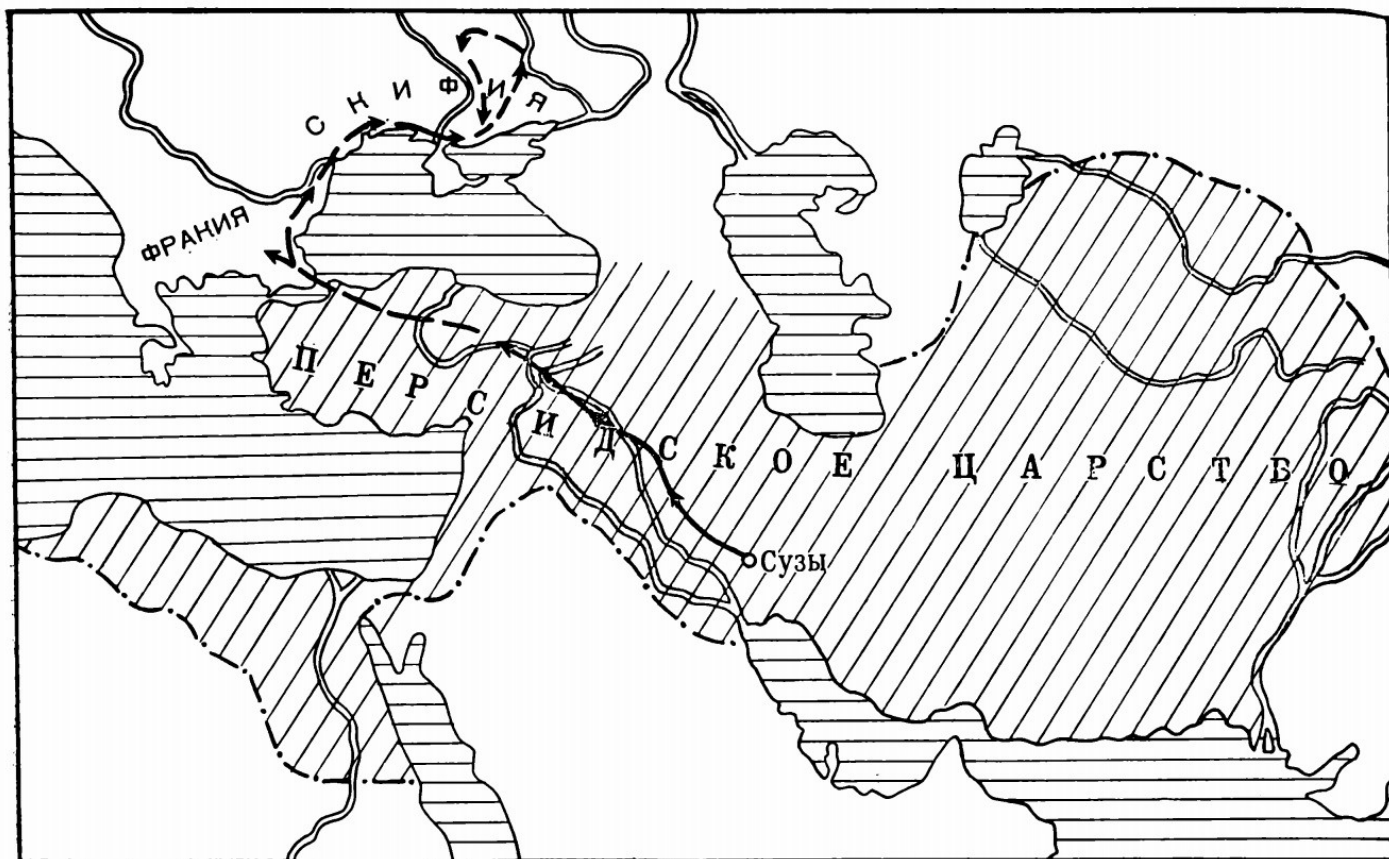

Рис. 27. Схема похода Дария в Скифию (по Б. А. Рыбакову).

ляли строительство моста иным способом.

Об использовании Дарием для этих целей судов прямо свидетельствует Иордан. Подчеркивая грандиозность моста, он писал: «...чуть ли не от Халкедона до самого Византия (городов, расположенных на азиатской и европейской сторонах пролива.— *Е. Ч.*) он поставил рядом свои корабли подобно мостам и, тесно сдвинув их, перешел во Фракию»⁹.

Следует отметить, что само по себе строительство мостов подобного рода и столь большого размера было выдающимся подвигом. Строительству, помимо значительного течения, во многом мешали крутые и высокие (до 25 м) берега¹⁰. Грандиозность и значительность сооружения подчеркнул Геродот, назвав имя строителя. Им был грек-самосец Мандрокл, которого Дарий осыпал дарами¹¹.

Мост через Боспор строился на кораблях, но ни в коем случае не на тех, которые использовались для строительства моста через Дунай. Об этом прямо свидетельствует Геродот, рассказывая, что перед началом похода на скифов Дарий «рассылал вестников с приказанием одним доставить сухопутное войско, другим — флот, третьим — построить мост через фракийский Боспор»¹². Кроме того, уже в то время, когда огромное разноэтничное сухопутное войско Дария еще переправлялось через мост на Боспоре, царь приказал «ионийцам плыть в Понт до реки Истра, а по прибытии к Истру ждать его там, наводя между тем мост»¹³.

Следы соприкосновения местных культур Карпато-Подунавья с персами Дария в определенной степени находят отражение в вооружении, найденном на территории Добруджи и Трансильвании. Это несколько кинжалов и извест-

ная бронзовая модель этого оружия из Меджидли (Добруджа) ¹⁴. Один из таких кинжалов обнаружен в Фирминише (Трансильвания) ¹⁵ в комплексе с бронзовыми ажурными ножнами (рис. 28).

Что касается происхождения названного оружия, то, например, румынские исследователи обычно рассматривают его как фрако-скифское (Меджидия) ¹⁶ или скифское (Фирминиш) ¹⁷. Между тем эти кинжалы, помимо скифского и гальштато-фракийского генетических компонентов безусловно имеют персидский компонент*. Об этом свидетельствуют сильно выдающаяся над устьем ножен боковая лопасть, широкое устье ножен, полностью скрывающее перекрестье кинжала при помещении оружия в ножны, специальная скоба в нижней части ножен (Фирминиш) с обратной стороны для продевания ремня, посредством которого кинжал прикреплялся к ноге. Первые две черты, характерные для персидских акинаков, выделены недавно в процессе анализа известных изображений этого вида оружия ¹⁸. Крепление же акинака за ножны к ноге, как известно,— черта специфически переднеазиатская, персидская или мидийская и в гальштато-фракийском и скифском вооружении не использовалась.

Любопытно, что персидские акинаки крепились к ноге посредством особого расширения на конце ножен — бутероли и шнура, который обвязывался вокруг него. На ножнах же из Фирминиша имеется специальная скоба для крепления, т. е. в данном случае мы видим заимствование местными племенами самой переднеазиатской идеи, материализованной иным образом. Названное оружие датируется концом VI — началом V в. до н. э.

Следы более длительного, чем кратковременный поход через территорию Фракии, пребывания персов, помимо

упомянутых мечей, в которых столь явно видно присутствие влияния персидских акинаков, прослеживаются на территории Румынии. Характерно, что они обнаружены довольно далеко от побережья, вдоль которого двигалось войско персов в Скифию. Кроме меча из Фирминиш, следует отметить еще одну находку севернее Клужа. На территории небольшого городка Черла найдена каменная плита, хранящаяся ныне в Национальном музее Будапешта, на которой написано: «Дарий, великий царь, царь царей, царь стран, сын Гистаспа Ахеменида, построил этот дворец» ¹⁹. По стилю надпись напоминает текст Дария на Бехистунской скале ²⁰.

Недавно В. Волска опубликовала работу, в которой представила материалы раскопок конца 50-х годов могильника Истрии, относящиеся ко времени похода Дария, обнаруженные на территории Румынии ²¹. В работе в основном использованы материалы курганов № 12, 17, 19.

В кургане № 12 было обнаружено центральное погребение, совершенное по обряду трупосожжения. Наряду с античной керамикой, датирующей погребение 530—510 г. до н. э., здесь был обнаружен* однолезвийный кинжал ²². Помимо этого погребения, в кургане было выявлено еще два совершенно необычных комплекса. В комплексе № 1 обнаружены 26 скелетов человека разных возрастов и пола; 28 ног, 4 черепа и 3 грудных клетки лошадей. В комплексе № 2 находилось 9 скелетов человека; 22 ноги, 7 черепов и 3 грудных клетки лошадей. Инвентарь практически отсутствовал. Найдены лишь три серьги (одна целая и две в обломках). К сожалению, ни в обширной статье В. Волской, ни в публика-

* Непонятно, почему Е. Кондураки называет этот предмет махайрой (См.: *Кондураки Е. Указ. соч.*, рис. 14), хотя кинжал ни по размерам (длина 32,6 см), ни по форме его быть не может.

* Наблюдение С. А. Скорого.

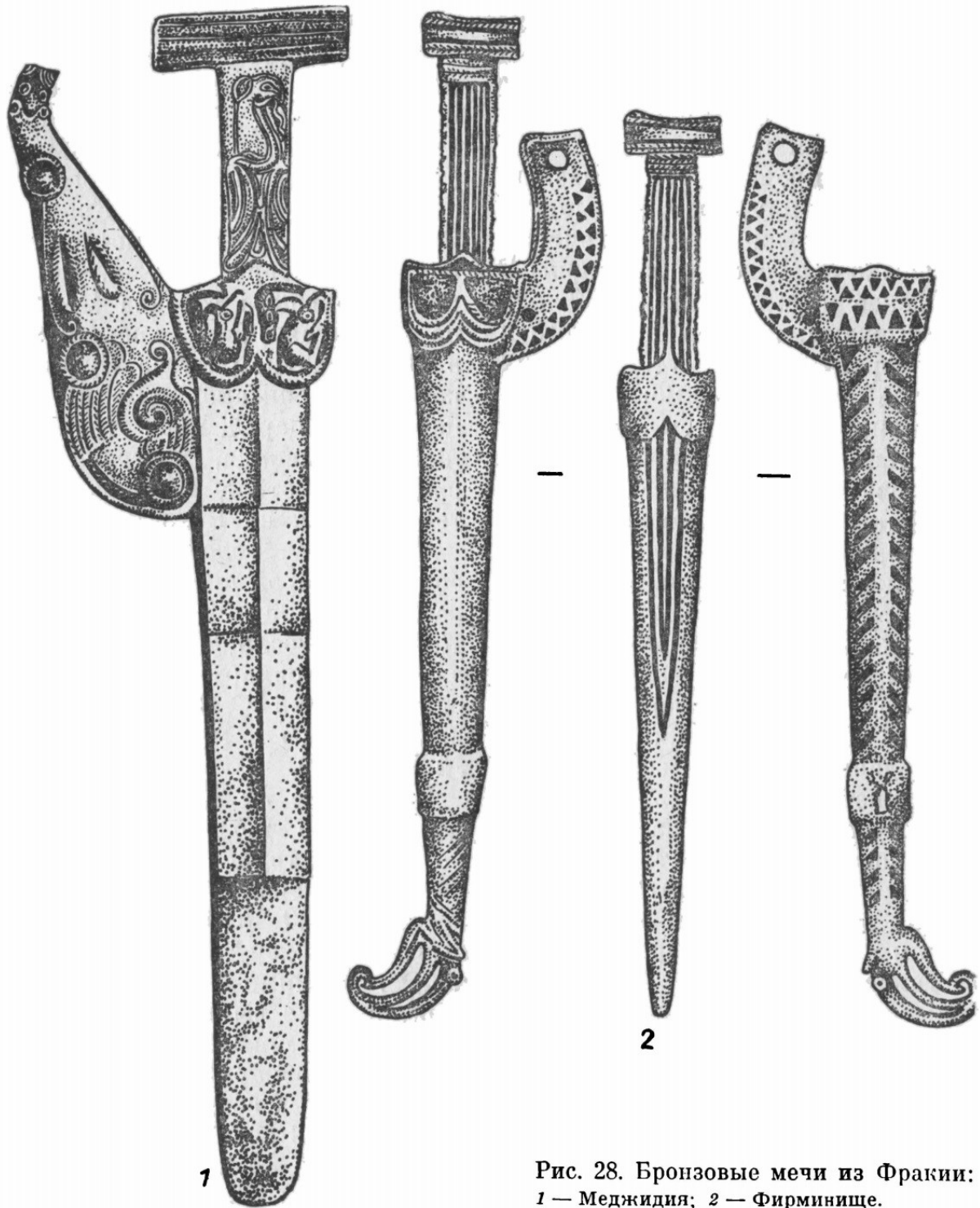

Рис. 28. Бронзовые мечи из Фракии:
1 — Меджидия; 2 — Фирминище.

ции материалов кургана эти находки не приведены. Публикуя эти находки, Е. Кондураки отметил, что останки людей и лошадей были захоронены не раньше, чем через три дня после смерти, хотя осталось неясным, синхронны ли эти два комплекса кострищу²³.

В кургане № 17 были найдены три скелета человека и столько же лошади. Положение первых необычно и напоминает положение скелетов в могиле № 12. Конские могилы с ними не связаны. Сопровождающий инвентарь отсутствует. В насыпи найдены

лишь фрагменты архаической керамики²⁴.

В кургане № 19, в центре помещались остатки сложного деревянного сооружения, которое вряд ли можно рассматривать как погребальное. В поле кургана находились кости двух человек и коня. Среди остатков деревянного сооружения найдены обломки античной керамики, подобной той, что была обнаружена в курганах № 12 и 17, и ручка «зеркала»*, украшенная изображением орлиной головы (?)²⁵. Связь погребения и сооружения, находящегося в центре, не документирована.

Таким образом, следует отметить, что связь конских и человеческих погребений, а также датированного погребения с сожжением в кургане № 12, как и связь керамики, обнаруженной в насыпи с погребениями людей, и тем самым их датировка, не доказана. Тем не менее В. Волска рассматривает их как следы пребывания персов Дария в районе Истрии, хотя оснований для этого немного. Это синхронность керамики из насыпи и похода персов, а также центрального погребения кургана № 12 и похода*.

В работе В. Волской используются и антропологические данные. На них обратили внимание сразу же после раскопок²⁶. Отмечая синхронность погребения

---

* Очевидно, не стоит связывать эти остатки ручки с зеркалом. Они больше похожи на рукоятки больших однолезвийных боевых пожей, украшенных изображениями, выполненными в зверином стиле. Такие пожи известны на территории Венгрии в комплексах V в. до н.э. (*Párducz M. Le cimetièrè hallstattien de Szentes-Vekerzug III. Acta archaeol. acad. sci. Hung. 1955, 6, p. 5, 7, fig. 3; Patay P. Szkita leletek a nógrádi dombvidéken.— Folia archaeol. 1955, 7, N 1/3.*)

* Напомним, что исследователь кургана № 2 Е. Кондураки писал, что связь погребения с сожжением и комплексов с коллективными человеческими захоронениями в том же кургане при раскопках не была выяснена. Вряд ли это возможно сделать сейчас, спустя более, чем 20 лет после раскопок.

ний времени похода Дария, была сделана попытка связать их с этими событиями методом сопоставления черепов из Истрии и персидских. Однако данные об особенностях персидских черепов отсутствуют²⁷. На основании найденных черепов в курганах № 12 и 19 было сделано несколько графических реконструкций²⁸.

Эти же графические реконструкции помещены в работе В. Волской²⁹. Правда, к ним были добавлены головные повязки, аналогичные тем, которые, по ее мнению, воспроизведены на рельефах из Персеполя. Но это пенамного усилило доказательность мнения В. Волской. На наш взгляд, нет никаких реальных оснований рассматривать ее данные как свидетельства пребывания персов периода похода Дария в Истрии.

Не может быть свидетельством связи погребений в курганах № 12, 17, 19 с персами времени походов и находка в кургане № 12 вместе с костями коней нижней челюсти осла³⁰. Противоречит этому известное упоминание Геродота об отсутствии в Скифии ослов (IV, 129, 135).

Вернемся к описанию похода персов через Фракию. «Поднявшись по реке на два дня плавания от моря, моряки стали строить мост на «шее» реки, где Истр разделяется на два гирла»³¹. В этом месте река имеет ширину до 1000, глубину до 7 м и скорость течения от 0,5 до 1 м/сек³². При этих условиях строительство моста было нелегкой задачей. Очевидно, место строительства находилось где-то на участке между современными городами Тулча и Рени. В этом месте Дунай делится на два гирла — Килийское и Сулинское. Наиболее вероятным местом строительства паромного моста через Дунай, возможно, является местность у сел Исакчи (на правом берегу реки) и Орловка (на левом). Именно здесь находилось самое удобное место для строительства переправы в нижнем течении

Дуная. Неслучайно мосты через Дунай сооружались в этом месте и в римское время, когда тут были построены крепости, защищавшие переправу; здесь же базировался и римский флот, выполнявший ту же роль³³.

Персами были приняты меры по обеспечению надежного тыла на территории Фракии*. С этой целью было построено «царское укрепление под названием Дориск**». В нем Дарий во время похода на скифов оставил персидскую стражу³⁴. Дориск размещался недалеко от устья р. Марица³⁵ на землях фракийского племени саев³⁶. Он намного ближе к Геллеспонту, через который согласно Геродоту проходил мост персов, чем к Боспору. Размещение этого укрепления вдали от побережья Черного моря, вдоль которого шел к Дунаю Дарий, может свидетельствовать о том, что при продвижении по Фракии персы для покорения фракийских племен отправляли военные отряды так далеко от направления основного маршрута или о том, что какая-то часть войска персов переправилась через Геллеспонт.

За время, в течение которого Дарий, местами с боями, проходил через Фракию, по его распоряжению был построен мост через Дунай. О приемах строительства «понтонных» мостов с использованием судов флота рассказывает Геродот, описывая поход Ксеркса в Грецию. Мост образовали поставленные рядом суда-триеры и пентеконтеры,

---

* О походе Дария через Фракию, значении этого похода и событий скифо-фракийской войны для Фракии см.: *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев, с. 21—24.

** Этот фрагмент Ю. Г. Виноградов переводит несколько иначе: «в этом то месте (на этой равнине) и было построено царское укрепление, которое было названо Дориском, и персидский гарнизон в нем был поставлен Дарием (и есть до сих пор) с того времени, когда он отправился походом на скифов».

стоящие на якорях. Суда связывали специально изготовленными канатами («связывали вместе по два каната из «белого льна» и по четыре — из волокна папируса»). «Когда пролив был соединен мостом, бревна распилили, выравняли длину досок по ширине понтонного моста. Затем доски уложили в порядке поверх натянутых канатов и там снова крепко привязали их к поперечным балкам. После этого принесли фашинник, разложили в порядке и засыпали землей. Потом утрамбовали землю и по обеим сторонам моста выстроили перила, чтобы вьючные животные и кони не пугались, глядя сверху на море»³⁷.

Вероятно, подобным же образом строился мост через Дунай и во время похода Дария. Б. А. Рыбаков пишет, что этот мост построил архитектор Мандрокл³⁸. Конечно, это явная ошибка*. Сам Геродот говорит, что самосец Мандрокл строил мост через Боспор³⁹. Имени строителя моста через Дунай он не сообщает. Скорее всего Мандрокл не имел никакого отношения к нему. Как сказано выше, мост через Дунай строился еще тогда, когда персы переправлялись через Геллеспонт. Кроме того, подробно перечисляя имена греческих тиранов, суда которых находились на Дунае, Геродот даже не упоминает Мандрокла, а из самосцев он называет только Эака⁴⁰.

Строительство подобного моста произвело, по-видимому, сильное впечатление на греков. Эпический поэт конца V в. до н. э. Херил Самосский написал даже поэму «Переход через понтонный мост». К сожалению, она не сохранилась и мы знаем о ней лишь из упоминания Страбона, что поэму цитировал Эфор. То, что речь шла именно об этом мосте, ясно из четкого замечания Страбона, что «мост этот построил Дарий»⁴¹.

---

* «Мост Мандрокла» фигурирует и на картах, помещенных в работе Б. А. Рыбакова.

Строительство мостов с помощью судов нередко применялось персами. Рассказывая о войне Кира с массагетами, Геродот писал, что «для переправы войска царь приказал построить понтонные мосты через реку [Аракс], а на судах, из которых состояли мосты, воздвигнуть башни»⁴².

После перехода войск через переправу, Дарий намеревался разрушить ее и присоединить ионийцев, строивших мост, к своему войску. Однако по совету митиленского военачальника Коя он оставил мост целым. Весьма любопытны причины, по которым Кой настойчиво рекомендовал Дарию сохранить переправу — «царь, так как ты предпринимаешь поход в такую страну, где не увидишь ни вспаханного поля, ни населенного города, то оставь этот мост стоять на месте, приставив к нему стражами (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) тех, которые его построили. Если мы найдем скифов и наше предприятие окончится согласно с нашими желаниями, то у нас будет и обратный путь: если же мы не будем в состоянии их найти, то, по крайней мере, обратный путь у нас обеспечен: я не того боюсь, что мы потерпим поражение от скифов в открытом бою, а скорее того, что потерпим какие-либо невзгоды в блужданиях, не будучи в состоянии их найти»⁴³.

Сроки похода в Скифию, очевидно, с расчетом возможных неудач, Дарий определил в 60 дней. За это время он рассчитывал, по-видимому, разгромить скифов, «замирить» северопричерноморские степи и затем продолжать путь далее на восток. В случае неудачи, отведенного времени должно было хватить на то, чтобы вернуться обратно к Дунаю и уйти на запад. Поэтому именно на этот срок ионийским тиранам, чьи суда были использованы для строительства моста и чьи воины охраняли мост, было дано четкое указание Дария: «оберегайте мост, прилагая все стара-

ния к его защите (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) и сохранению в целостности»⁴⁴. Очень важно употребление Дарием слова «защита» по отношению к мосту*. Очевидно, он не исключал угрозы непосредственного нападения на мост со стороны скифов. Для отражения этого нападения, вероятно, должно было хватить многотысячного экипажа судов, возможно, находившегося в специально построенных укреплениях, подобно тем, которые были построены Киrom во время войны с массагетами⁴⁵. О реальной возможности нападения скифов на мост говорили и охранявшие его греки во время совещания, на котором решалась судьба моста в конце войны⁴⁶.

Мост через Дунай занимал особое место в планах сторон и в ходе всей войны. Об этом говорит хотя бы то обстоятельство, что к событиям, связанным с ним, Геродот возвращается несколько раз. Очень четко определил роль этого моста Б. А. Рыбаков, назвав его «стратегическим»⁴⁷.

Через наведенный мост войско персов перешло на левый берег Дуная. Перед ними была Скифия. Персы были готовы к боям:

Нет преграды, чтоб сдержала
Натиск полчищ многолюдных,
Нет плотины, чтобы в бурю
Перед морем устояла.
Непреклонно войско персов,
Одолеть его нельзя⁴⁸.

¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 171.

² Геродот, IV, 85.— ВДИ, 1947, № 2, с. 275.

³ Геродот, IV, 52 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 252—253.

⁴ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 171.

⁵ Эсхил. Персы.— В кн.: Античная драма. М., 1970, с. 62—63.

⁶ Геродот, IV, 87 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 209.

* В этом смысле особую ценность приобретает вариант перевода слов Дария, предложенный Ю. Г. Виноградовым — «...с тех пор (поскольку) я переменял решение, стерегите мост, прилагая все усердие (старание, рвение) к его сохранению и защите».

- ⁷ Советская военная энциклопедия, 1976, т. 1, с. 577.
- ⁸ Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи.— М., 1953, с. 24.
- ⁹ Иордан, 63.
- ¹⁰ Советская военная энциклопедия, т. 1, с. 577.
- ¹¹ Геродот, IV, 88—89 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 209—210.
- ¹² Геродот, IV, 83.— ВДИ, 1947, № 2, с. 274.
- ¹³ Геродот, IV, 89.— Там же, с. 275.
- ¹⁴ Berciu D. O descoperire Traco-scitică din Dobrogea si problema scitică la Dunărea de Jos.— Sciv, 1959, 10, N 1, p. 10, pl. II.
- ¹⁵ Matei A. V. Der Bronze-akinakes von Firminis.— Dacia, NS, 1978, 22, S. 109, Abb. 2, 5; S. 110, Abb. 3, 1—3.
- ¹⁶ Берчу Д. Акинак из Меджидии (Добруджа).— МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960, с. 174; Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1-4, рис. 2.
- ¹⁷ Vasiliev V. Scitii agatirși pe teritoriul României.— Cluj—Napoca, 1980, p. 89, pl. 12.
- ¹⁸ Черненко Е. В. Древнейшие скифские парадные мечи, с. 29—30.
- ¹⁹ Harmatta J. A. Recently Discovered Old Persian Inscription— Acta Acad. sci. Hung. 1953, 1/2, p. 1—14.
- ²⁰ Дандамаев М. А. Иран при первых ахеменидах, с. 262—270.
- ²¹ Wolska W. Op. cit., p. 99—116.
- ²² Condurachi E. Santierul Histria.— Materiale si cerce. Arneol., 1959, 6, p. 893—302.
- ²³ Ibid., p. 302.
- ²⁴ Alexandrescu P., Eftimie V. Tombes Thraces d'epoque archaïque dans la nécropole tumulaire d'Histria.— Dacia, NS, 1959, 3, p. 146—149.
- ²⁵ Ibid., p. 149—152, fig. 10.
- ²⁶ Nicolăescu-Plopsor D. Données anthropologiques préliminaires sur les squelettes humains des tombes thraces d'Histria.— Dacia, NS, 3, p. 165—178; Nicolăescu-Plopsor D. Studiu antropologic al osemintelor umane descoperite la Histria in necropola tumulara.— Histria, 1966, 2, p. 355—381.
- ²⁷ Nicolăescu-Plopsor D. Studiu antropologic., p. 372—373.
- ²⁸ Riscutia C., Nicolăescu-Plopsor D. Tipuri de oameni din tumulii XII de la Histria necropola tumulara. Studii de baza reconstituirilor grafice dupa metoda lui M. M. Gherasimov.— Histria, 2, p. 383—385, pl. 112—117.
- ²⁹ Wolska W. Op. cit., fig. 7—8, 10—11; 14—16.
- ³⁰ Bolomey A. Equidelle din tumulue XII in necropola tumulară de la Histria.— Histria, 2, p. 387—396; Wolska W. Op. cit., p. 110, fig. 12.
- ³¹ Геродот, IV, 89.— ВДИ, 1947, № 2, с. 275.
- «...Мост, построенный Дарием из судов» упоминает и Страбон (ВДИ, 1947, № 4, с. 197).
- ³² Советская военная энциклопедия, 1977, т. 3, с. 269.
- ³³ Бондарь Р. Д. Некоторые проблемы истории нижнедунайского лимеса.— ВДИ, 1973, № 3, с. 154.
- ³⁴ Геродот, VII, 59 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 331.
- ³⁵ Михайлов Г. Траките. София, 1972, карта на с. 296—297.
- ³⁶ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев, карта 1 на с. 28.
- ³⁷ Геродот, VII, 36 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 326.
- ³⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 29, 70, 79.
- ³⁹ Геродот, IV, 87.— ВДИ, 1947, № 2, с. 275.
- ⁴⁰ Геродот, IV, 138 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 221.
- ⁴¹ Страбон. География, III, 303 / Пер. Г. А. Стратановского. М., 1964, с. 277.
- ⁴² Геродот, I, 205 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 76.
- ⁴³ Геродот, IV, 97.— ВДИ, 1947, № 2, с. 276.
- ⁴⁴ Геродот, IV, 98.— Там же.
- ⁴⁵ Геродот, I, 205 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 76.
- ⁴⁶ Геродот, IV, 139.— ВДИ, 1947, № 2, с. 285—286.
- ⁴⁷ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 70.
- ⁴⁸ Эсхил. Персы, с. 41.

IV. ГЛУБИНА ПРОНИКНОВЕНИЯ ПЕРСОВ В СКИФИЮ

*...ты узнаешь и будешь знать [как] далеко
проникло копье персидского мужа...*

*Надпись на гробнице Дария I
в Накш-и-Рустаме*

По поводу проникновения персов в глубины Скифии существует две основные точки зрения. Наш главный источник о событиях этой войны — описание Геродота — говорит об очень глубоком продвижении персов в Скифию. Мнение Геродота разделяют многие исследователи. Некоторые историки ограничивают продвижение войск персов в Скифию лишь 100—150 км. При этом обычно используют эпизод похода, рассказанный Страбоном*. «Между гетами и Понтийским морем от Истра по направлению к Тире лежит Гетская пустыня, ровное и безводное пространство, где Дарий, сын Гистаспа, в то время, как перешел за Истр для похода на скифов, был захвачен в ловушку и рисковал погибнуть со всем своим войском от жажды; но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад»¹.

М. И. Артамонов из этого текста сделал вывод, что «Дарий, перейдя Дунай и углубившись в Буджакскую степь, подвергся опасности погибнуть со всем своим войском от жажды и, не дойдя до Ольвии, поспешил вернуться обратно»². То же мнение в работе о скифах высказал Б. Н. Граков³.

В рассказе Страбона не все ясно. Хотя четко видна тенденция изобразить эпизод как случайное, незначительное событие, обошедшееся без столкновения со скифами, неясно, о какой ловушке идет речь. Хотя в другом фрагменте Страбон уже пишет о «скифах, воевавших (подчеркнуто мною.— Е. Ч.) с персидским царем Дарием»⁴.

Совершенно справедлива оценка сообщения Страбона, данная Б. А. Рыбаковым: «Страбон, писавший 506 лет спустя после похода Дария, не может, разумеется, считаться надежным источником. Он, очевидно, читал у Геродота о

---

* Так же, но без заключительных слов «но он понял опасность, хотя и поздно, и повернул назад», характеризуется поход в «Хрестоматии из «Географии» Страбона (ВДИ, 1947, № 4, с. 242).

битве Дария со скифами в трех днях пути от Истра * (т. е. между Истром и Тирасом) и о том, что после двухмесячного похода, убегая от скифов, Дарий шел к Истру по земле, где скифы заранее засыпали источники (Геродот, IV, 122, 140), но этим и ограничил весь поход. Принимать в расчет небрежное припоминание Страбона не следует, а тем более следует на основе его слов отрицать поход персов в глубь Скифии»⁵.

Нам представляется верным мнение Б. Н. Гракова, который, пересмотрев свою прежнюю точку зрения, писал: «...рассказ... Страбона о том, что Дарий попал в ловушку между Днестром и Бугом, можно расценивать и как максимальное продвижение войск, и как конечный — уже при возвращении — этап пройденного им по Скифии пути. Ведь и Геродот рисует последними местами событий места около Дуная»⁶. Очевидно, из рассказа Страбона не следует вывод, сделанный М. И. Артамоновым. Он во все не противоречит свидетельству Геродота, а лишь подчеркивает драматическую концовку неудачного похода.

О неглубоком (на расстояние 15-дневного пути) проникновении в Скифию писал и Ктесий⁷. С весьма обоснованными возражениями против этого выступил Ф. К. Браун, написав: «...лейбмедик Дария *..., который вообще по достоверности известий, им сообщаемых, не в состоянии идти в сравнение с Геродотом⁸, в этом случае едва ли может поколебать свидетельство сего последнего, так как никогда не был в Скифии, а сведения свои о несчастном походе Да-

рия в эту страну получил от персидских царедворцев, которые из ложного патриотизма должны были стараться всячески уменьшать важность этого предприятия, подобно тому как у составителей французских бюллетеней 1812 г. бегство «великой армии ... называлось боковым маршем на С. Петербург»⁹.

Ф. К. Браун сделал очень много для выяснения направления и глубины проникновения в Скифию войск персов. Его работа, написанная в середине прошлого века, не утратила своего значения и в настоящее время. Он проделал тщательный критический разбор мнений отечественных и главным образом зарубежных авторов, считавших, что поход Дария был направлен не на восток, а на север. Ф. К. Браун категорически возражал против мнения Страбона об ограничении продвижения персов только пространством до Днестра и мнения Ктесия о продвижении персов в Скифию лишь на расстояние, равное 15 дням пути. Особого внимания заслуживает его точка зрения о Северном Приазовье как конечном пункте проникновения персов на восток. В качестве возможного крайнего пункта он называл р. Берду, или р. Крымку, правый приток Миуса, отстоящую от р. Берды на 130—150 км¹⁰.

В пользу мнения о значительном продвижении персов в Скифию за пределы пространства, ограниченного Дунаем и Днестром, следует рассматривать не зависящее от Геродота свидетельство Иордана о том, что Дарий провел «два полных месяца (вспомним 60 дней Геродота.— Е. Ч.) в утомительной войне»¹¹. Очень трудно предположить, что столь длительный срок персы провели на таком незначительном участке.

Итак, можно отметить, что сторонники как одной, так и другой точки зрения, отмечая фантастичность некоторых эпизодов в рассказе Геродота, определяют «короткий» маршрут персов, ограничивая его, вслед за Страбоном, только тремя днями пути и пределами «Гет-

* У Геродота отсутствует упоминание об этой битве.

* Здесь Ф. К. Браун ошибся, назвав Ктесия лейбмедиком Дария. Ктесий был медиком персидского царя Артаксеркса II. О Ктесии, его исторических сочинениях, их достоверности, его полемике с Геродотом см.: Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Указ. соч., с. 27—29; Пьянков И. В. «История Персии» Ктесия и среднеазиатские сатрапии Ахеменидов в конце V в. до н. э.— ВДИ, 1965, № 2.

ской пустыни» (М. И. Артамонов) или «длинный» маршрут, охватывавший и глубинные районы Скифии, и земли, лежащие за ее пределами (Б. Н. Граков, Е. А. Разин¹², А. И. Мелюкова¹³, В. А. Ильинская и А. И. Тереножкин¹⁴). Очень категорично, в явном противоречии с мнениями, приведенными выше, писал известный специалист по истории географических открытий Р. Хеннинг: «... в настоящее время все согласны с тем, что персидское войско дошло только до Бессарабии»¹⁵. С полным на то основанием ему возражает Б. А. Рыбаков¹⁶.

Столь же категоричен (ничем не аргументируя свое мнение) в оценке рассказа Геродота о походе персов Д. О. Томсон, писавший, что «большинство считает повествование Геродота в этой части вымыслом»¹⁷.

Здесь следует отметить, что мнения о «коротком» и «длинном» маршрутах Дария высказываются обычно вскользь, без какой-либо аргументации в пользу его или для опровержения противоположного. Нередко остается неясным даже такое серьезное обстоятельство, ограничивают они продвижение персов лишь узкой полосой причерноморских степей (речь идет о сторонниках «длинного» маршрута) или в маршрут продвижения персов включают и земли северных, иногда очень далеких, соседей скифов. Исключением является раздел в работе Е. А. Разина. Однако и в ней есть очень существенная непоследовательность. На схеме*, приведенной в книге, показан путь скифов и преследующих их персов лишь на узкой прибрежной полосе, а при описании похода без каких-либо комментариев и оговорок приведен весь рассказ Геродота о продвижении персов далеко на север и северо-восток (рис. 29)¹⁸.

* На ней неверно указано место нахождения моста через Дунай. Он располагался намного выше того места, где он находился, судя по рассказу Геродота.

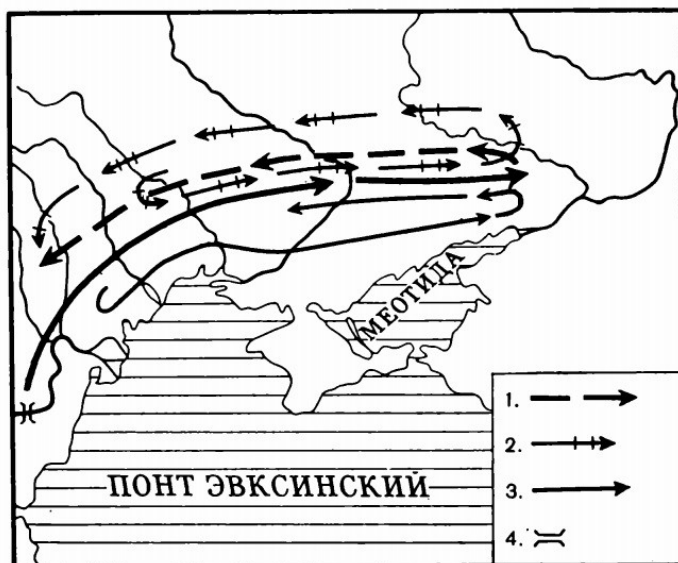

Рис. 29. Схема похода Дария в Скифию (по Е. А. Разину):

1 — персы; 2 — войска Иданфирса и Таксакиса; 3 — войска Скопасиса; 4 — мост.

Б. А. Рыбаков предлагает другое мнение о маршруте похода Дария, который с некоторыми оговорками можно было бы назвать «средним»¹⁹. Он полагает, что поход персов в северные районы Причерноморья, когда за два месяца надо было пройти свыше 5000 км, был «явно немислим». Глубину продвижения основной массы войск персов Б. А. Рыбаков, вслед за Ф. К. Брауном, поэтому ограничивает лишь районом Бердянска. Только конница персов была послана Дарием в земли гелонов и будинов и за Танаис, в земли савроматов. Автор даже определяет конкретно сроки, в которые проходили эти перемещения — за 20 дней дошли до Бердянска, столько же дней основная часть персов строила укрепления в Приазовье, а конница ходила в далекий рейд. Двадцать дней ушло на путь к Дунаю!

В общем Б. А. Рыбаков прав. Мы также придерживаемся мнения, что максимальным пунктом продвижения персов в Приазовье был район Бердянска*, однако категорически не согласны с мнени-

* Того же мнения придерживается и В. Волска (*Wolska W. Op. cit., fig. 1*).

нием Б. А. Рыбакова о разделении сил персов на две части и с рейдом конницы отдельно от основных сил, оставшихся в Приазовье. Более подробно речь об этом будет идти ниже.

Для выяснения возможности перемещения больших масс войск Дария по Скифии могут быть использованы данные, позволяющие более или менее точно уяснить характер и протяженность маршрута, численность войск и сроки проведения подобных маршей. Совершенно правомерно будет привлечение материалов о походах ассирийцев и урартов, о походе персидского царевича Кира и его наемников-греков по Малой Азии через более чем сто лет после похода Дария в Скифию, о событиях средневековья.

Несмотря на то, что материалы относятся к различным историческим эпохам, иногда отдаленным одна от другой на тысячи лет, все они свидетельствуют о передвижении масс конного или пешего войска, вынужденного обеспечивать себя фуражом и продовольствием, взятыми на месте или частично транспортируемыми обозом, сопровождавшим войско. Во всех случаях в качестве средств передвижения были кони или быки, волы. Практически одни и другие были средствами передвижения, мало изменяющимися на протяжении тысячелетий. Остатки скифских повозок (правда, относящихся к более позднему времени, чем скифо-персидская война), в частности из курганов в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепропетровщине²⁰, очень немногим отличаются от чумацких возов недавнего прошлого (это хорошо видно на материалах чумацких возов из собрания Никопольского краеведческого музея). У них одинаковы конструкции кузовов, колес. Возможно, уже во время похода Дария скифы имели ошинованные металлом колеса повозок. Они встречаются среди материалов Скифии IV в. до н. э.²¹ А повозки периода похода Дария в Скифию известны среди

памятников гальштата²². Ошипованные повозки, мало отличающиеся от современной конструкции, были известны на древнем востоке задолго до Дария, а судя по данным античной вазовой живописи, и в Греции VI в. до н. э.

Изменения в технической оснащенности на протяжении веков шло не за счет изменения конструкций повозок, а за счет совершенства упряжи.

На протяжении тысячелетий без изменений оставалась и тягловая сила — кони, быки и волы. Совершенствование конской узды и упряжи не могло увеличить скорость передвижения. Они могли только облегчить управление конем или быком, волком.

Сравнительно мало изменились со временем и условия, в которых проходило передвижение войск.

Малую изменяемость темпа передвижения на протяжении человеческой истории до сравнительно недавнего времени, очень хорошо отметил Стефан Цвейг. «В течение тысяч, а может быть, и сотен тысяч лет, прошедших со времени появления на земле удивительного существа, именуемого человеком, мериллом скорости была скорость бегущей лошади, катящегося колеса, корабля, идущего на веслах или под парусами. Все вместе взятые технические открытия, сделанные за весь тот короткий, освещенный сознанием промежуток времени, который мы называем мировой историей, не привели к сколько-нибудь значительному ускорению ритма движения. Армии Валленштейна продвигались вперед едва ли быстрее, чем легионы Цезаря; войска Наполеона не наступали стремительнее, чем орды Чингизхана; корветы Нельсона пересекали моря лишь немногим быстрее, чем пиратские ладьи викингов или галеры финикийцев»²³.

Можно было бы привести много примеров о передвижении больших масс войск в конном или пешем строю в сопровождении значительных обозов. Ма-

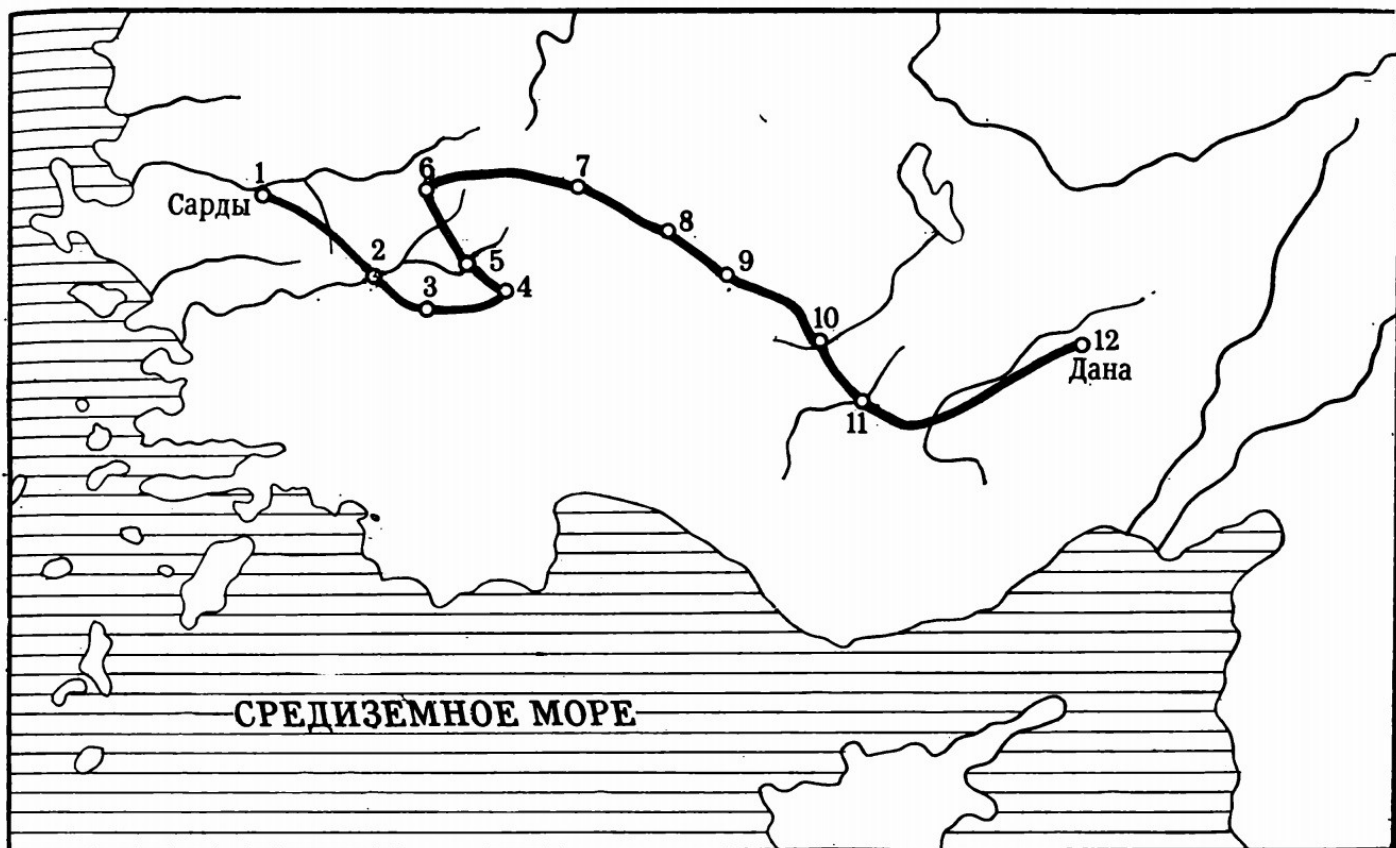

Рис. 30. Схема похода наемников Кира по Малой Азии (по М. И. Максимовой).

териалов для этого достаточно. Ограничимся лишь самыми характерными.

Ценные данные о передвижении войск урартов сообщает С. А. Есаян. Он пишет, что урарты совершали походы протяженностью в сотни и тысячи километров, проходя в день по 30—40 км. Ассирийские тексты свидетельствуют, что армия Саргона II проходила за переход до 80 км. По справедливому мнению С. А. Есаяна, такие переходы могли совершать лишь небольшие отряды хорошо тренированной пехоты и конница (при смене коней)²⁴.

Особый интерес в данном случае представляют сведения Ксенофонта о событиях, происшедших в 401 г. до н. э. в Малой Азии. Персидский царевич Кир поднял восстание против своего старшего брата, царя Персии Артаксеркса II. На стороне Кира выступил отряд греков-наемников численностью около 13 тыс. воинов. Общая численность

войск Кира, по Диодору, достигала 83 тыс. человек (помимо 13 тыс. греков было 70 тыс. варваров, из которых 3 тыс. были всадниками)²⁵. Непомерное преувеличение численности войск Кира отмечал Г. Дельбрюк²⁶ и В. Тарн. Последний определяет общую численность войска Кира в 30 тыс. воинов²⁷.

Среди греков-наемников находился Ксенофонт. В его «Анабасисе» довольно подробно описывается ход войны. Для нас в данном случае представляет интерес та часть сочинения, где описан поход греков в составе армии Кира (рис. 30). Рассказ Ксенофонта местами напоминает записи из современных «Журналов боевых действий». Многие страницы его сочинения подробно описывают путь, проделанный войском, характер местности, количество переходов и расстояние между пунктами. Книга завершается сухим отчетом о проделанном пути, где указана общая продолжи-

Таблица 2

Продолжительность похода	Кол-во переходов	Дневки, сражения, стоянки	Протяженность похода		Дневной переход	
			стадий	км	стадий	км
1 год 3 м (около 455 дн.)	215	около 240	34 255	около 6000	около 160	около 28

тельность и протяженность похода, длительность пребывания войск на марше. «Протяжение всего похода — 215 переходов, 1150 парасангов, 34 255 стадий. Продолжительность похода — год и 3 месяца»²⁸.

Остановимся на некоторых данных о переходах. Как и Геродот, Ксенофонт измеряет расстояние, пройденное войском, переходами. Этим термином (переход, день пути) пестрят страницы его труда²⁹. Более мелкой единицей по сравнению с переходом, являются парасанги и стадии. По определению М. И. Максимовой, «парасанг — персидская мера длины; вероятно, условная величина, определяемая количеством времени, нужного для прохождения этого расстояния»³⁰. Реального содержания этого термина она не раскрывает. Однако у Геродота есть очень четкое определение такого расстояния: «... этим словом персы обозначают меру в 30 стадий»³¹. Точность формулировки Геродота подтверждается и данными Ксенофонта³². По мнению М. И. Максимовой, Ксенофонт как афинянин измерял расстояние аттическим стадием — около 177 м³³.

Исходя из данных Ксенофонта, приведенных выше, можно определить расстояние, пройденное греками в начале похода в составе всего войска Кира, а потом и самостоятельно (см. табл. 2).

Таким образом, расстояние, которое греки проходили в сутки, равнялось приблизительно 160 стадиям, или около 28 км. Характерно, что в первой части похода, когда они двигались в составе войска, они проходили за день боль-

ше — около 172,5 стадий (около 30,5 км)³⁴. Снижение темпов продвижения во второй половине похода объясняется более сложной местностью, по которой совершался марш, и необходимостью вести частые бои с племенами, через земли которых проходили. В 30 км определяет дневной переход персов и Б. А. Рыбаков³⁵.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в пути греки находились только 215 дней из 455, затраченных на поход (меньше половины). Следует, однако, учитывать при этом, что на протяжении пути (особенно в первой его половине, до битвы при Кунаксах), продвигаясь в составе войска Кира, они делали довольно много остановок. Отметим лишь наиболее длительные — 30 дней в Келене, 20 — в Тарсе, 45 — в Котиоре³⁶.

Для выяснения обычного темпа движения персидского войска Кира большой интерес представляет подробное описание Ксенофонтом перехода в самом начале пути — от Сард до Дана, расстояние между которыми приблизительно 700 км (см. табл. 3).

По данным Ксенофонта, войско находилось в пути 84 дня, из которых непосредственно на марш ушло лишь 30 дней. Средний темп движения, таким образом, составлял около 23,5 км в день. Очень много времени уходило на дневки и стоянки. Однако при этом следует учитывать, что только в одном городе — Келене — они находились столько же времени, сколько потратили на весь переход — 30 дней. Семидневная стоянка была у войска и в г. Колоссы. Ритм про-

движения войска Кира на этом участке пути хорошо прослеживается и на карте (рис. 30), из которой видно, что отдых войскам давали через разное количество переходов — от двух до девяти. Очевидно, это зависело прежде всего от того, попадались или нет на пути населенные пункты, в которых можно было дать отдых войскам. Самый большой девятидневный переход был сделан на заключительном этапе, когда войско шло по Ликаонии, где от Икониона до Даны не было городов.

Поход греческого наемного отряда под руководством Ксенофонта явился выдающимся событием древности. За 215 переходов был пройден огромный путь общей протяженностью около 6000 км. Десятитысячный отряд воинов в сопровождении довольно большого обоза с боями прошел по окружности вдоль Малой Азии, дойдя на юго-востоке почти до Вавилона ³⁷.

В 1391 г. Тимур отправился в поход против Тохтамыша *. Его 200-тысячное войско вышло из Ташкента и направилось через Северный Казахстан прямо на север. Далее поход проходил через территорию нынешних областей РСФСР — Оренбургской и Куйбышевской — и завершился битвой, которая произошла недалеко от нынешнего Куйбышева. Реальность похода нашла подтверждение в найденной в 1930 г. и хранящейся ныне в Эрмитаже надписи на камне недалеко от современного Карсакпайского рудника у горы Улутар ³⁸. «В лето 793 (1391 г.) в год овцы в средний весенний месяц султан Туран Тимурбек шел с 200 000 войска имени своего ради против хана Золотой орды, Тохтамыш-хана. Достигнув этой местности, он воздвиг этот курган, дабы он был знаком» ³⁹.

Очень интересное описание этого похода содержится в «Книге побед» Ни-

* Мое внимание на этот поход обратил А. И. Тереножкин.

зам-ад-дина Шами (умер в 1431 г.), придворного историка Тимура ⁴⁰, и в «Книге побед» Шереф-ад-дина Йезди (1405—1447 гг.) ⁴¹. Их рассказы и легли в основу этого краткого экскурса. Поход начался в конце января и окончился битвой в середине июня 1391 г. Протяженность пути, пройденного войском, составляла около 2400 км, за это время были форсированы реки Чу, Сары-су, Тургай, Тобол, Урал. Почти половину времени поход проходил в условиях снежной зимы. От безводья и бескормицы войска несли большой урон. При переправе через реки из собранных дров и веток сооружали простейшие переправы или форсировали реки вплавь. Для снабжения войск мясом организовывались большие охоты с загонщиками.

Очень красочно описал Шереф-ад-дин Йезди голод, заставивший ввести жесткое нормирование расхода провианта, удачную охоту, спасшую войско от голода ⁴². Тохтамыш с войском приблизительно с половины пути шел впереди войск Тимура, не принимая открытого боя. Лишь между небольшими отрядами противников происходили время от времени отдельные стычки. «Так как Тохтамыш-хан не останавливался до прихода войска Тимура, а стороже-

Т а б л и ц а 3

Маршрут	Переход	Стоянка	Расстояние, км
1. Сарды			
2. р. Меандр	3		110
3. Колоссы	1	7	30
4. Келены	3	30	70
5. Пелоты	2	3	50
6. Базар Керамы	2		50
7. Кастропедион	3	5	120
8. Тимбрий	2		
9. Тирией	2	3	70
10. Иконион	3	3	
11. по Ликаонии	5		
12. Дана	4	3	200
Всего	30	54	700

вые посты неприятельской армии показывались ежедневно, но, повернув назад, уходили, и, удаляясь в эту беспредельную степь, не останавливались, то Тимур... приказал, чтобы мирза Омаршейх с 20 000 всадников отправился вперед и, быстро подвигаясь, настиг его (Тохтамыш), дабы тот остановился по необходимости»⁴³. Это действительно заставило Тохтамыша остановиться и принять бой, который окончился победой Тимура.

Очень многие места из рассказов историков походов Тимура (особенно подробный рассказ Шереф-ад-дина Йезди) перекликаются с рассказом Геродота о скифском походе Дария.

Поход Тимура продолжался дольше, чем поход Дария. Но и расстояние, пройденное им, было намного большим. Кроме того, войско Тимура продвигалось, делая большие остановки, иногда продолжавшиеся более 10 дней.

Представляют интерес и материалы о нашествии Тимура на Кавказ в середине 90-х годов XIV в. Во время третьего рейда, «отягощенная обозом, армия Тимура сумела пройти более 300 км тяжелейшего пути через кубанские плавни за 7—8 дней» (т. е. примерно по 40 км в сутки)⁴⁴.

Исследуя состав войска Тимура во время последнего похода, А. Е. Криштопа приходит к выводу о том, что оно состояло из двух частей. «Собственно «войско» — это весьма подвижные и боеспособные конные соединения, налегке и почти при полном бездорожье совершающие дальние и стремительные марши; кроме того, они защищают обоз и пополняют его ресурсы. «Обоз» — это подвижная база войска (но не столь мобильная), хранящая запасы продовольствия (скот) и снаряжение, награбленное и пленных, принимающая раненых и т. п.»⁴⁵.

Вполне возможно, что подобное деление имело и войско Дария. Однако конница у него была, по-видимому, слабее

и не столь многочисленна, как прославленная конница Чингизхана. Основная часть войска персов, как указывалось выше, была пешей.

Приведенные выше данные, относящиеся к событиям различных эпох, на наш взгляд, убедительно свидетельствуют о возможности разнородных масс — конницы, пехоты, значительного обоза — совершать длительные переходы, поддерживая довольно высокий темп продвижения, нередко при условии активного противодействия движению со стороны противника. Следует также иметь в виду, что продвижение осуществлялось в крайне неблагоприятных местностях с сильно пересеченным рельефом и значительными водными преградами. Прежде всего это относится к войскам урартов, ассирийцев, наемникам Ксенофонта (особенно во второй половине похода).

Очевидно, они могут быть убедительным свидетельством того, что поход персов в Скифию проходил в довольно сжатые сроки. «Изучавшим историю востока, знающим, с какими огромными армиями Чингисхан и Тамерлан проходили через пустынные степи Туркестана и Татарии, не покажется странным, что персы могли совершать двух- или трехмесячный поход, для которого они заблаговременно приготовились, зная, что страна, куда хотели вторгнуться, представит им весьма мало средств для продовольствия»⁴⁶.

Для выяснения реальности продвижения Дария в глубины Скифии представляет интерес протяженность дневного перехода. Разумеется, это величина очень условная и зависит от многих факторов: характера местности, наличия водных преград и лесов, способа их преодоления, наличия дорог и их состояния, времени года, способа передвижения (в пешем, конном строю или на повозках), снабжения войск, их численности, знания местности, степени противодействия продвижению со стороны

противника и т. д. Во время войны персов со скифами продвижение персов в глубь Скифии проходило летом или в начале осени по степной, местами довольно сильно пересеченной оврагами и речными поймами местности. Приходилось преодолевать многочисленные водные преграды (об их возможном числе и способах форсирования речь будет идти особо).

Скифы передвигались в конном строю, их не обременяли обозы. Пехота была, очевидно, немногочисленной и приняла участие в конце войны. Персидское войско состояло главным образом из пехоты, конница играла подчиненную роль. Войско сопровождал также огромный обоз. Если для скифов снабжение войска питанием и фуражом не составляло большого труда — было вдоволь травы, которую к тому же следовало уничтожать, чтобы она не досталась врагу, была вода, для питания воинов было оставлено определенное количество скота, хорошим подспорьем была и охота, то для персов обеспечение войска водой и фуражом было большой проблемой. Испытывали серьезные трудности и со снабжением продовольствием, охота практически исключалась — скифы, идя впереди, распугивали всю дичь.

Из беглого сравнения безусловно явствует, что темп продвижения скифов мог быть значительно большим, чем у персов, была намного выше их мобильность. Особенно четко это стало заметно на заключительном этапе войны.

Вопрос о темпах продвижения обеих противоборствующих сторон очень сложен. В нашем распоряжении имеется весьма ограниченный материал. Известно, что весь поход прошел в сроки, немалого большие, чем 60 дней*. Из текста Геродота нельзя сделать вывод о превышении этого срока. Протяжен-

ность дневного перехода каждой из сторон, во всяком случае на первом этапе войны, была одинакова. Темп продвижения скифов определялся не их, в данном случае, реальными возможностями (мобильность скифской конницы была намного выше, чем у персов), а темпом продвижения преследующего противника. Очевидно, на протяжении всего похода скифы соблюдали дистанцию в один переход между ними и основной массой противника.

Реальность существования такой единицы измерения, как «день пути», подтверждает Геродот (I, 21; IV, 122, 124), один раз он упоминает термин «три дня пути» (IV, 122), употреблял и определения расстояния, равного 40 дням пути (II, 29), пяти дням пути (II, 34) и др.

Какое же реальное содержание вкладывал Геродот в этот термин? Однозначно ответить на этот вопрос, к сожалению, нельзя. Так, говоря о «дне пути», Геродот имел в виду два разных расстояния. Характерно, что оба упоминаются тогда, когда речь идет о персах. Рассказывая об организации дорог у персов, он пишет: «...если считать на каждый день по 150 стадий»⁴⁷.

Слово «стадий», казалось бы, дает возможность довольно точно определить расстояние, которое имеет в виду Геродот. Однако, к сожалению, и это не так. Напомним, что словом «стадий» определяется расстояние, которое можно пройти за то время, пока восходит солнце (приблизительно 2 минуты). А в Греции времени Геродота было много стадиев, например, аттический (177,6 м), олимпийский (192,27 м), ионийский (210 м).

Сравнительно небольшая разница между ними, которая может быть и не столь существенна при подсчетах небольших отрезков пути с помощью разных стадиев, ощутима при измерении расстояний в сотни и тысячи стадий. Например, когда измеряется дневной

---

* Именно этот срок, помимо Геродота, называет и Иордан.

переход, о котором пишет Геродот, равный 150 стадиям в аттической измерении, получится расстояние немногим более 26,5, а в ионийском — 31,5 км. Таким образом, разница в длине дневного перехода колеблется в пределах 5 км. А это немало.

Остается неясным, какими именно стадиями измерял расстояние сам Геродот. По этому поводу нет единого мнения. В. В. Латышев определяет стадий Геродота в 185 м⁴⁸. Г. А. Стратановский не высказывает своего отношения к этому вопросу и приводит в приложениях к комментариям Геродота таблицу античных мер длины, где указана длина аттического и олимпийского стадиев⁴⁹. М. И. Артамонов, Л. С. Клейн и Б. А. Шрамко полагают, что Геродот измерял расстояние ионийскими стадиями⁵⁰. В. А. Ильинская, вслед за В. В. Латышевым, считает, что Геродот измерял расстояние стадием, равным 185 м⁵¹.

Следует отметить, что ни один из них не объясняет, почему они используют тот или иной стадий. Лишь Л. С. Клейн писал, что он принял ионийскую стадию, «так как и население Ольвии было ионийским, и Геродот писал на ионийском наречии»⁵². Вряд ли можно безоговорочно согласиться с подобной аргументацией. Приведенные им соображения не могут убедить в его правоте. Первая часть его доводов построена, очевидно, на том, что Геродот был лишь в Ольвии во время его путешествия в Северное Причерноморье и поэтому расстояния, которыми он оперировал, были ионийскими. Однако Б. А. Рыбаков достаточно убедительно доказал, что Геродот был не только в Ольвии, но и посетил основные пункты, связанные с походом. С наименьшим основанием можно полагать, что Геродот измерял расстояние не ионийскими, а аттическими стадиями — ведь именно «Афины стали второй родиной Геродота»⁵³. В пользу применения Геродотом аттической

стадии высказался и Б. А. Рыбаков: «...наиболее вероятным считается применение Геродотом аттической стадии»⁵⁴, однако ничем не подкрепив свое мнение.

Очевидно, вряд ли можно будет однозначно решить вопрос о длине стадия, которым измерял расстояние Геродот. На наш взгляд, предпочтительнее будет полагать, что он измерял расстояние аттическими стадиями или стадием, длину которого В. В. Латышев определил в 185 м. В пользу этого, вероятно, можно привлечь косвенное свидетельство Ксенофонта. Выше уже приводилось мнение М. И. Максимовой, что Ксенофонт как афинянин измерял расстояние аттическими стадиями⁵⁵. Ксенофонт писал, что «длина пути, пройденного эллинами из Эфеса в Ионии до места сражения (при Кунаксах.— *Е. Ч.*), равнялось девяносто трем переходам — 535 парасангам, 16 050 стадиям»⁵⁶. Из этого следует, что один стадий в 30 раз меньше парасанга. Вспомним, что Геродот определял парасанг в 30 стадий. Вряд ли такое совпадение измерения расстояния случайно. Скорее всего, и Геродот, и Ксенофонт использовали как единицу измерения аттический стадий, равный 185 м.

Очевидно, желая подчеркнуть широкое использование стадия, равного 185 м, переводчики и комментаторы «Киропедии» Ксенофонта В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов определяют такие же размеры этой единицы длины, употреблявшейся не только Геродотом, но и различными античными авторами — Ктесием, Клитархом, Диодором, Страбоном, Курцием Руфом⁵⁷.

Возвращаясь к термину «день пути», отметим, что в этом случае длина дневного перехода, по Геродоту, будет равна около 27 км.

Начав рассказ о войне скифов с персами, Геродот после описания хода строительства моста через Дунай поме-

щает раздел с описанием Скифии. Говоря о так называемом скифском четырехугольнике, он пишет: «...дневной путь рассчитан у меня по 200 стадий», что равняется около 36 км. Представляется логичным, что эта норма «дня пути» имеет отношение и к рассказу о ходе войны со скифами.

С первого взгляда в продвижении со скоростью 35—36 км в день нет ничего необычного. Ведь речь идет о 8—9-часовом марше (в среднем до 4 км/час). Это вполне в пределах человеческих возможностей. Однако, если учитывать, что в таком темпе надо было двигаться не несколько дней, а недели и месяцы, цифра эта кажется не такой уж реальной. При этом двигаться надо было не по великолепным для своего времени дорогам империи ахеменидов, а по бездорожью, в чужой стране, страдая от жажды и голода, находясь под постоянной угрозой нападения неуловимого противника, а со второй половины похода эта угроза превратилась в суровую реальность. Ночные нападения скифов, о которых писал Геродот, лишали огромное войско персов нормального отдыха после изнурительных дневных переходов.

Следует также помнить, что на марше находилась многоэтническая масса воинов, разных по возрасту, опыту, выносливости, что в одной или нескольких колоннах шли пехотинцы, конники, боевые колесницы, бесконечный обоз, царский двор. Соединение столь неоднородных подразделений войска заставляло персов двигаться, исходя не из возможностей конницы или даже пехоты. Темп движения в данном случае диктовал обоз. А продвигаться быстро он просто не мог.

Г. Дельбрюк очень точно определил резкое возрастание трудностей передвижения войск по мере увеличения их численности: «...передвижения, легко совершаемые отрядом в 1000 человек, являются уже весьма затруднительны-

ми для 10 000 человек, чудом искусства для 50 000 и невозможными для 100 000»⁵⁸. Какими же словами можно определить исходя из этого трудности, которые встали перед войском персов при продвижении по Скифии? Очень верно в этой связи звучит мнение Г. Дельбрюка: «...по мере увеличения численности войск задача снабжения армии занимает все более видное место в стратегии»⁵⁹. Поистине «стратегическая» задача снабжения была поставлена скифами перед персами и решать ее приходилось в условиях активного противодействия скифов, особенно на заключительном этапе похода, когда персидское войско было уже измотано и война вступила в свою решающую фазу.

Для отдыха воинов и лошадей, приведения в порядок снаряжения, ремонта повозок обоза были крайне необходимы дневки. Без них движение на протяжении сколько-нибудь длительного периода просто невозможно. При нормальном марше дневки назначаются обычно через 3—4 перехода, а при форсированном — даже через 2—3 перехода⁶⁰. Во время похода Тимура на Тохтамыша в 1391 г., судя по свидетельствам летописцев, войско делало длительные привалы для отдыха, организации снабжения фуражом и продовольствием⁶¹. О дневках и длительных остановках войск при походе Кира и продвижении возвращающихся на родину греков-наемников под командованием Ксенофонта уже говорилось выше.

Все это заставляет с большой осторожностью отнестись к рассказу Геродота о походе персов, сроках и маршруте похода. А если отнести данные Геродота о суточном переходе к продвижению персов, то такой темп на протяжении столь большого промежутка времени (более 60 дней) находится на грани возможного. Он был реален лишь при крайнем напряжении всех физических и моральных сил войска, что не-

минуемо привело бы к значительному падению его боеспособности.

Серьезным препятствием для персов были реки, впадающие в Черное и Азовское моря. Древние авторы при описании похода персов совершенно не касаются этого принципиально важного вопроса. Ничего не пишет об этом и Геродот. «...Большинство рек убирается автором с пути персов»⁶², — отмечал крупный специалист по античной географии Д. Томсон.

Однако реки надо было форсировать и их было много. Самая крупная из них — Дунай — была преодолена с помощью понтонного моста, построенного с использованием судов*. Лиманы и озера в междуречье Дуная и Днестра, вероятно, обошли с севера. Реки между Днестром и Ю. Бугом в летнее время сильно мелеют, многие из них пересыхают и поэтому не могли быть заметным препятствием. Крупные реки Северного Причерноморья персы форсировали вслед за скифами. Мосты через реки не строили. Для этого не было материалов, безлесная в общем степь не могла дать их в нужном количестве и должного качества. Может быть, как это было при походе Тимура, через реки средней величины сооружались простейшие плотины в более глубоких местах переправ, позволявшие переправлять обоз⁶³.

Очень интересный рассказ о предложении построить переправу через многоводный Тигр приводит Ксенофонт. В том месте, где греки хотели переправляться через реку, она была «такой глубины, что копья солдат, пытавшихся ее измерить, целиком уходили в воду».

* Очевидно, следует с вниманием отнестись к словам Ф. К. Брауна о том, что «не следует забывать, что для переправы своего багажа персы могли пользоваться греческими судами и паромками: по крайней мере должно думать, что подобные суда плавали по всем скифским рекам, так как, по словам Геродота, они поднимались вверх по Днепру до области Геррос» (Браун Ф. К. Указ. соч., с. CVII—CVIII).

Предложивший свои услуги родосец сказал командирам наемников: «...мне нужно 2000 мехов. Здесь много мелкого скота, коз, волов и ослов, и если сорвать с них шкуры и наполнить их воздухом, то они дадут нам возможность переправиться без особого труда. Нужны мне и ремни, которые вы употребляете для вьючного скота. Я свяжу ими друг с другом меха и затем придам каждому устойчивость, привязав к нему камни и опустив последние в воду наподобие якорей; затем я протяну меха через реку и привяжу их [к берегу] с обеих сторон, наброшу на них хвост и насыплю землю... Каждый мех выдержит тяжесть двух человек, не погружаясь в воду, а хвост и земля помешают людям соскользнуть [в реку]»⁶⁴.

Очевидно, персам были хорошо известны широко применявшиеся на древнем Востоке для переправ через реки надутые воздухом меха — бурдюки из шкур животных. Такие простейшие «подручные средства» для переправ нередко изображены на ассирийских дворцовых рельефах⁶⁵ (рис. 31). Об использовании урартами и ассирийцами мехов писал Б. Б. Пиотровский: «...нередко путникам приходилось переправляться через реки вплавь на бурдюках, причем лошади следовали за ними и лишь в редких случаях для переправы сооружали плот наподобие ассирийскому «Каллаку» также с привязанными к низу бурдюками»⁶⁶. О зарождении на древнем Востоке (у ассирийцев и урартов) подразделений, выполнявших функции «инженерных войск», пишет С. А. Есаян⁶⁷. Может быть, подобные части были и в войске персов.

Опыт переправы через реки с помощью бурдюков был и у персов Дария. Об этом свидетельствует надпись на Бехистунской скале. Рассказывая о походе на восставший Вавилон, сам Дарий писал: «...я посадил войско на бурдюки»⁶⁸.

Рис. 31. Переправа ассирийских воинов через реку (рельеф дворца Ассурнасирпала II в Нимруде).

По справедливому замечанию Ф. Бруна, персы «могли взять с собой в Скифию достаточное количество подобных мешков (аналогичных тем, что изображены на ассирийских рельефах.— *Е. Ч.*), которые им не только были необходимы для переправы через ее реки, но еще могли служить для транспорта воды от одной из этих рек к другой»⁶⁹.

По-видимому, характер преодоления водных преград со времен скифо-персидской войны мало изменился ко времени позднего средневековья. Поэтому данные о местах переправ через реки, протекавшие в Северном Причерноморье, известные из поздних письменных источников, могут быть использованы и для более ранних времен.

Самой крупной рекой на пути персов после переправы через Дунай был Днепр (рис. 32). Ниже порогов существовала переправа, известная во второй половине I тыс. н. э. под названием Крарийского перевоза, через кото-

рый «переправляются херсонесцы из Руси и печенеги в Херсонес»⁷⁰. По мнению В. Г. Фоменко, специально занимавшегося исследованием переправ в районе порогов, это место «находилось у мыса, образованного крутыми поворотами Днепра на юго-восток, где возвышается наиболее заметная в этой местности скала. Возле этого мыса находилось самое узкое место нижнего течения Днепра, которое запорожцы потом назвали Волчьим Горлом». По его же данным, русские летописцы писали о наличии брода у Протолочи. Брод проходил через южную часть острова Хортица. Эти переправы широко использовались запорожцами⁷¹.

Интересные данные о переправах через Днепр сообщает французский военный инженер Г. Боплан, который в 1630—1648 гг. строил польские крепости на юге Украины. По его данным, в XVII в. на Днепре было около 11 переправ, обычно связанных с островами,

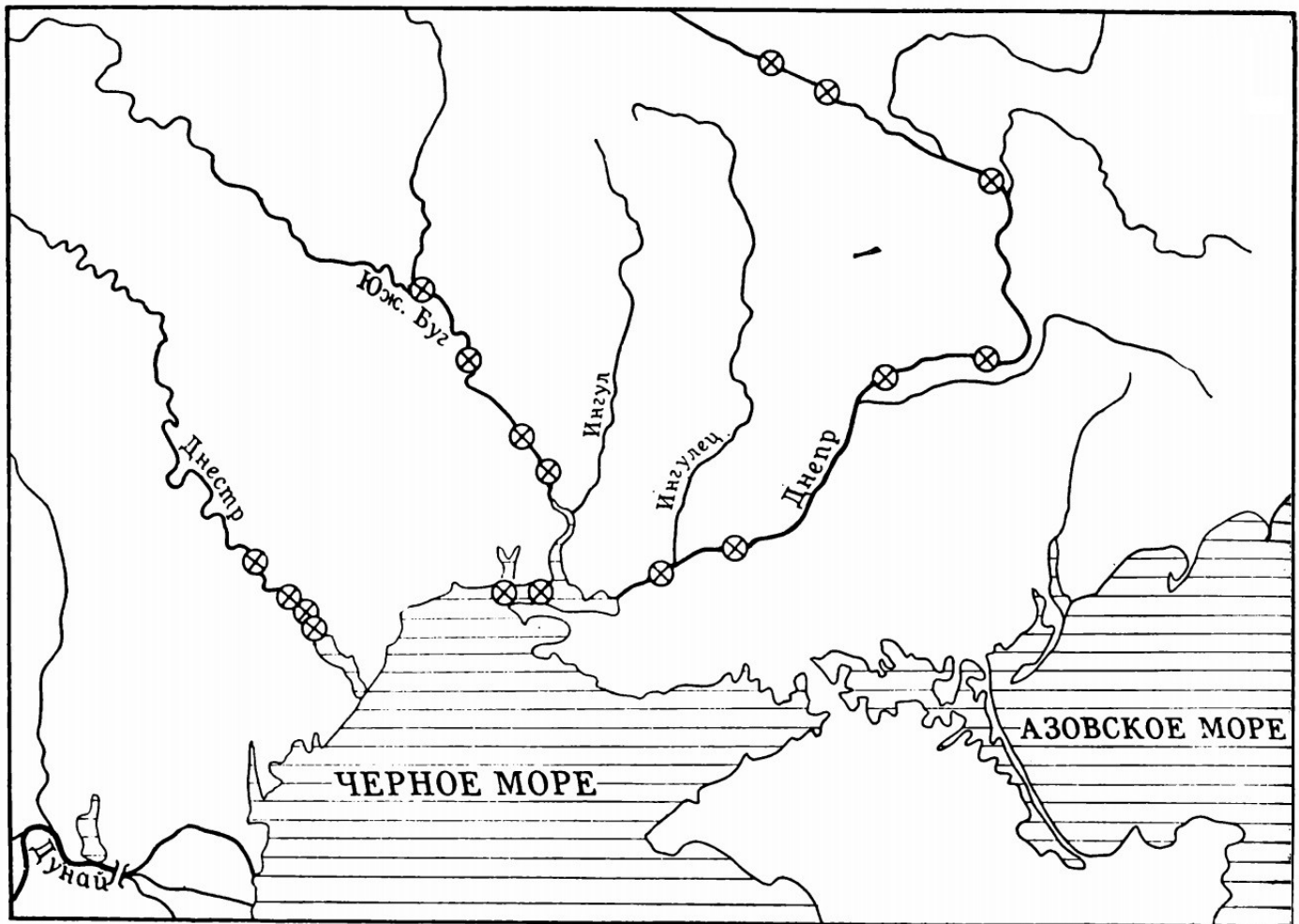

Рис. 32. Места древних переправ через реки Северного Причерноморья (схема).

находившимся в русле реки. Одна переправа была ниже порогов у Кичкаса (выше о. Хортица), другая переходила через острова Носоковка и Каир-Козмак (близ современной Каирской балки у с. Каиры на берегу нынешнего Каховского моря). Так называемая главная татарская переправа проходила по рукаву Таван, через о. Таван у Исламова городка, между современными городами Каховка и Берислав. Ее направление в общих чертах, очевидно, совпадало с плотиной Каховского водохранилища ⁷².

О наличии переправы через Днепр в районе Никополя и Каменки писал Б. Н. Граков ⁷³.

Интересные данные о переправах через реки Северного Причерноморья собрал К. К. Шилик. По его данным, через Днепр в древности и в средневеко-

вье было более 20 переправ. В районе нынешнего Кременчуга был брод, существовали и переправы: Мишурино-рогская, Будиловотавалжанская, Кичкасская, Микитинская (Никопольская), Бериславская (Казикерменская) и др. Через Днепровский лиман переправы у мыса Аджигол по направлению к современной Васильевке, и от Очакова на Кинбурнскую косу, а также у устья Ингульца. Через Днестр — Дубоссарская, Бендерская, Чобручская и Паланкская, а в античное время в районе Тиры — Никония.

Через Южный Буг был так называемый Витовтов брод у нынешнего с. Витулдов Брод, Песчаный, или Овечий у с. Александровка, брод у с. Константиновка. У с. Синюхин Брод был брод через р. Синюха. Переправа через р. Ин-

гулец — Давыдов брод находилась у села с тем же названием. Северский Донец можно было перейти по Изюмскому перелазу (броду) у с. Савинцы выше г. Изюма, по Торскому — у г. Славянска, по Айдарскому — у устья р. Айдар «перелазом» и по Боровому перевозу — у устья р. Боровая.

«Выше устья Донца на Дону станицы Цимлянкой имеется старая переправа, которой до самого последнего времени пользовались в качестве главной скотопроезной дороги между Сальскими степями и Доно-Донецким междуречьем», — писал М. И. Артамонов⁷⁴. Этот брод мог быть использован в том случае, если бы Дарий продвигался за Дон. «Что же касается трудности переправы через большие скифские реки, то она ... не должна была казаться чрезмерною для воинов, которым с давних пор приходилось перебираться через разные другие реки, не уступающие скифским в ширине и глубине своего русла, как-то Тигр, Евфрат, верхний и нижний Заб, Диала, Керха и пр.»⁷⁵

Как видим, реки Северного Причерноморья не были непреодолимой преградой и могли лишь замедлить продвижение персов.

Заканчивая краткую характеристику особенностей местности, по которой продвигались скифы и персы, и наличия переправ следует привести слова К. К. Шилика, специально исследовавшего этот вопрос: «Система водоразделов, а также многочисленные броды и переправы образуют в Северном Причерноморье большую и хорошо разветвленную сеть, которую можно было использовать и в качестве торговых путей, и путей кочевья»⁷⁶. К этому можно добавить: и путей продвижения больших масс войск во время войн, которые велись в древности.

¹ Страбон. География, VIII.—ВДИ, 1947, № 4, с. 199.

² Артамонов М. И. Киммерийцы и скифы, с. 77.

³ Граков Б. М. Скифы.—К., 1947, с. 23.

⁴ Хрестоматия из «Географии» Страбона, кн. VII.—ВДИ, 1947, № 4, с. 242.

⁵ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 171.

⁶ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 15; Граков Б. Н. Скифы, с. 29.

⁷ Ктесий Книдский. История Персии, 16.—ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

⁸ Браун Ф. К. Опыт соглашения противоположных мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею землях.—В кн.: Древности Геродотовой Скифии. Спб., 1872, вып. 2, с. СХ.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, с. CIV.

¹¹ Иордан, 63 / Пер. Е. Ч. Скржинской, с. 78.

¹² Разин Е. А. Указ. соч., с. 78—80.

¹³ Мелюкова А. И. Античная литературная традиция о скифской непобедимости.—КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 106.

¹⁴ Нариси стародавньої історії УРСР.—К., 1959, с. 135—136; Археологія Української РСР, т. 2, с. 39.

¹⁵ Хеннинг Р. Неведомые земли.—М., 1961, т. 1, с. 196—197.

¹⁶ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 171.

¹⁷ Томсон Д. О. История древней географии.—М., 1953, с. 98.

¹⁸ Разин Е. А. Указ. соч., с. 78—80, карта на с. 78.

¹⁹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 169—185.

²⁰ Группа БОФ, курган № 11; курган № 13; Толстая Могила (Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н. Скифские курганы, Никопольщины.—В кн.: Скифские древности. Киев, 1973, с. 152, рис. 36; с. 157—158, рис. 39—40; Мозолевский Б. М. Товста Могила.—К., 1980, с. 98, 120—122, рис. 80, 85, 104.

²¹ Мелюкова А. И. Краснокутский курган.—М., 1981, с. 18—24.

²² Там же, с. 33.

²³ Цвейг С. Избранное.—Киев, 1957, с. 591.

²⁴ Есаян С. А. Оружие и военное дело древней Армении.—Ереван, 1966, с. 129.

²⁵ Разин Е. А. Указ. соч., с. 179; Ксенофонт. Анабасис / Пер. М. И. Максимовой, М.; Л., 1951, с. 229, 259.

²⁶ Дальбрюк Г. Указ соч., с. 139.

²⁷ Ксенофонт. Анабасис, с. 259.

²⁸ Там же, с. 224.

²⁹ Там же, с. 12, 15—20, 197.

³⁰ Там же, с. 252.

³¹ Геродот. VI, 42 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 285.

³² Ксенофонт. Анабасис, с. 255.

³³ Там же, с. 255. Авторы перевода и составители примечаний к «Киропедии» Ксенофонта В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов считают, что Ксенофонт пользовался также

и аттическими талантами (*Ксенофонт*. Киропедия.— М., 1977, с. 295).

³⁴ Геродот, VI, 47 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 286.

³⁵ Рыбаков Б. А. Путешествие Геродота в Скифию, с. 1.

³⁶ Там же, с. 10, 14, 140.

³⁷ *Ксенофонт*. Анабасис, с. 10—12.

³⁸ История Узбекской ССР. Ташкент, 1955, т. 1, кн. 1, с. 322, карта похода, с. 318.

³⁹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение.— М., 1950, с. 357, рис. 25.

⁴⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941, т. 2, с. 112—117.

⁴¹ Там же, с. 159—167.

⁴² Там же, с. 161.

⁴³ Там же, с. 167.

⁴⁴ Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северный Кавказ.— В кн.: Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979, с. 139.

⁴⁵ Там же, с. 136.

⁴⁶ Браун Ф. К. Указ. соч., с. CVI—CVII.

⁴⁷ Геродот, V, 53 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 253.

⁴⁸ ВДИ, 1947, № 2, с. 275. В 185 м определяют величину аттического стадия В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов (*Ксенофонт*. Киропедия, с. 304, 309).

⁴⁹ Геродот. История / Пер. Г. А. Стратановского, с. 546.

⁵⁰ Артамонов М. И. Этногеография Скифии.— Учен. зап. Ленингр. ун-та. Сер. ист. наук, 1949, вып. 13, № 85, с. 161—162; Клейн Л. С. Территория и способ погребения кочевых скифских племен по Геродоту и археологическим данным.— Археолог. сб. Л., 1961, вып. 2, с. 47; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 128.

⁵¹ Ильинская В. А. Может ли Бельское городище быть городом Гелоном.— В кн.: Скифы и сарматы. Киев, 1977, с. 77.

⁵² Клейн Л. С. Указ. соч., с. 47.

⁵³ Борухович В. Г., Фролов Э. Д. Указ. соч., с. 477.

⁵⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч., с. 21.

⁵⁵ Максимова М. И. Указ. соч., с. 255.

⁵⁶ Там же, с. 47.

⁵⁷ *Ксенофонт*. Киропедия, с. 309.

⁵⁸ Дельбрюк Г. Указ. соч., с. 45.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Советская военная энциклопедия. М., 1977, т. 3, с. 204.

⁶¹ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. 2, с. 112—117, 159—167.

⁶² Томсон Д. О. Указ. соч., с. 98.

⁶³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, с. 112—117, 159—167.

⁶⁴ *Ксенофонт*. Анабасис, с. 92.

⁶⁵ Barnett R. D., Forman W. Assyrische Palastreliefs. Prague, tab. 18, 19.

⁶⁶ Пиотровский Б. Б. История и культура Урарту.— Л., 1944, с. 207.

⁶⁷ Есаян С. А. Указ. соч., с. 115.

⁶⁸ Бехистунская надпись, ст. 1, 83—90 (*Дандамаев* М. А. Указ. соч. с. 264).

⁶⁹ Браун Ф. К. Указ. соч., с. CVII.

⁷⁰ Лерберг А. Х. Исследования, служащие к объяснению древней Русской истории.— Спб., 1819, с. 285. Цит. по: *Фоменко* В. Г. Кічкаська переправа і городок на Малій Хортиці.— В кн.: Історичні джерела та їх використання, 1966, вип. 2, с. 110

⁷¹ *Фоменко* В. Г. Указ. соч., с. 110—122.

⁷² *Боплан* Г. Л. Описание Украины.— В кн.: Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси. Киев, 1896, вып. 2, с. 24, 28.

⁷³ *Граков* Б. Н. Скифы, с. 16.

⁷⁴ Артамонов М. И. Этнография Скифии, с. 161.

⁷⁵ Браун Ф. К. Указ. соч. с. CVII.

⁷⁶ *Шилик* К. К. Транспортные пути античного Северного Причерноморья.— В кн.: Материалы II Всесоюз. симпоз. по древ. истории Причерноморья на тему «Местное население Причерноморья в эпоху Великой греческой колонизации (VIII—V вв. до н. э.)». Тбилиси, 1979, с. 88.

V. ОТ ДУНАЯ В ПРИАЗОВЬЕ

*Здесь был особой жизни опыт,
Особый дух, особый тон.
Здесь речь была как конский топот,
Как стук мечей, как копий звон*

Н. Заболоцкий

Перед тем как перейти к рассмотрению хода персидско-скифской войны, действий, протекавших непосредственно на территории Скифии, необходимо вернуться к событиям, предшествующим походу. Прежде чем отправиться в Скифию, персы провели своеобразную морскую разведку¹ — разведку боем. Данных о ней у Геродота нет. Эта акция известна только из рассказа Ктесия Книдского.

«Дарий приказал каппадокийскому сатрапу Ариарамну перейти в Европу против скифов и взять в плен мужчин и женщин. Ариарамн, переправившись на 30 пятидесятивесельных кораблях, взял скифов в плен, причем захватил и брата скифского царя Марсагета, найдя его заключенным в оковы по приказанию брата за какой-то проступок. Скифский царь Скифарб* в гневе написал Дарию дерзкое письмо, ему был дан такой же ответ»². Вслед за этим, по словам Ктесия, Дарий начал поход. Сам набег и последовавший за ним обмен «дерзкими» письмами вполне мог быть использован Дарием как подходящий повод к войне.

В этом набеге-разведке принимали участие небольшие силы персов. Основным типом боевого судна служил пятидесятивесельный корабль, о котором писал Ктесий³. Такие корабли для перевозки десанта были малопригодны. Судить о числе перевезенных на них воинов можно лишь очень приблизительно. Напомним, что через четверть века после похода в Скифию на берег близ Марафона 600 судов персов (среди

---

* Имя этого царя известно только от Ктесия (История Персии, 29, 16—17.—ВДИ, 1947, № 2, с. 299). В. В. Латышев совершенно справедливо полагает, что Ктесий или его переписчики ошиблись, превратив сам титул царя — «скифарх» (предводитель скифов), в имя — Скифарб (ВДИ, 1947, № 2, с. 299). Б. Н. Граков, соглашаясь с мнением В. В. Латышева, называет Скифарба Ктесия Иданфирсом Геродота (Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 15).

них были и транспортные) доставили около 20 000 воинов⁴. Таким образом, каждый корабль мог перевезти не более 30—40 воинов. Тридцать судов Ариарамна вряд ли могли доставить в Скифию больше, чем 1000 воинов. А если учесть, что для подобного набега целесообразнее было бы использовать не пехотинцев, а конников, число воинов будет еще меньшим.

Очевидно, прав Б. А. Рыбаков, полагая, что одной из целей этой акции было стремление взять пленных. «Пленные скифы должны были обогатить персидскую разведку свежими данными»⁵.

Очевидно, данные, полученные разведкой Ариарамна, вполне удовлетворили Дария*. Он начал собирать войско, готовясь к вторжению в Скифию. Во главе огромного войска он прошел через земли своей империи, переправился через Боспор Фракийский, углубился во Фракию и шел к Дунаю, через который уже строился мост.

Что же происходило в Скифии и в ее ближайшем окружении в то время, как персы продвигались к Дунаю?

Весть о подготовке вторжения персов в Скифию** быстро разнеслась по всему Северному Причерноморью, пронеслась по всей Скифии и скоро стала достоянием соседних со Скифией племен. «Скифы, рассудив, что они одни не в состоянии отразить полчища Дария в открытом бою, рассылали вестников к соседним народам. Цари последних и без того собрались на совещание ввиду вторжения огромного войска: в собрании участвовали цари тавров, агафирсов, невров, андрофагов, меланхленов,

* Может быть, в это время в Скифии происходила какая-то междоусобица и заточение в оковы Марсагета можно будет рассматривать как ее проявление.

** «Совещание» царей соседних со скифами племен происходило еще в то время, когда персы продвигались по Фракии. Скифские представители, выступая на нем, говорили, что персы еще «наводят мост через Истр» (Геродот, IV, 118).

гелонов, будинов и савроматов». Скифы обратились к собравшимся с предложением о совместном выступлении против персов, справедливо указав, что «царь персидский столько же идет на нас, сколько и на вас, и, покорив нас, не захочет и вас оставлять в покое». Они подчеркивали захватнический характер похода Дария, напоминая, что «с тех пор, как он вступил на наш материк, он покоряет всех, попадающихся ему на пути»⁶.

Мнения участников «совещания» по поводу вторжения персов разделились. Вместе со скифами выступить против персов твердо обещали только цари гелонов, будинов и савроматов. Лишь в случае вторжения в их земли собирались выступить невры, андрофаги, агафирсы, меланхлены и тавры. Попытка создания «антиперсидской коалиции» с участием всех северопричерноморских народов, таким образом, не увенчалась успехом. Однако для скифов, вероятно, важно было не столько постараться привлечь на свою сторону соседей, сколько выяснить при этом их позицию в будущей войне.

Если перед «совещанием» царей соседних со скифами племен сами скифы не решались выступить в открытом бою против превосходящих сил персов, то они не стали делать этого и заручившись обещанием поддержки лишь только половины его участников. Тем более что обещали выступить на их стороне лишь цари тех народов, чьи земли были мало подвержены угрозе вторжения.

Вслед за «совещанием» состоялся «совет», на котором скифы выработали стратегический план ведения предстоящей войны. В ней должны были принять участие лишь «боеспособные» скифы, а «повозки, в которых жили у них дети и жены, и все стада, за исключением оставленного при себе такого количества, какое необходимо для пропитания — все остальное они отослали вместе с повозками, с приказанием дви-

гаться постоянно на север»⁷. Этим намного увеличивалась мобильность скифского войска. Помимо мужчин-воинов, в состав войска входили, по-видимому, девушки и незамужние женщины. Во всяком случае Геродот среди тех, кого отправили на север, называет только жен и детей. Очевидно, в войне с персами принимало участие все боеспособное население Степной Скифии.

Задача, поставленная перед скифским войском на совещании и совете скифов, была четко сформулирована Геродотом: «...вовсе не давать сражения в открытом поле..., разделившись на два отряда, отступать со своими стадами (основная часть стад, как указывалось выше, была отправлена на север, а здесь, очевидно, идет речь о той их части, которая была оставлена для пропитания войска.— *Е. Ч.*), засыпая попадающиеся на пути колодцы и источники и истребляя на земле травы»⁸. Подобный прием широко применялся в древности. Ксенофонт рассказывает, что во время борьбы Кира с Артасерксом конники последнего, отступая перед войском Кира, «жгли траву и все, что могло оказаться пригодным Киру»⁹. Для уничтожения поджигателей даже собирались выделить отряд конников. Очень красноречивое описание трудностей, которые возникли перед греками незадолго до битвы у Платей (479 г. до н. э.), оставил Геродот. Может быть, используя горький опыт, полученный ими во время скифского похода Дария, персы уделяли очень большое внимание тому, чтобы помешать противнику использовать источники воды. Персидские конники «замутили и засыпали источник Гаргафию, откуда черпало воду все эллинское войско... Черпать же воду из реки было невозможно из-за налетов конницы и обстрела лучников»¹⁰. Вполне естественным будет предположение, что то же самое могли делать и делали скифы.

Однако следует отметить, что сжечь траву в степи (да и то не всю) можно

было лишь во второй половине лета, когда она выгорала под палящим солнцем. Засыпать можно было лишь очень небольшие источники. Сложнее обстояло дело с более крупными водоемами, которые можно было лишь частично отравить, бросив туда трупы павших или убитых животных. А отравить реки, протекавшие в степи, было просто невозможно. Таким образом, скифы могли лишь значительно затруднить снабжение противника водой и фуражом и уничтожить или разогнать птиц и диких животных, на которых могли охотиться персы.

Б. Н. Граков так определил замысел скифов: «Война ведется по единому стратегическому плану,— завлечь врагов поглубже с применением тактики изматывания»¹¹. Е. А. Разин отметил, что «скифы одни из первых применили стратегическое отступление для изменения соотношения сил в свою сторону»¹².

Подчеркивая активную роль скифов в ведении войны, Б. А. Рыбаков с полным основанием писал, что «движение персидских войск по Скифии определялось не замыслами Дария, а стратегическим расчетом скифов, стремившихся заманить персов как можно дальше в глубь своих степей»¹³.

План ведения войны с персами, принятый скифами, является ярким примером стратегии, которую известный английский военный писатель и историк Б. Х. Лиддел Гарт назвал «стратегией непрямых действий». Очень интересно высказанное им положение: «...даже если основной целью войны является решительное сражение (бой), то цель стратегии заключается в том, чтобы осуществить это сражение (бой) в наиболее благоприятных условиях. Но чем более благоприятными будут условия, тем соответственно меньше придется вести боевые действия. Поэтому стратегия будет наиболее совершенной, если она обеспечит достижение цели без серьезных боевых действий... Предположим,

что стратегу предоставлено право добиваться военного решения. Тогда его задачей будет достигнуть своей цели при наиболее благоприятных условиях, чтобы результаты были наилучшими. Следовательно, его действительная цель заключается не столько в том, чтобы искать сражения (боя), сколько в том, чтобы добиться создания выгодной стратегической обстановки. Если эта обстановка сама по себе не приведет к решению, то во всяком случае она должна обеспечить его путем сражения. Иными словами, целью стратегии является нарушение устойчивости противника, результатом этого может оказаться распад армии противника либо будет обеспечен ее разгром в сражении. Для того, чтобы армия противника распалась, могут потребоваться некоторые боевые действия, но они не будут носить характера сражения»¹⁴. Весь последующий ход войны со скифами подтверждает это положение.

Следует, однако, отметить, что план ведения войны был в значительной мере определен численным превосходством персов. В этих условиях принимать открытый бой было, по-видимому, бессмысленно. Поэтому скифы, трезво оценив ситуацию и силы сторон, приняли единственно возможный план ведения войны, план, способный обеспечить конечный успех, и неукоснительно его выполняли. Все их действия до начала непосредственного вторжения Дария в Скифию* и в ходе его марша по Скифии были подчинены главной задаче — измотать противника, поставив его в такие условия, когда преимущество в численности не может быть реализовано в решительной битве. Не давая ему этого сражения, скифы вынуждали врага продвигаться в глубь своей территории, не имея необходимого количества

фуража и продовольствия, испытывая огромные затруднения с обеспечением войска водой. При этом сама многочисленность войска становится злом и задача обеспечения его всем необходимым вырастает до уровня стратегической. Используя большую подвижность и хорошее знание местности, можно было беспокоить противника постоянными нападениями небольших отрядов, что, помимо весьма ощутимого физического, имело и моральное воздействие*, приводившее к безусловному падению морального духа войска противника, вынужденного преследовать невидимого врага, который часто и весьма чувствительно напоминал о себе. Бесспорно, очень сильное воздействие на персов оказывал и «цейтнот», в котором они находились с того момента, когда стало ясно, что дальнейшее продвижение на восток с неразгромленной мощной Скифией в тылу невозможно. Неотвратимо сокращался «контрольный срок», отведенный Дарием на выяснение возможности продолжения похода — 60 дней, в течение которого греки обещали обеспечить существование переправы через Дунай. Реальность завершения успешного похода и разгрома скифов в эти сжатые сроки быстро уменьшалась по мере углубления в Скифию и увеличения расстояния, которое отделяло персов от спасительной переправы через Дунай.

После «совета» произошло разделение сил скифов на два «отряда», как назвал их Геродот (рис. 33)¹⁵. Один, во главе с царем Скопасисом, составляли скифы. Позднее к нему должны были присоединиться савроматы, обещавшие свою помощь. Для подхода савроматов требовалось время. Они могли соединиться со скифами через одну-две недели. Пе-

---

* Попытка создания «антиперсидской коалиции», отправка большинства стад и небоеспособного населения на север.

---

* Следует помнить, что персы вторглись в Скифию после похода через Фракию, проходившего местами с боями (Геродот, IV, 93).

Рис. 33. Скифское войско (реконструкция М. В. Горелика).

ред этим «отрядом» была поставлена, по словам Геродота, следующая задача: «...в случае, если бы персидский царь обратился в их сторону, должны были убежать прямо к реке Танаису вдоль озера Меотиды, а в случае отступления персидского царя — перейти в наступление и преследовать его»¹⁶. Из этого следует, что перед этой частью войска была поставлена стратегическая задача на весь период войны. При этом предусматривались «пассивная» и «активная» стадии кампании, начиная от выполнения роли своеобразного «лоцмана», за которым шли персы, уничтожая при этом в полосе наступления врага растительность и источники воды, вплоть до перехода к преследованию отступающего противника. В ходе войны (о чем речь будет идти ниже) перед этой составной частью войска ставились и другие задачи. Не оговаривалась возможность открытого сражения, время и место проведения которого должны были быть уточнены позднее.

Второй «отряд» состоял из двух частей: «...большая под начальством Иданфирса и третья, подчиненная Таксакису, сойдясь вместе и соединясь с гелонами и будинами, должны были отступить, опережая персов также на день пути, не поддаваться им и вообще действовать согласно принятому плану. Сначала они должны были идти прямо по направлению к тем землям, которые отказывали им в союзе, с целью вовлечь их в войну... поневоле. Затем они должны были вернуться в свою страну и напасть на врагов, если так решено будет на совете»¹⁷.

Если задача, поставленная перед войском Скопасиса, передана Геродотом достаточно четко и ее содержание в общем во многом ясно, то задача, поставленная перед второй частью войска скифов сформулирована им, к сожалению, недостаточно четко. Из этого текста следует, что скифы и союзные им гелоны и будины (которые, как и савроматы, в случае их участия в войне должны

были присоединиться через какой-то промежуток времени, необходимый для сбора войска и марша для соединения со скифами), оторвавшись также на один переход от персов, обязаны были «не поддаваться» персам (очевидно, следует понимать — не принимать боя), идти к землям соседей скифов, отказавшихся от участия в войне (агафирсам, меленхленам, неврам, андрофагам). Однако персы на первом этапе войны продвигались на восток, а земли соседей находились намного севернее их маршрута. Если принять на веру рассказ Геродота о походе через земли соседей, то по направлению к их землям персы отправились вслед за скифами только во второй половине похода, когда те, по словам Геродота, принялись за принудительное вовлечение соседей в «антиперсидскую коалицию». По нашему мнению, скорее всего этот «отряд», представлявший собой главные силы скифов, выполнял, по крайней мере в течение первой половины войны, роль заслона, препятствуя (но не принимая по плану открытого боя) продвижению персов на север, создавая, по-видимому, перед ними полосу опустошенной земли.

Представляет интерес оценка Б. А. Рыбакова состава «отрядов» скифского войска. По его мнению, в войне принимали участие не только кочевые скифы, но и земледельцы: «...земледельческие скифские племена не выделены из общей массы скифов и, по всей вероятности, принимали участие в скифском союзе, так как не упомянуты и среди отказавшихся от войны с персами». Б. А. Рыбаков считает, что возглавивший главные силы скифов Иданфирс «был царем царственных нижнеднепровских скифов, главным охранителем племенных святынь-могил в Герросе». Вторая часть скифов, которая соединилась с гелонами и будинами, находилась под командой Таксакиса. «Возможно, в эту часть входили и другие лесостепные племена, например, бори-

сфениты. Третью часть возглавлял Скопасис. «Судя по включению савроматов, Скопасис, очевидно, был царем приазовских скифов-кочевников, непосредственных соседей савроматов»¹⁸.

На наш взгляд, оснований для такого вывода очень мало. Очевидно, связывать с каким-либо из скифских царей-военачальников те или иные скифские племена не стоит. Насколько сейчас позволяют имеющиеся в распоряжении скифологов источники — материалы раскопок сотен курганов из разных частей Степной Скифии — выделить среди них те или иные племенные группировки невозможно. В целом Степная Скифия в археологическом отношении представляется единой. У нас нет никаких оснований выделить из нее территорию, предпологаемо заселенную земледельческими племенами.

Е. А. Разин разделил войну скифов с персами на два периода. Первый включает время от перехода персов через Дунай, отступление скифов за Дон, возвращение их в Скифию и завершается переговорами с персами, предлагавшими принять бой. Второй период продолжается до бегства персов за Дунай¹⁹.

На наш взгляд, будет вернее разделить весь ход войны не на два, а на три периода, каждый из которых характеризуется изменением темпа и направления продвижения противоборствующих сторон, их остановками и участием в них различных частей скифского войска.

Первый начинается с момента перехода войск Дария через Дунай и их вторжением в Скифию, а завершается приходом в Приазовье. Он характерен отступлением скифов к востоку и преследованием их персами. На протяжении всего этого периода происходили, по-видимому, только мелкие стычки отдельных небольших отрядов. Открытых боев, судя по сообщению Геродота, не было.

Сразу же после «совета», на котором

был выработан план ведения войны с персами, «скифы выступили навстречу войску Дария, выслав вперед самых лучших всадников... Передовой отряд скифов, встретив персов на расстоянии около трех дней пути от Истра, расположился лагерем на день пути впереди, истребляя всю растительность»²⁰. Очевидно, неправ Е. А. Разин, сделав из приведенного выше текста Геродота вывод о нападении скифов на персов²¹. Текст Геродота не дает оснований и для вывода о том, что первое столкновение со скифами произошло в трех днях пути от Дуная, примерно у р. Кагальник, как это сделал Б. А. Рыбаков²².

В действительности авангард скифов, состоящий из «самых лучших всадников», только определил наличие противника и, ожидая подхода остальных сил, занялся истреблением всей растительности на пути продвижения персов.

Из описания Геродота явно следует, что этим авангардом скифов был отряд Скопасиса. Со стороны скифов выступала лишь конница*, начавшая «вести» персов через степи на восток к Дону. О том, что происходило на этом отрезке пути, Геродот ничего не сообщает. Очевидно, в этот период особых столкновений не было, война проходила по выработанному скифами плану и персы двигались по выжженной степи. Так скифы Скопасиса и преследующие их персы пришли в Приазовье.

До этого момента рассказ Геродота о событиях войны персов со скифами звучит вполне правдоподобно (не считая тех немногих моментов, о которых речь шла выше). Дальнейшие события освещены менее реально. Персы, преследуя скифов, перешли Дон, вторглись в земли савроматов, затем вернулись снова в Скифию. Здесь скифы начали «во-

дить» персов по землям своих соседей с целью вовлечения последних в военные действия. Вначале они вторглись в земли будинов (строго говоря, вести туда персов было совсем не обязательно,

Рис. 34. Карта Скифии (по Б. Н. Гракову).

Рис. 35. Карта Скифии (по М. И. Артамонову).

* Весь отряд Скопасиса, очевидно, состоял лишь из конницы. Только в этом случае он мог успешно выполнить задачи, поставленные перед ним.

поскольку будины и гелоны, по словам Геродота, твердо обещали выступить на стороне скифов с самого начала), затем продвинулись к р. Оар, где персы начали строить грандиозные укрепления, оттуда направились к землям меланхленов, андрофагов, невров, подошли к землям агафирсов. Агафирсы воспрепятствовали вторжению и противники от их границ вернулись в Скифию, а персы ушли за Дунай, убедившись в невозможности победить скифов.

Все племена, названные при описании войны с персами, Геродот упоминает и в других местах своего труда. Более или менее подробные описания позволили локализовать их на современной карте Северного Причерноморья. На основе главным образом данных Геродота было составлено более десятка карт этногеографии Скифии. «Каждый археолог-скифолог, разрабатывающий скифскую проблему в целом, создавал карту размещения геродотовых племен. Однако оказалось, что карты крупнейших скифоведов (как показывает опыт составления подобной карты Б. А. Рыбаковым, не только скифоведов.— Е. Ч.) не только не обнаруживают единства, но значительно отличаются друг от друга»²³. В общем на всех картах более или менее единодушно локализуют лишь агафирсов.

Попытаемся наложить маршрут, описанный Геродотом, на несколько карт, составленных Б. Н. Граковым²⁴ (рис. 34), М. И. Артамоновым (рис. 35)²⁵, А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской (рис. 36)²⁶ и недавно опубликованную карту Скифии, составленную Б. А. Рыбаковым²⁷ (рис. 37).

Путь персов, описанный Геродотом, можно условно разделить на девять отрезков: от Дуная до земель савроматов с переходом на Дон; от земель савроматов до земель будинов; от земель будинов до р. Оар; от р. Оар до земель меланхленов; от земель меланхленов до земель андрофагов; от земель андрофа-

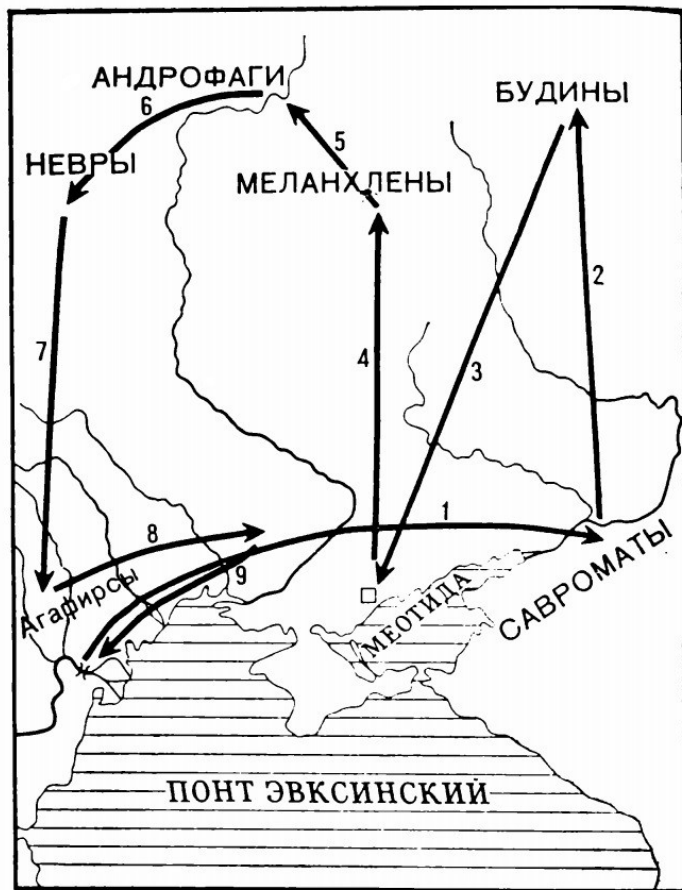

Рис. 36. Карта Скифии (по А. И. Тереножкину и В. А. Ильинской).

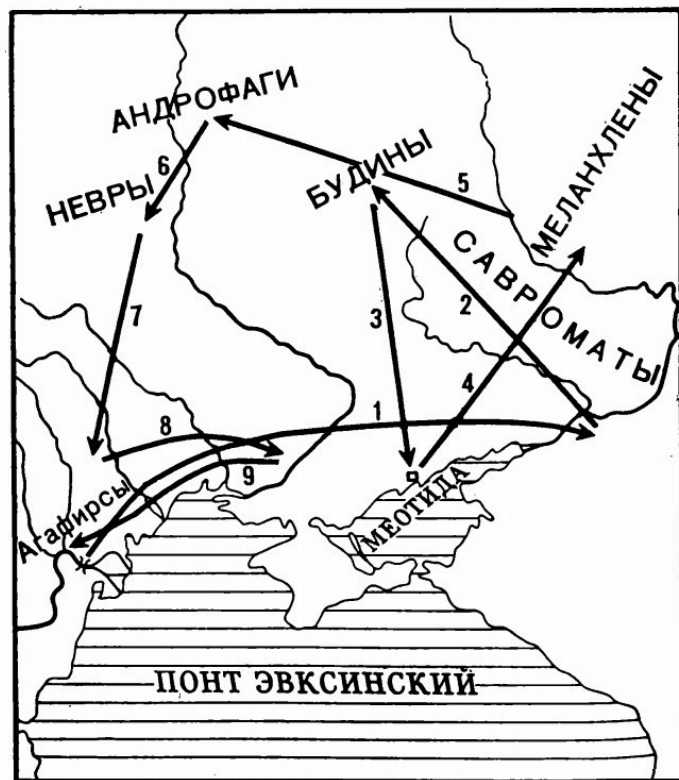

Рис. 37. Карта Скифии (по Б. А. Рыбакову).

гов до земель невров; от земель невров к землям агафирсов; от земель агафирсов — в Скифию; от Скифии — к мосту через Дунай.

Если предположить, что такой маршрут имел место в конце VI в. до н. э., то в настоящее время он может быть восстановлен очень приблизительно и колебание в его общей протяженности будет наверняка отличаться от реального. Следует учитывать и то, что маршрут на карте Северного Причерноморья проведен по прямой, без учета возможных переправ. Размеры отрезков пути, приведенные на картах (см. рис. 34—37) и табл. 4, даны округленно. Но даже и в таком виде расчеты вероятного пути скифов и персов дают определенную возможность для некоторых выводов. На всех картах довольно значительная разница общей протяженности отдельных отрезков маршрута. Наиболее коротким этот путь получится, если его наложить на карту, предложенную М. И. Артамоновым (около 3750 км) и наиболее длинным — на карте А. И. Тереножкина и В. А. Ильинской (5750 км). В табл. 4 приведены

данные о приблизительной протяженности всего похода персов и его отдельных отрезков, вычисленных по картам Скифии, составленным разными авторами.

В данном случае важно отметить, что маршрут, описанный Геродотом, при наложении его на все существующие ныне карты Скифии представляется абсолютно нереальным, поскольку пройти в сроки, отведенные для похода (немногим более 60 дней), даже минимальное расстояние, ненамного превышающее 3,5 тыс. км (карта М. И. Артамонова), совершенно невозможно. Если же предположить, что р. Оар (более подробно о локализации рек, названия которых сообщает Геродот, см. ниже) находится в Приазовье, а не на северо-востоке, путь уменьшается лишь на 700—800 км.

Причины, по которым Геродот включил в описание хода войны с персами земли, расположенные довольно далеко от тех мест, где проходил поход, неясны. Может быть, этим он хотел показать реальность своей этногеографической версии.

Таблица 4

Маршрут похода персов	Составитель карты (расстояние, км)			
	М. И. Артамонов	Б. Н. Граков	А. И. Тереножкин В. А. Ильинская	Б. А. Рыбаков
1* Дунай — савроматы	1000	1000	1000	1000
Савроматы — будины	400	400	800	450
Будины — р. Оар	300	450	1000	350
р. Оар — меланхлены	300	200	450	400
Меланхлены — андрофаги	300	500	250	550
Андрофаги — невры	50	300	450	400
Невры — агафирсы	200	150	700	200
Агафирсы — Скифия	350	350	350	300
Скифия — Дунай	450	450	450	450
Всего	3750	3800	5750	4050

* Цифры соответствуют отдельным участкам маршрута на картах.

Конечно, за те десятилетия, которые прошли со времени скифо-персидской войны, сам поход персов и героические события, связанные с его отражением, могли обрасти (и обросли) многими легендарными и полуполулегендарными подробностями. Однако, вряд ли они были столь значительны, чтобы в корне исказили действительный ход событий.

Вернемся к описанию хода войны, исключив из него (как не соответствующий действительности) эпизод с походом

персов в земли савроматов и на север от Степной Скифии.

У Ктесия есть очень интересное упоминание о событии, которое произошло на пятнадцатый день после того, как персы перешли Дунай. «Дарий переправился в Скифию, пройдя на 15 дней пути. Они (персы и скифы.— Е. Ч.) послали друг другу луки; скифский лук оказался крепче. Поэтому Дарий обратился в бегство»²⁸. Из текста следует, что Ктесий определил время похода к конечному пункту проникновения пер-

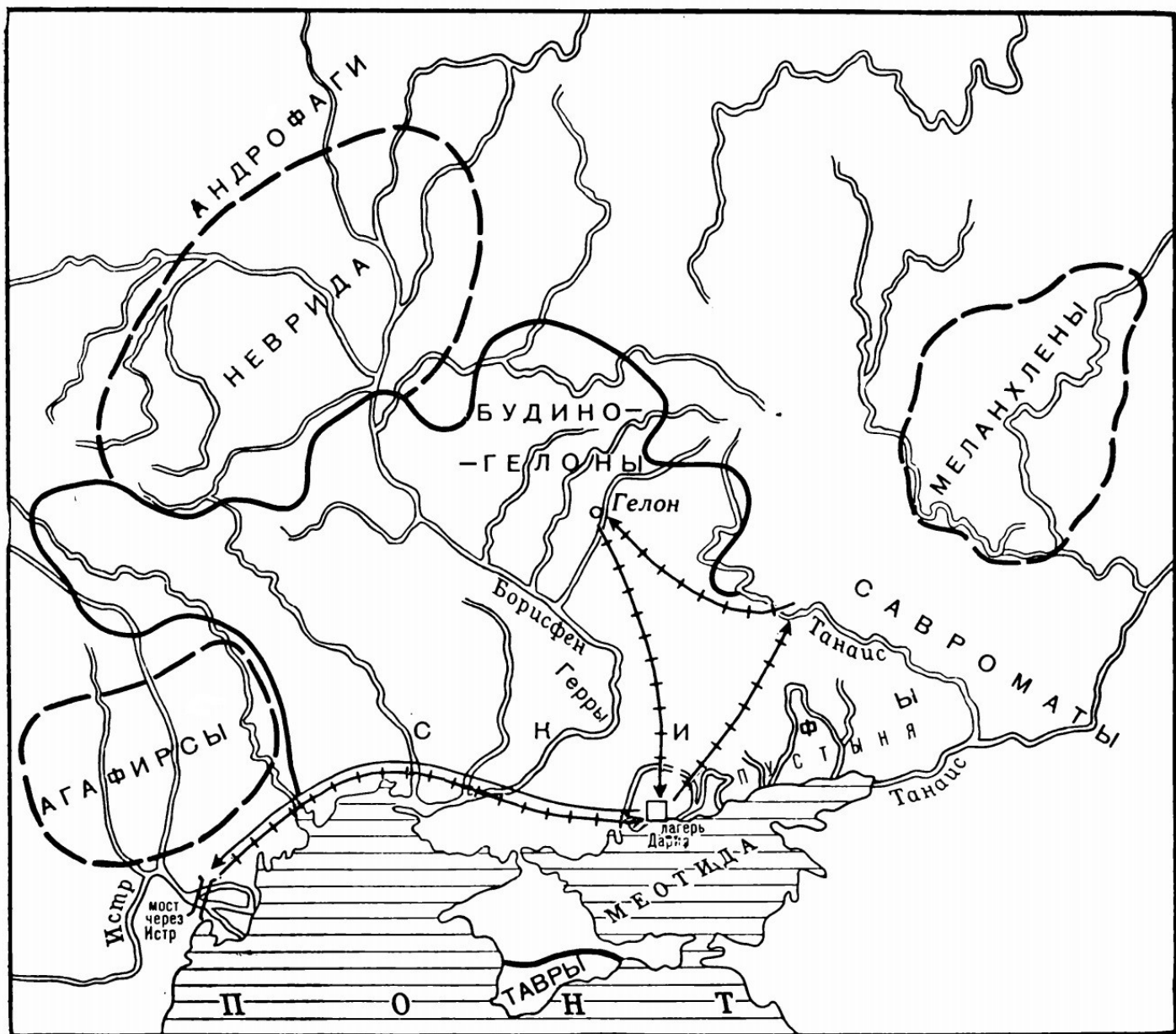

Рис. 38. Поход Дария в Скифию (по Б. А. Рыбакову).

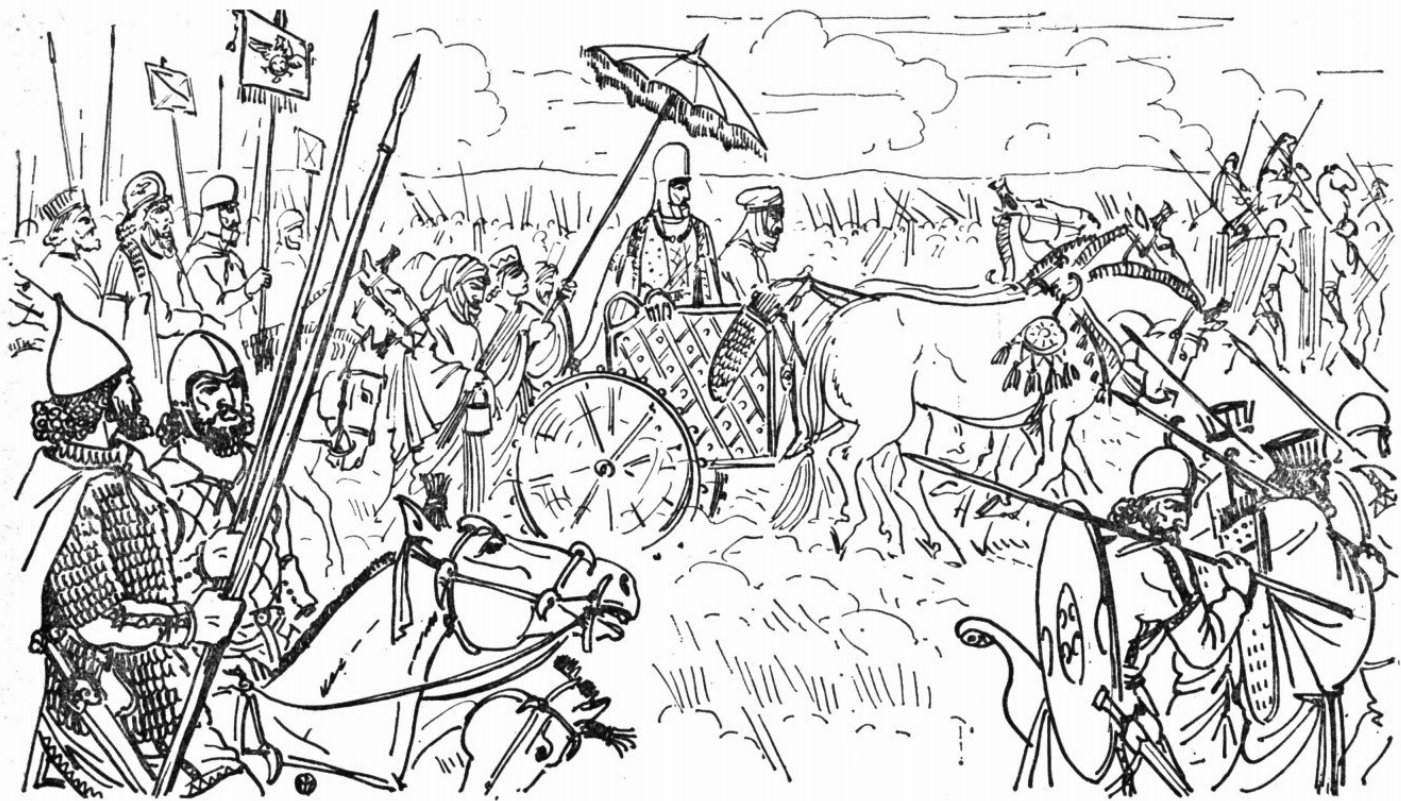

Рис. 39. Персидское войско на марше (реконструкция М. В. Горелика).

сов в глубины Скифии в 15 дней. Учитывая, что столько же или чуть меньше (вспомним слова Ктесия, что «Дарий обратился в бегство») понадобилось и на путь к Дунаю, весь срок похода, согласно Ктесию, будет вдвое меньше срока, о котором писал Геродот.

Б. А. Рыбаков, по-видимому, прав, считая, что за 15 дней персы могли дойти до Борисфена — Днепра²⁹. Вряд ли стоит связывать именно с этим местом переговоры, о которых писал Геродот. Далее Б. А. Рыбаков пишет, что от этого места «до скопления скифских царских курганов в Днепровской Луке (Геррос*) было 3—4 дня пути». Отту-

* Вопрос о локализации Герроса времени Геродота еще не выяснен. По-видимому, нет никаких оснований согласиться с мнением Б. А. Рыбакова. Этот район Скифии исследован достаточно хорошо. Курганов, относящихся ко времени Геродота, и тем более к периоду войны с персами, там очень немного. Ни один из них не может быть отнесен к разряду «царских». «Царские» курганы, исследованные на этой территории, относятся только к IV в. до н. э.

да было «ближе всего к священным курганам, чем и объясняется поддразнивание Иданфирса. Но между курганами и персами находилась вся конница царских скифов»³⁰.

С таким объяснением сложившейся ситуации согласиться нельзя по нескольким причинам: даже если переговоры, о которых писал Геродот, и происходили, то вряд ли Иданфирс, находясь в непосредственной близости (3—4 перехода) от скифских святынь стал бы «поддразнивать» персов невозможностью их обнаружения. Кроме того, в этих местах отсутствуют скопления скифских курганов, относящихся ко времени, предшествующему походу.

Б. А. Рыбаков обосновывает свое мнение тем, что описываемые события происходили еще до прихода в Приазовье: «Иначе слишком нелогично звучит обращение к врагу: «Остановись!» — в устах полководца, уже остановившего движение своих собственных сил»³¹. Из

текста же Геродота нельзя сделать вывод о том, что персы сделали остановку. Но даже если это было и так, то сам Дарий (согласно Б. А. Рыбакову) остановил продвижение не всего войска, а только пехоты. Конница уходила в рейд в земли гелоно-будинов (рис. 38).

В погоне за скифами персы пришли к р. Оар (рис. 39). По-видимому, она находилась в Северном Приазовье³², как считает Б. А. Рыбаков, где-то западнее нынешнего Бердянска, примерно у р. Корсак. По его мнению, это и была крайняя восточная точка продвижения сил Дария. Здесь завершается первый период войны.

До сих пор все шло по намеченному скифами плану. Прошла, очевидно, треть времени, отведенного персами, на поход*, а войско скифов так и не было разгромлено.

¹ Граков Б. Н. Каменское городище..., с. 15.

² Ктесий Книдский. История Персии, 29, 16—17.—ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

³ Эллинистическая техника.—М.; Л., 1948, с. 326.

⁴ Геродот, VI, 95 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 300.

⁵ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 171.

⁶ Геродот, IV, 102.—ВДИ, 1947, № 2, с. 277, 281.

⁷ Геродот, IV, 121.—Там же, с. 287.

⁸ Геродот, IV, 20.—Там же, с. 281.

⁹ Ксенофонт. Анабасис, I, VI, 1—2, с. 25.

¹⁰ Геродот, IX, 49 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 432.

¹¹ Граков Б. Н. Каменское городище на Днепре, с. 15.

¹² Разин Е. А. Указ. соч., с. 80—81.

* Б. А. Рыбаков полагает, что прошел 21 день с тех пор, как персы перешли через Дунай (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 177).

¹³ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 175.

¹⁴ Лидделл Гарт Б. Х. Стратегия непрямых действий.—М., 1957, с. 466—468.

¹⁵ Геродот, IV, 120.—ВДИ, 1947, № 2, с. 281.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Геродот, IV, 120—121.—Там же, с. 281—282.

¹⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 175.

¹⁹ Разин Е. А. Указ. соч., с. 79.

²⁰ Геродот, IV, 121.—ВДИ, 1947, № 2, с. 282.

²¹ Разин Е. А. Указ. соч., с. 79.

²² Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 176.

²³ Там же, с. 12.

²⁴ Граков Б. Н. Скифы, карта на с. 14.

²⁵ Артамонов М. И. Этногеография Скифии, с. 170.

²⁶ Археология Української РСР, т. 2, карта 3.

²⁷ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, карта на с. 191.

²⁸ Ктесий, 16.—ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

²⁹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 176.

³⁰ Там же, с. 177.

³¹ Там же.

³² Реку Оар В. В. Латышев связывал с Волгой (ВДИ, 1947, № 2, с. 282, прим. 2). Скорее всего, это не так. Сам Геродот очень определенно называл Оар среди трех других рек, впадающих в Меотиду — Лик, Танаис, Сиргис. Ее называет Птоломей, связывая тоже с Меотидой (Птоломей. Географическое руководство, III, 5, 4.—ВДИ, 1948, № 2, с. 234). Ю. Кулаковский отождествлял Лик с Кальмиусом (Карта Европейской Сарматии по Птоломее.—Киев, 1899, с. 19). Отождествление Танаиса с Доном общепризнано. По мнению В. В. Латышева, Сиргис — это Иргис, отождествляемый с Донцом (ВДИ, 1947, № 2, с. 282). С Донцом связывает Сиргис и Б. Н. Граков (Граков Б. Н. Скифы. М., 1971, с. 14—16). Об Иргисе, который впадает в Танаис, говорит и Геродот (IV, 57). Очевидно, и Оар-река — одна из впадающих в Азовское море (Граков Б. Н. Скифы, с. 16). Б. А. Рыбаков, судя по карте, помещенной в его статье, Танаисом называет Донец, а Гиргисом (Иргисом, или Сиргисом) — Дон (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 54, 62).

VI. РЕЙД В ЗЕМЛИ БУДИНО-ГЕЛОНОВ

*...В пыли похода все богатства, что собрал
Дарий с помощью бессмертных, обратятся
сами в пыль*

Эсхил. Персы

По мнению Б. А. Рыбакова, в Приазовье Дарий разделил свое войско на две части. Основная часть во главе с самим Дарием осталась здесь и начала строить мощные земляные укрепления, а более мобильные части отправились за Танаис в погоню за скифами и в земли будино-гелонов. До р. Оар, исходя из расчетов протяженности дневного перехода по Б. А. Рыбакову, персы шли 20 дней. Тем же сроком он определяет длительность пребывания в Приазовье самого Дария и рейда конной части его войска на восток и север. Если с первым расчетом и можно согласиться (за 20 дней можно было прийти в этот район от Дуная), то для второго у нас нет оснований. Текст Геродота не дает никаких подтверждений. Вряд ли могут быть достаточным основанием слова Геродота о том, что «пока Дарий занимался этим (строительством укреплений.— *Е. Ч.*), преследуемые скифы, обойдя кругом по землям, лежащим выше, вернулись в Скифию»¹.

Однако Б. А. Рыбаков полагает, что в то время, как Дарий с основными силами в течении 20 дней был занят строительством мощных укреплений, его конница («конные корпуса», по Б. А. Рыбакову²) была отправлена в погоню за скифами сначала за Танаис, а затем и на север, в земли гелоно-будинов. Он же предложил следующий график движения конницы, освобожденной от обоза, ослов, мулов, пехоты, свиты царя:

«Персы преследовали скифов за Танаис	— 7 дней пути;
персы прошли по земле савроматов	— 3 дня пути;
персы разорили деревянное укрепление «будинов» и возвратились к Дарию	— 8—9 дней
Итого	— 18—19 дней» ³ .

Для расчета продвижения «конных корпусов» персов Б. А. Рыбаков вполне резонно предлагает использовать иной темп дневного перехода: не 30, а 45—

50 км. Для осторожности он принимает меньшую величину — 45 км в день, что составляет 6—7 часов езды рысью⁴. Направление движения определяет в сторону Танаиса — Северского Донца — к современным городам Краматорск и Славянск. Туда персидская конница, по мнению Б. А. Рыбакова, могла дойти за 7 дней.

На карте похода Дария, помещенной в книге Б. А. Рыбакова (см. рис. 38), показано, что скифы и следующие за ними персы только перешли Северский Донец (по Б. А. Рыбакову — Танаис) и, не углубляясь в территорию савроматов, снова переправились на правый берег, чтобы продвигаться в земли гелоно-будинов⁵. Это находится в явном противоречии с Геродотом, который пишет: «Когда скифы перешли реку Танаис, персы тоже перешли ее вслед за ними и продолжали преследование, пока не достигли владений будинов, пройдя землю савроматов»⁶. Далее Геродот подчеркивает, что персы прошли через Савроматию⁷.

Таким образом, в случае достоверности сообщения Геродота о переходе персов за Танаис и прохождении ими через Савроматию, нарушается график продвижения персидской конницы, предложенный Б. А. Рыбаковым. Чтобы пройти через земли савроматов и вернуться обратно на правый берег Танаиса (Северского Донца), потребовалось бы, по самым минимальным подсчетам, не менее 10 дней, а не 3, как предполагает Б. А. Рыбаков⁸.

В какой-то мере этот перерасход времени, если следовать срокам, отведенным Б. А. Рыбаковым на марш персидской конницы, можно было бы несколько компенсировать, сократив время похода в глубины земель гелоно-будинов и возвращения обратно с 8—9 дней до 5. Для этого есть данные в тексте Геродота⁹. Но даже в этом случае поход конницы никак не уложится в сроки,

отведенные Б. А. Рыбаковым — 18—19 дней.

С походом в земли гелоно-будинов связано еще одно интересное сообщение Геродота, где говорится, что когда персы «вторглись в землю будинов, то встретили здесь на своем пути деревянное укрепление, покинутое будинами и совершенно ими очищенное, и сожгли его»¹⁰. В связи с этим Б. А. Рыбаков приводит свидетельство Геродота о городе Гелоне: «В их (будинов.— *Е. Ч.*) земле есть деревянный город по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся построена из дерева; дома их и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов, по-эллиниски снабженные кумирами, жертвенниками и деревянными храмами»¹¹.

Б. А. Рыбаков совершенно справедливо отмечает, что Геродот не упоминает в рассказе о войне скифов и персов город Гелон, а просто говорит о сожжении персами покинутого деревянного укрепления, «под которым можно подразумевать любое городище, из того ступка городищ, которые так хорошо известны нам на Харьковщине»¹². При этом Б. А. Рыбаков ссылается на карту памятников скифского времени, составленную А. И. Тереножкиным и В. А. Ильинской. Крайними с юго-востока, откуда могли подойти скифы и преследовавшие их персы, являются городища у сел Городище, Водяное, Яковлевка и Люботин¹³. По прямой до этих городищ от района Краматорск — Славянск, где противники переправились через Северский Донец, не менее 150 км (300 км в оба конца). Для того, чтобы пройти это расстояние, коннице персов, по расчетам Б. А. Рыбакова (45—50 км в день), надо было не менее 6 дней.

Что представляли собой эти городища? Городище у с. Яковлевка Харьковского р-на Харьковской обл.— не-

большое (площадью 1,14 га). Общая протяженность валов около 375, высота вала 3 м. «Каков характер культурных отложений, неизвестно... отнесение городища... к скифскому времени обусловлено, по-видимому, планировкой поселения, размерами и географическим местоположением»¹⁴.

Городище у пос. Водяное Готвальдского р-на Харьковской обл. площадью 2,5 га — двуслойное. На нем выявлены слои скифского и роменского времен. Б. А. Шрамко отмечает, что это оно выполняло функции убежища. Система обороны его несовершенна. В скифское время не имело предградья, оно возникло только в роменское время¹⁵.

Городище у с. Городище (Куколевское) Валковского р-на Харьковской обл. — одно из самых больших городищ скифского времени на территории Харьковщины. Поселение состоит из центрального укрепления и двух предградий общей площадью около 30 га, высота валов от 6,5 до 9 м¹⁶.

Городище у г. Люботин Харьковского р-на Харьковской обл. площадью около 43 га (валы сохранились на высоте 3—4 м) возникло в конце VII в. до н. э.¹⁷ Раскопки 1961 г. выявили усиленную подсыпкой из песка и глины крепостную деревянную стену¹⁸.

Из четырех названных городищ два очень незначительны по величине (Водяное и Яковлевка) и конечно их разгром персами не был столь значительным событием, чтобы о нем мог писать Геродот. Пожалуй, ими могли быть большие городища у с. Городище и г. Люботин.

Очевидно, эти городища были не столь значительны, чтобы именно они были отмечены в рассказе о походе. Другое дело, если Геродот имел в виду крупнейшее городище Восточной Европы раннего железного века Бельское, которое Б. А. Шрамко с определенным основанием связывает с Гелоном Геродота¹⁹. Городище общей площадью

4020,6 га, с мощными и очень совершенными оборонительными сооружениями общей длиной 38 833 м²⁰ не могло не привлечь внимания Геродота. Уже ко времени похода персов оно имело совершенную систему фортификации, было крупным хозяйственным и, очевидно, политическим центром большой округи. На его территории заметны следы пожара, относящегося к концу VI в. до н. э. Б. А. Шрамко полагает, что «следует связывать с событиями времени войны скифов с Дарием»²¹. Хотя в работе, написанной позднее, он уже и не связывает пожар с событиями войны²².

Б. А. Рыбаков считает, что «отрицать возможность сожжения Гелона персами не можем»²³. С равным, а может быть, и с большим основанием можно сказать, что и утверждать это тоже нельзя. Он же полагает, что в случае верности факта сожжения Гелона персами район Бельска и будет крайней северной точкой проникновения персов. На основании того, что Бельское городище Гелон находится в 100 км от района пограничных городищ гелоно-будинов (Водяное, Люботинское и др.), марш персидской конницы следует увеличить на 4 дня. Делая по 45—50 км в день, надо было пройти дополнительно к Бельску 100 км и столько же обратно. При этом увеличивается и срок рейда конницы в земли гелоно-будинов с 18 до 22 дней²⁴.

С этим нельзя согласиться, поскольку доказать связь пожара Гелона с персами нельзя. Скорее, пожары на городище можно связывать с событиями, последовавшими за изгнанием персов²⁵. Ссылка на то, что гелоно-будины были союзниками скифов, также не убеждает. Тут у Геродота есть явное противоречие. Несмотря на то, что, по его словам, гелоно-будины были союзниками скифов, он рассказывает о том, как скифы «вели» персов в их земли, а ведь это делалось только с землями тех

племен, которые отказались выступить на стороне скифов.

Вызывает возражение и тезис Б. А. Рыбакова о том, что рейд конницы персов длился 18—22 дня. Это было просто невозможно. Пройти расстояние около 1 тыс. км, делая в день по 45—50 км без дневок, нельзя. Таких рейдов не знает история войн. Тем более что продвигаться надо было по враждебной территории, штурмуя многие городища, «сгусток» которых, по очень удачному выражению Б. А. Рыбакова, находился в этих местах. Очевидно, не все они были «покинуты» и «совершенно очищены» жителями, как безымянное деревянное укрепление, о котором писал Геродот.

И, наконец, еще одно немаловажное обстоятельство. Само разделение войска на части в столь ответственный момент весьма сомнительно. Тем более нереально выглядит выделение «конных корпусов» для рейда в земли савроматов и в глубины Скифии. Персидская конница без поддержки пехоты ни в коей мере не могла противостоять скифской мощной кавалерии. Об этом достаточно определенно пишет сам Геродот: «Скифская конница всегда (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) обращала в бегство персидскую: всадники персидские, спасаясь бегством, настигали пехоту, которая подкрепляла их»²⁶.

Итак, на р. Оар Дарий со всем своим войском «приостановил свое наступательное движение». Здесь он «начал строить восемь больших стен на одинаковом расстоянии одну от другой, приблизительно стадий на 60»²⁷. Неясно, какой вид имело это укрепление. Указание на восемь стен, отдаленных одна от другой на 60 стадий (около 11 км) *,

* Очевидно, и здесь мы сталкиваемся с общей тенденцией непомерно увеличивать реальные числа, как это имело место при определении численности войск и флота персов. По-видимому, укрепления эти были скромнее, чем об этом пишет Геродот.

может лишь затруднить понимание общего характера подобного укрепления, поскольку укрепление, имеющее между стенами столь большой ничем не защищенный разрыв, совершенно бесполезно. Описание Дария, о котором говорит Геродот, может в какой-то мере подойти лишь к простейшему комплексу укреплений, находящихся на высоком обрывистом берегу моря, разрезанному широкими оврагами или балками. В этом случае валы находились лишь с напольной стороны, а с остальных укреплений защищали крутые склоны балок или оврагов. Такая местность, весьма удобная для строительства подобных укреплений, есть на северном побережье Азовского моря*, где, по мнению Б. А. Рыбакова, и находилась р. Оар. Расположение лагеря с огромным войском на берегу моря было вполне оправдано — сюда в случае необходимости, мог подойти флот**. Только такие простейшие укрепления можно было возвести в те очень ограниченные сроки, какие были у персов. В этом укреплении в случае возможного дальнейшего продвижения на восток можно было оставить часть войска, как это и было сделано во Фракии. Имеется в виду упоминавшееся выше «царское укрепление» Дориск.

Но строительство этого комплекса укреплений не было окончено. Из не совсем ясного описания Геродота можно

* Б. А. Рыбаков отмечает наличие обрывистых круч на левом берегу р. Домузглы, где, по его предположению, находился город Кремны, о котором писал Геродот (IV, 110). «Кремны» и переводятся как «кручи» (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 58).

** Неясно, почему лагерь строился неподалеку от города Кремны (Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 178), а не включал в свою систему этот город, куда, по расчетам Б. А. Рыбакова, за четверо суток мог подойти от Дуная флот (Там же). Следует учесть и то, что между лагерем в том месте, где его поместил Б. А. Рыбаков (карта на с. 173) и Кремнами (карта на с. 51) находились небольшие речки Домузгла, Корсак и Лозоватка.

сделать вывод, что войско Скопасиса, которое все время находилось перед персами, оторвалось от противника и пошло на соединение с основными силами. Очевидно, только здесь, в лагере на р. Оар, Дарий решил отказаться от похода на восток и начать более активные действия с целью заставить скифов принять решающее сражение. Но для этого надо было сначала найти основные силы скифов, затерявшихся в степях. Поэтому персы прекратили строительство наполовину готового укрепления. «Идя с войском чрезвычайно быстро, Дарий прибыл в Скифию и здесь встретил обе другие части скифов (очевидно, Геродот имеет в виду объединенное войско скифское.— *Е. Ч.*); встретившись, он погнался за ними, а они все шли на один день пути впереди... и Дарий шел за ними неотступно»²⁸. Далее следует рассказ Геродота о марше скифов и преследующих их персов по землям мелапхленов, андрофагов, невров и к землям агафирсов²⁹. О нереальности такого пути говорилось выше.

«...Это скитание (погоня персов за ускользящими скифами.— *Е. Ч.*) тянулось долго и ему не предвиделось конца»³⁰. Неумолимо приближался контрольный срок возвращения к мосту, определенный Дарием, а решительного сражения все еще не было. В этот момент Дарий обратился к Иданфирсу с предложением принять бой*, если скифы считают себя достаточно сильными для этого, или вступить в переговоры

* Б. А. Рыбаков полагает, что это событие произошло раньше — еще на берегах Днепра, в 15 днях похода от Истра (Геродотова Скифия, с. 176). Основанием для этого послужило упоминание Ктесия Книдского об обмене луками между персами и скифами: «скифский лук оказался крепче» (ВДИ, 1947, № 2, с. 299). Очевидно, это не так. Если эпизод, о котором пишет Ктесий, и имел место, то его вряд ли стоит связывать с переговорами персов с Иданфирсом, о которых столь красочно пишет Геродот.

с ним о подчинении, если они не решаются принять бой. Ответ Иданфирса содержал недвусмысленную издевку: «...И прежде никогда не убегал из страха ни от кого из людей, и теперь не бегу от тебя: ныне я не сделаю ничего нового сравнительно с тем, что обыкновенно делают в мирное время; а почему я не тороплюсь сражаться с тобой, я и это тебе объясню: у нас нет ни городов, ни заселенной земли, из-за которых мы поспешили бы драться с вами из боязни, чтобы они не были взяты и опустошены. Если нужно во что бы то ни стало (очень четкое определение ситуации, в которой оказались персы.— *Е. Ч.*) ускорить бой, то у нас есть могилы предков: вот попробуйте разыскать их и разорить...— раньше мы не сразимся, если нам не заблагорассудится». Завершался ответ откровенной угрозой: «...За то, что ты назвал себя моим владыкой, ты мне поплатишься»³¹.

Этот ответ был дан посланникам Дария на совете, где «скифские цари (Иданфирс, Таксакис и, вероятно, Скопасис.— *Е. Ч.*), услышав слово «рабство» (этого слова в предложении Дария не было, он лишь назвал себя «владыкой» по отношению к скифам.— *Е. Ч.*), пришли в негодование и послали часть, соединенную с савроматами и находившуюся под начальством Скопасиса, для переговоров с теми ионийцами, которые сторожили мост на Истре»³².

Скифы под командованием Скопасиса (по-видимому, это была самая мобильная часть войска и именно она совершала далекие марши, отрываясь от преследования) подошли к мосту (рис. 40), когда срок, отведенный Дарием на завершение похода еще не прошел. Они предложили ионийцам, охранявшим мост, подождать положенное число дней и после этого отправляться на родину, разведя мост. Получив твердое обещание выполнить это по истечении обещанного срока, скифы поспешили на

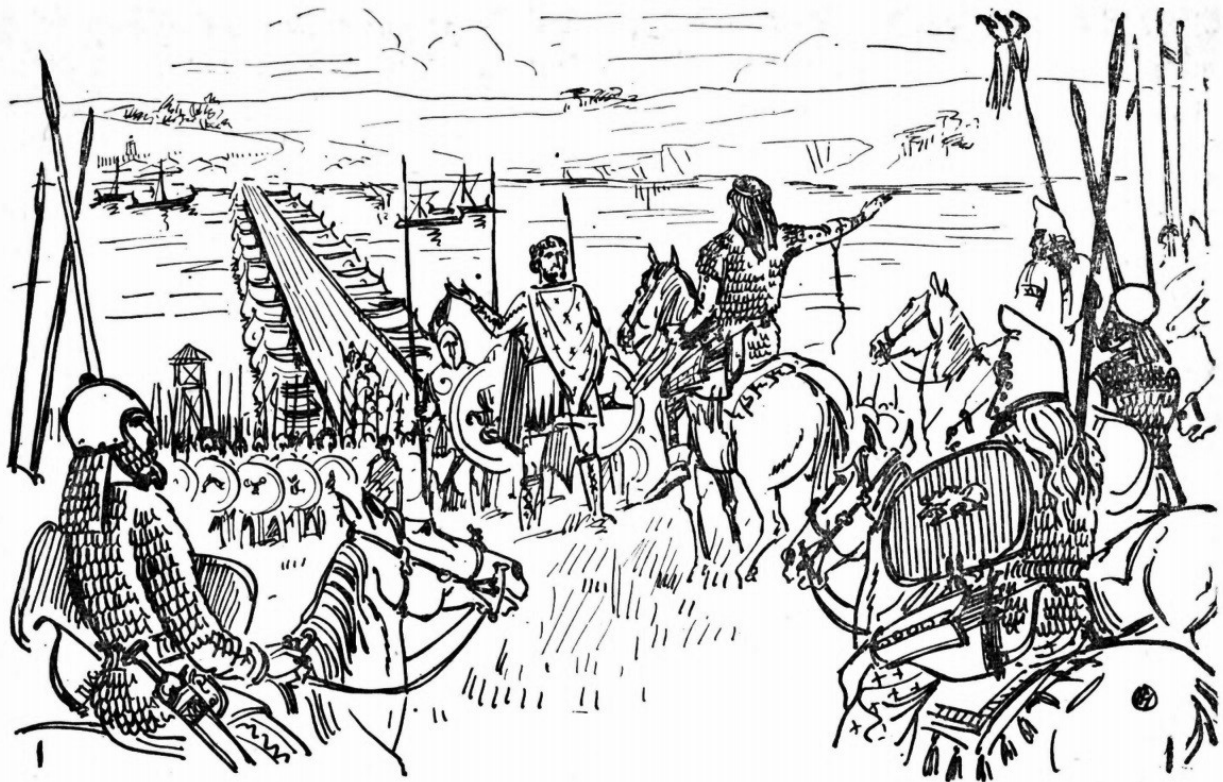

Рис. 40. Переговоры скифов и греков у моста (реконструкция М. В. Горелика).

соединение с главными силами³³. Из этого эпизода следует, что охрана моста была достаточно сильна*, и что скифы не сочли возможным вступить с ней в открытый бой. Кроме того, из факта, что скифы не предложили грекам развести мост сразу, а выждать обещанное число дней, следует, что они видели нереальность срока, отведенного Дарием для возвращения к мосту. За оставшееся время они, очевидно, рассчитывали уничтожить персов.

Назревали решающие события, война вступала в решающую фазу и соединение этой части войска с остальными основными силами скифов было необходимо.

Поход отряда Скопасиса к мосту, конечно, преследовал цель не только сделать предложение грекам о снятии моста, поскольку для выполнения этого задания вполне можно было ограничиться

* Напомним, что именно охрану места и поручал им Дарий.

лишь небольшой группой посланцев. Эту акцию вернее будет рассматривать как демонстрацию, показывавшую, сколь велики силы всей скифской армии, если ее командование считает возможным выделить столь значительную часть для выполнения частной задачи.

¹ Геродот, IV, 124.— ВДИ, 1947, № 2, с. 282.

² Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 174.

³ Там же, с. 179.

⁴ Там же, с. 178.

⁵ Там же, с. 179, карта на с. 173.

⁶ Геродот, IV, 122.— ВДИ, 1947, № 2, с. 182.

⁷ Там же.

⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 179.

⁹ Геродот, IV, 122—123.— ВДИ, 1947, № 2, 281—282.

¹⁰ Геродот, IV, 123.— Там же.

¹¹ Геродот, IV, 108.— Там же, с. 278.

¹² Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 179—180.

¹³ Археологія Української РСР, т. 2, карта 3.

¹⁴ Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа.— МИА, 1961, № 104, с. 144—145.

¹⁵ Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Справочник по археологии Украины. Харьковская область.— Киев, 1977, с. 73; Шрамко Б. А. Древности Северского Донца.— Харьков, 1962, с. 188—189.

¹⁶ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 68; Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Указ. соч., с. 58—59.

¹⁷ Ляпушкин И. И. Указ. соч., с. 143—144; Шрамко Б. А., Михеев В. К., Грубник-Буйнова Л. П. Указ. соч., с. 128.

¹⁸ Шрамко Б. А. Древности Северского Донца, с. 188.

¹⁹ См.: Шрамко Б. А. Восточное укрепление Бельского городища.— В кн.: Скифские древности. Киев, 1973; Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок Бельского городища и геллоно-будинская проблема.— СА, 1975, № 1; Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи у с. Бельск — город Гелон.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975.

²⁰ Шрамко Б. А. Некоторые итоги раскопок..., с. 66.

²¹ Там же, с. 67.

²² Шрамко Б. А. Крепость скифской эпохи..., с. 116.

²³ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия. с. 180.

²⁴ Там же, с. 179—180.

²⁵ По-видимому, так трактует этот вопрос Б. А. Шрамко (Шрамко Б. А. Древности Северского Донца, с. 192).

²⁶ Геродот, IV, 128.— ВДИ, 1947, № 2, с. 283.

²⁷ Там же, с. 282.

²⁸ Геродот, IV, 125.— Там же.

²⁹ Там же, с. 282—283.

³⁰ Там же, с. 283.

³¹ Там же.

³² Там же.

³³ Там же, с. 284.

VII. БЕГСТВО ДАРИЯ

*Царь — и тот, нам говорят,
Чудом спасся и бежал
По фракийским, полевым,
Стужей скованым дорогам*

Эсхил. Персы

С момента совета скифских царей, на котором было выслушано предложение Дария и принято решение об отправлении войск Скопасиса к мосту, начинается третий — завершающий период войны. Он характеризуется значительно увеличившейся активностью скифов, к которым, по-видимому, полностью перешла стратегическая инициатива. На совете, как это видно из дальнейших событий, было принято твердое решение об активизации войны и переходе к более решительным боевым действиям. Если до этого главной задачей скифов было в общем-то пассивное изматывание сил противника, гонявшегося за постоянно ускользающими от боя скифами и вынужденного продвигаться по опустошенной земле, то задача, поставленная перед войсками, которыми командовали Иданфирс и Токсакис и к которым присоединился Скопасис после возвращения от моста, где он вел переговоры с греками, была сформулирована так: «...не водить больше персов, а нападать на них всякий раз, как они будут заняты добыванием провианта».

Этот план сразу же начал действовать. «...Подстерегая, когда воины Дария выходили за провиантом, они поступали согласно решению». На поиски крайне необходимого провианта и фуража персы, по-видимому, выслали значительные обозы под прикрытием конницы. Геродот подтверждает, что к этому моменту начинаются столкновения. «Скифская конница всегда обращала в бегство персидскую; всадники персидские, спасаясь бегством, достигали пехоту, которая и подкрепляла их, а скифы, прогнав конницу, поворачивали назад (бой с основной массой персов, по-видимому, еще не входил в планы скифов, которым не «заблагорассудилось» дать решающее сражение.— *Е. Ч.*) из боязни пехоты; подобные нападения скифы совершали и по ночам»¹ (рис. 41).

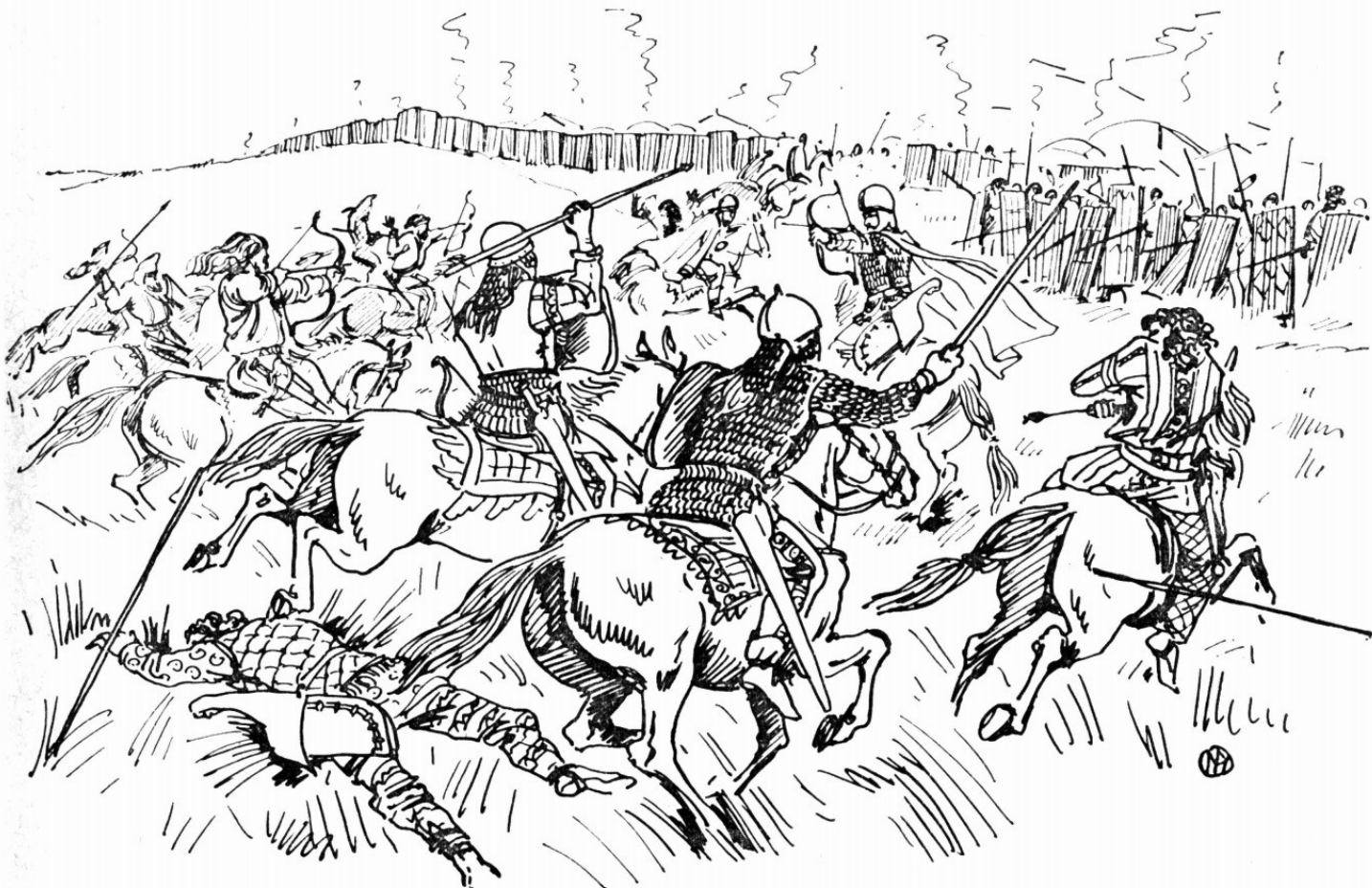

Рис. 41. Атака скифской конницы (реконструкция М. В. Горелика).

Последнее замечание весьма любопытно. Очевидно, по ночам происходили нападения не на конницу, оставившую лагерь в поисках продовольствия. Вряд ли конница отходила от главных сил на расстояние, большее, чем то, которое позволяло ей быстро соединиться с ними. Ночевки конницы вне лагеря вполне могли привести к ее полному уничтожению в условиях значительного отрыва от главных сил. Скорее всего, ночные нападения скифы совершали на сам лагерь.

В этой связи большой интерес представляет сообщение Ксенофонта о том, «что ночью персидское войско становится непригодным (к бою). Ведь своих коней персы привязывают, а, кроме того, ноги у коней по большей части стреножены, чтобы они не убежали, оторвавшись. Поэтому при тревоге персу не-

обходимо оседлать лошадь, надеть на нее уздечку и, облекшись в панцирь, сесть на коня. Все это трудно выполнимо ночью во время тревоги»². Если ночью становилось «непригодным» к бою даже сравнительно небольшое войско персов, о котором пишет Ксенофонт, то нетрудно представить, какая паника поднималась в спящем огромном лагере Дария во время внезапных ночных нападений скифов.

Полуанекдотично звучит рассказ Геродота о том, как ослы и мулы персов «помогали» персам и «препятствовали» скифам. Крики ослов, которые, по словам Геродота, не водились в Скифии³, «приводили в смятение скифскую конницу: часто во время нападения на персов скифские лошади, чуть слышат ослиный рев, в испуге оборачивались и выказывали беспокойство... Впрочем,

это обстоятельство мало помогало персам на войне»⁴.

Любопытно, что только в этом месте из всего повествования о походе персов в Скифию Геродот употребил слово «война». До этого, характеризуя действия скифов, он обычно употреблял только такие слова, как «отступать», «убегать», «исчезать из вида», «водить персов». Активный характер действий скифов подчеркивал Страбон, когда писал «о скифах, воевавших (подчеркнуто мною.— Е. Ч.) с персидским царем Дарием»⁵.

На этом этапе войны ее ход складывался крайне неблагоприятно для персов. Очевидно, именно в это время Дарий предпринимает попытки прекратить бесплодное преследование противника и вернуться к Дунаю. Может быть, как реакцию на эти планы или сами действия Дария следует рассматривать следующее место в рассказе Геродота: «Скифы при всяком замеченном ими **замешательстве** (подчеркнуто мною.— Е. Ч.) у персов употребляли следующую хитрость для того, чтобы они как можно дольше оставались в Скифии и при этом мучились, терпя во всем крайнюю нужду: они оставляли часть своих стад с пастухами, а сами переходили в другое место; тогда персы, сделав набег, захватывали стада»⁶.

Неясно, что именно имел в виду Геродот, написав: «Дарий оказался в затруднительном положении». Исходя из того, что эта фраза следует непосредственно за описанием, как скифы «подкармливали» персов, что случалось часто, можно сделать вывод, что скифы добились своего — задержали врага в Скифии на какое-то определенное ими время — и перестали «подкармливать» персов. В это же время персы получили от скифов своеобразный ультиматум, требующий ухода за Дунай под угрозой полного уничтожения. Именно так было расшифровано послание в виде птицы, мыши, лягушки и пяти стрел⁷.

«Пять стрел, возможно, символизировали пять компонентов скифского военного союза: царских скифов (и подчиненных им до Танаиса кочевников), савроматов, гелонов, будинов и, может быть, борисфенитов, не названных Геродотом»⁸, — пишет Б. А. Рыбаков. Вряд ли это так. Если и можно предположить, что каждая из пяти стрел символизирует одно из этнических образований, то не все они могут быть названы. Не стоит объединять в одну группу царских и кочевых скифов, включать в список «борисфенитов», о которых Геродот не писал.

Вслед за этим (те части скифского войска, которыми командовали Иданфирс и Токсакис. Войско Скопасиса в это время уже возвращалось от моста форсированным маршем, идя на соединение с главными силами) «скифы пешие и конные, выстроились против персов для боя; когда они уже стояли в боевом порядке, вдруг между ними проскочил заяц; скифы, чуть заметили его, бросились за ним в догонку» (IV, 134).

Здесь следует отметить несколько интересных моментов. Для боя с персами выстроились не все скифы, а только «оставшиеся в своей земле» (т. е. войска Иданфирса и Токсакиса). Трудно поверить, что скифы действительно в этот момент собирались дать решающее сражение персам, не дождавшись сбора всех сил, и прежде всего подвижной группы Скопасиса. Если бы они действительно собирались дать бой, то вполне могли бы подождать и остальное войско Скопасиса. Скорее всего, демонстрируя готовность к битве, скифы хотели лишь показать пренебрежительное отношение к врагу, уклонившись от боя в решающий момент под таким смехотворным предлогом. Издевательский характер всей этой демонстрации верно понял Дарий*, сказав своим прибли-

---

* Позднее перс Гобрий определеннее говорил об издевательствах скифов.

женным, что «эти люди (скифы.— *Е. Ч.*) относятся к нам с большим пренебрежением»⁹.

Очень интересен эпизод с зайцем, пробежавшим перед строем скифов*. В народных повериях многих народов заяц, перебегающий дорогу или попадающийся навстречу, выступает в роли предвестника неблагоприятного начала¹⁰. В. И. Абаев приводит осетинскую поговорку: «Кто утром встретит зайцев, тому не будет доброго пути»¹¹. Плохой приметой считался заяц, перебежавший дорогу, у монголов¹². В русских сказках, пословицах и поговорках встречаются эпизоды о побоях зайца за то, что он перебежал дорогу¹³.

Интересную трактовку смысла описанного Геродотом эпизода с зайцем предложил Д. С. Раевский. Отметив связь зайца с культом плодородия, он пишет: «...если скифы верили, что принесение в жертву зайца обеспечивает плодovitость, плодородие, богатство, то легко реконструировать примету, согласно которой встреченного зайца надо непременно убить и это принесет благополучие. По-этому, видимо, и удалось забежавшему зайцу расстроить ряды скифов, уже готовых сразиться с Дарием»¹⁴.

Только из этого эпизода в рассказе Геродота мы узнаем, что в войске скифов, помимо конницы, была и пехота. До сих пор Геродот упоминал лишь конницу. А его слова о «боевом порядке» скифов, состоявшем из конницы и пехоты, являются единственным драгоценным свидетельством подобного рода во всей античной литературе о скифах вплоть до событий конца IV в. до н. э.— битве при Фате.

К сожалению, весьма немногословное свидетельство Геродота не дает возможности составить определенное представление о самом характере этого боевого

порядка. Однако некоторые материалы все же имеются. Во время битвы при Фате, Сатир, командовавший войсками, основную и наиболее боеспособную часть которых составляли скифы, по свидетельству Диодора Сицилийского, «сам по скифскому обычаю стал в центре боевого строя,... окруженный отборными воинами»¹⁵. Для того чтобы такое положение стало «обычаем», должно было пройти много времени. Может быть, именно это построение и было первым опытом во время войны с персами.

Ксенофонт так объясняет нахождение военачальника варваров во главе отборного кулака конницы в центре своего боевого строя: «Все начальники варваров управляют своими войсками, оставаясь в центре, полагая, что таким образом они, защищенные с двух сторон воинской силой, будут в полной безопасности, а если им понадобится отдать какое-либо приказание, то оно дойдет до войска вдвое скорее»¹⁶.

Весь трагизм положения, в котором оказались персы, хорошо понял Дарий и вовсе не случайно он заявил тогда своим ближайшим сподвижникам («...лицам, которым обыкновенно сообщал свои мысли»): «положение дела и мне самому представляется таким (этим он согласился с той расшифровкой «письма», полученного от скифов, которую предложил его приближенный Гобрий — если персы не улетят в небеса, не скроются в землю или в воду, то не возвратятся назад и будут поражены стрелами.— *Е. Ч.*) и поэтому следует хорошенько обсудить, как нам обеспечить свое возвращение». На это Гобрий ответил: «Царь, недоступность этих людей была мне приблизительно известна по слухам, а на месте я еще больше убедился в ней, видя, как они издеваются над нами. Поэтому теперь я полагаю, что лишь только наступит ночь, нам следует зажечь огни, как мы

---

* Благодарю С. С. Бессонову за подборку литературы о символике зайца.

обыкновенно это делаем *, обмануть тех из наших людей, которые наиболее слабы для перенесения лишений, привязать всех ослов и отступить, пока еще и скифы не поспешили к Истру с целью разрушить мост или ионийцы не приняли какого-нибудь решения, которое могло бы нас погубить»¹⁷.

Очень интересна оценка положения, в котором оказались персы. В случае разрушения моста под давлением скифов или по инициативе самих греков (а только это и было, пожалуй, единственным с их стороны действием, которое могло «погубить» персов) войска Дария лишались возможности перейти Дунай и, оставшись в Скифии, обрекали себя на верную гибель. О возможности такого исхода осторожно говорил сам Дарий, напоминая о «необходимости» обеспечить «себе возвращение». По-видимому, только в этой обстановке Дарий окончательно отказался от своего первоначального плана, предусматривающего марш через всю Степную Скифию на восток. Поход через земли савроматов был бесспорно обречен на неудачу.

С этого времени инициатива полностью переходит к скифам. Единственным шансом на спасение было немедленное бегство к Дунаю. Это хорошо понимал и сам Дарий. В первую же ночь, последовавшую за советом, персы бежали. Под предлогом того, что он всем войском хочет напасть на скифов, Дарий оставил небоеспособных («слабосильных») в лагере. Очевидно, прав В. С. Попов, полагая, что персы бросили и обоз¹⁸. Хотя у Геродота прямых данных об этом и нет, подобные действия в создавшейся для персов неблагоприятной обстановке были вполне естественны. Только при этом условии у персов был какой-то шанс оторваться

* Возможно, это делалось для освещения лагеря в случае ночных нападений скифов.

от преследования. Косвенно в пользу этого предположения свидетельствует и Геродот, написав, что из лагеря Дарий бежал «сам с отборными силами». Конечно, среди этих «отборных сил» не было места для обоза. Только не взяв с собой обоз можно было «обмануть» оставшихся в лагере людей, брошенных на произвол судьбы. Очевидно, благодаря этой крайней мере Дарий смог затеряться в степях и скифы потеряли его след. Какое-то время, по-видимому, у скифов ушло и на разграбление брошенного персами обоза *.

Итак, оставив лагерь, освещенный в эту ночь, как обычно, горящими кострами, Дарий с отборным войском «немедленно поспешил к Истру». Оставшиеся в лагере ослы, «отделенные от войска, начали реветь гораздо громче обыкновенного; скифы же, слыша рев ослов, были вполне уверены, что персы стоят на месте»¹⁹. Хитрость Дария удалась **. «С наступлением дня покинутые персы, поняв, что они преданы Дарием, простирали к скифам руки и обращались с приличными их положению речами».

По-видимому, к этому времени все силы скифов уже соединились. От Дуная вернулось войско Скопасиса. Очевидно, этих объединенных сил и испугался Дарий, не будучи уверен в силах своего измученного и деморализованного войска. А скифское войско кратчайшим путем пошло к мосту. Вероятно, в этом марше принимала участие только скифская конница. Геродот определенно говорит, что «скифское войско было конное». Очевидно, эти заключительные

* К. Мазетти полагает, что в нововавилонском пророчестве идет речь об этом эпизоде войны (Мазетти К. Указ. соч., с. 109).

** Характерно, что Фронтин поместил описание этого эпизода в разделе своего труда «Стратегемы», названном им весьма точно и красноречиво: «Как выбраться из самых трудных позиций» (подчеркнуто мною.— Е. Ч.).— Стратегемы. I, V, 26.— ВДИ, 1940, № 1, с. 231.

эпизоды войны происходили в местах, ненамного удаленных от моста, может быть, даже в пределах так называемой Гетской пустыни между Днестром и Дунаем, и они определили иное название местности, сообщаемое составителями «Хрестоматии к «Географии» Страбона — «пустыня скифов»²⁰. Продвигаясь к мосту, скифы потеряли след персов: «...персы и скифы миновали друг друга, и скифы достигли моста гораздо раньше персов». К этому времени уже истек срок, в течение которого греки обещали ожидать персов. Поэтому скифы обратились к охранявшим мост грекам с предложением: «Ионийцы, уже прошло назначенное вам число дней, и вы поступаете неблагоприятно, оставаясь здесь; если прежде вы оставались из страха, то теперь уничтожьте переправу и в добрый час уходите поскорее свободными, благодаря богов и скифов; вашего же прежнего повелителя мы поставим в такое положение, что он больше ни на кого не двинется войною»²¹.

Вторичное появление перед мостом сильного скифского войска, по-видимому, произвело на греков должное впечатление. Хотя в самом рассказе о предложении, сделанном скифами грекам, и нет ультимативных нот, весьма характерно, что, вспоминая позднее эти переговоры, Геродот очень определенно говорит о «**требовании** (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) скифов разрушить мост и затем отплыть на родину»²². Очевидно, под влиянием этого требования на совещании греков и был принят план, предложенный Гистиеем: «...разрушить часть моста со стороны скифов и притом только на расстояние выстрела из лука, для того чтобы казалось, что кое-что сделали, между тем как на самом деле они ничего не делали, а также для того, чтобы скифы не попытались прибегнуть к силе; решено было также сказать им при уничтожении обращенной к Скифии части моста, что они сделают все, что приятно скифам». Передавая

скифам решение совета греческих тиранов о согласии развести мост, Гистией сказал: «...пока мы заняты снятием моста, вам пора искать персов и, нашедши, отплатить им и за нас, и за себя, как они того заслуживают»²³.

Скифы и во второй раз поверили, что греки разведут мост, и пошли навстречу персам. Продвигались они по местам, не тронутым войной, шли «по той части страны, в которой был и корм для лошадей и вода, в полной уверенности, что и те (персы.— *Е. Ч.*) отступают по таким местам; между тем персы придерживались на обратном пути проложенных ими раньше следов (очевидно, боясь заблудиться.— *Е. Ч.*) и только таким образом нашли место переправы, да и то с трудом»²⁴.

Торопясь к переправе (Геродот особо подчеркивает это), персы совершали марш и ночами, возможно, с целью укрытия войск от палящего солнца и для большей скрытности — не видно было пыли, которую они поднимали. К месту переправы через Дунай персы подошли ночью. Увидев, что моста нет, «они пришли в сильное беспокойство, не покинули ли их ионийцы»²⁵. Очевидно, персы вышли неточно к переправе, поскольку не заметить канаты, на которых держался мост, было невозможно, а снять канаты греки не могли — мост просто снесло бы сильным течением. Ф. Браун считает, что мост был наведен не в районе с. Исакча, где он имеет одно русло, а у Тульчи, где Дунай разделяется на два гирла. В этом месте было легче обмануть скифов, разведя мост не целиком, а только часть, прилегающую к скифскому берегу²⁶. В этом случае становится понятным, почему персы, придя к Дунаю, не увидели мост.

Утром разобранная греками часть моста была восстановлена. Измученное войско Дария ушло по нему на территорию Фракии. Ктесий даже писал о том, что Дарий «перешел через мосты

и поспешно разрушил их прежде, чем переправилось все войско»²⁷. Если это действительно так, то подобные действия персов можно объяснить только тем, что к мосту подходили скифы. Дарий, боясь, что на плечах его бегущего войска скифы перейдут за Дунай, вынужден был бросить часть войск, как это сделал ранее, оставив небоеспособных воинов в лагере.

«Так спаслись персы», — этими красноречивыми словами завершается интересный рассказ Геродота о скифском походе Дария²⁸.

По-видимому, нелегким был путь персов и через Фракию. Многие фракийские племена, покорившиеся им без боя, и геты, разгромленные Дарием по пути в Скифию²⁹, под влиянием явных неудач персов выступили сейчас против персов. Сам Дарий на судах переправился в Азию, оставив во Фракии своего лучшего полководца Мегабаз с 80 тыс. воинов*, которому пришлось фактически заново покорять Фракию.

Очень показательны, что мост, построенный Мандроклосом через Босфор Фракийский, был разрушен еще во время пребывания персов в Скифии жителями города Калхедон, расположенного на азиатском берегу Боспора³⁰. Поэтому Дарий и был вынужден переправляться

---

* Следует вспомнить слова Ктесия о том, что «оставленные в Европе 80 000 (персов. — *Е. Ч.*) были перебиты Скифарбом» (*Ктесий Книдский. История Персии*, 16. — ВДИ, 1947, № 2, с. 299). О том, что Скифарб скорее всего является Иданфирсом Геродота, мы писали выше. Приведенное сообщение Ктесия следует непосредственно за рассказом о переходе Дария через мост и о том, что он разрушил мост до того, как за Дунай прошло все войско. В этом случае слова Ктесия следует понимать как то, что «оставленные в Европе 80 000» и уничтоженные скифами персы остались на левом берегу Дуная. В пользу того, что выражение «в Европе» он относит к Скифии, которая, как известно, за Дунай не заходила, бесспорно свидетельствует начало его рассказа о скифо-персидском конфликте.

в Азию на судах. Вероятно, во время похода в Скифию жители Византия разрушили и столбы с надписями Дария о строительстве моста, и о составе своего войска³¹, которые тот приказал поставить у моста³².

Изгнанием Дария из Скифии не завершилась скифо-персидская война. Скифы предприняли действия, направленные против персов на запад за Дунай. «...Раздраженные царем Дарием, скифы-кочевники собрались в поход и дошли до этого (Фракийского. — *Е. Ч.*) Херсонеса». Поддерживавший персов тиран Херсонеса Мильтиад, «не дождавшись их нашествия»*, бежал из Херсонеса и жил вне его, пока не удалились скифы³³.

Как описывает эти события известный болгарский фраколог Ал. Фол, «после обратного бесславного марша Дария в освобожденную территорию между Днестром и Дунаем и между Дунаем и Херсонесом Фракийским — до самого юго-восточного угла Фракии, где находились на стратегических местах персидские гарнизоны (по-видимому, войска, которыми командовал полководец Дария Мегабаз. — *Е. Ч.*) — нахлынула скифская конница. Возникшая из-за естественного желания реванша кампания не могла не оказаться бесперспективной — на дальнем фракийском юге персы держались крепко, а в том же свободном пространстве начались военные волнения одрисов»³⁴. По его же мнению, одрисы захватили земли, по которым продвигались скифы преследуя персов: происходит укрепление одрисской военно-политической организации. Ал. Фол полагает, что «именно тогда в районе Нижнего Дуная у устья был заключен первый одрисско-скифский договор, согласно которому

---

* Весьма показателен сам термин, употребленный здесь Геродотом. Очевидно, в походе принимали участие значительные силы скифов, что дало ему право назвать этот поход «нашествием».

Место находки	Дата, в. до н. э.	Место издания
Бэлэбэнешти, Молдова	VI	<i>Buzdugan C., Coman G.</i> Pumnale hallstat-tiene tîrzii descoperite în Moldova.— SCIV, 1977, 28, 2, p. 240, fig. 2, 3. Ibid. p. 241, fig. 3, 1
Гэнешти, »	VI	<i>Minailescu-Bîrliba V.</i> The akinakai of Moldavia. A new discovery.— Thraco — Dacica, 1976, p. 112, fig. 3, 3.
Кристинешти, »	вторая половина VI — начало V	
Мирослэвешти, »	конец VI — начало V	<i>Buzdugan C., Coman G.</i> Op. cit., p. 241, fig. 3, 3.
Нанешти, »	конец VI — начало V	<i>Mitrea J.</i> Un akinakes descoperit la Nănești (com. Parincea, jud. Balău).— SCIV, 1971, 22, 3, p. 491—493, fig. 3.
Мынзэтешти, »	конец VI — начало V	<i>Palade V., Ciucă N.</i> Noi descoperiri scitice ip jude, tul Vaslui.— SCIV, 1972, 23, 2, p. 288, fig. 3. 1.
Ступин, Добруджа	VI—V	<i>Alexandrescu A. D.</i> Donă statui traco-scitice din Dobrogea.— SCIV, 1958, 9, 2, p. 292, fig. 2.

река была объявлена границей для осуществления с севера (фракийцами — одрисами.— *Е. Ч.*) и с юга (скифами.— *Е. Ч.*) военного контроля»³⁵.

Большинство исследователей относили поход скифов на Херсонес Фракийский к 496/495 гг. до н. э.³⁶ Ал. Фол считает, что это событие имело место «гораздо раньше, непосредственно после неудачных походов персов; действительной датировкой явилась бы тогда дата после 519, после 514, после 513 или после 512 гг. до н. э., какими являются предложенные до сих пор даты о походе Дария»³⁷. А. И. Мелюкова, приведя точку зрения Ал. Фола, не высказала своего отношения по поводу даты похода скифов к Херсонесу³⁸. Очевидно, Ал. Фол прав и вторжение скифов во Фракию, и их бросок к Херсонесу Фракийскому произошли непосредственно после перехода Дария через Дунай.

Теми же причинами (по словам Геродота, «скифы-кочевники, после того, как Дарий вторгся в их страну, возымели-де желание отомстить ему») объясняется

попытка скифов использовать спартанцев в качестве союзников против персов. Они, «отправив послов в Спарту, предлагали союз и уговаривались, что самим скифам нужно пытаться вторгнуться в Мидию вдоль реки Фасиса, а спартиатам предлагали двинуться из Эфеса в глубь Малой Азии и затем сойтись с ними в одном месте». По-видимому, переговоры о союзе продолжались довольно долго. С этими переговорами и связан известный рассказ Геродота о том, как спартанский царь Клеомен сошел с ума после того, как он «вследствие общения со скифами стал пить цельное (т. е. не смешанное с водой) вино»³⁹.

Следует с большим вниманием отнестись к мнению А. И. Мелюковой о броске к Херсонесу Фракийскому и планируемом ими дальнейшем наступлении на персов. Речь идет о походе на Херсонес, предпринятом «с целью разведать подготовленность персов, а затем начать против них решительные действия»⁴⁰.

Рис. 42. Скифские мечи и кинжалы VI — начала V в. до н. э. в Молдове и Добрудже:

1 — Балэбэнешти; 2 — Ранешти; 3 — Кристинешти; 4 — Мирославешти; 5 — Нанешти; 6 — Мынзэтешти.

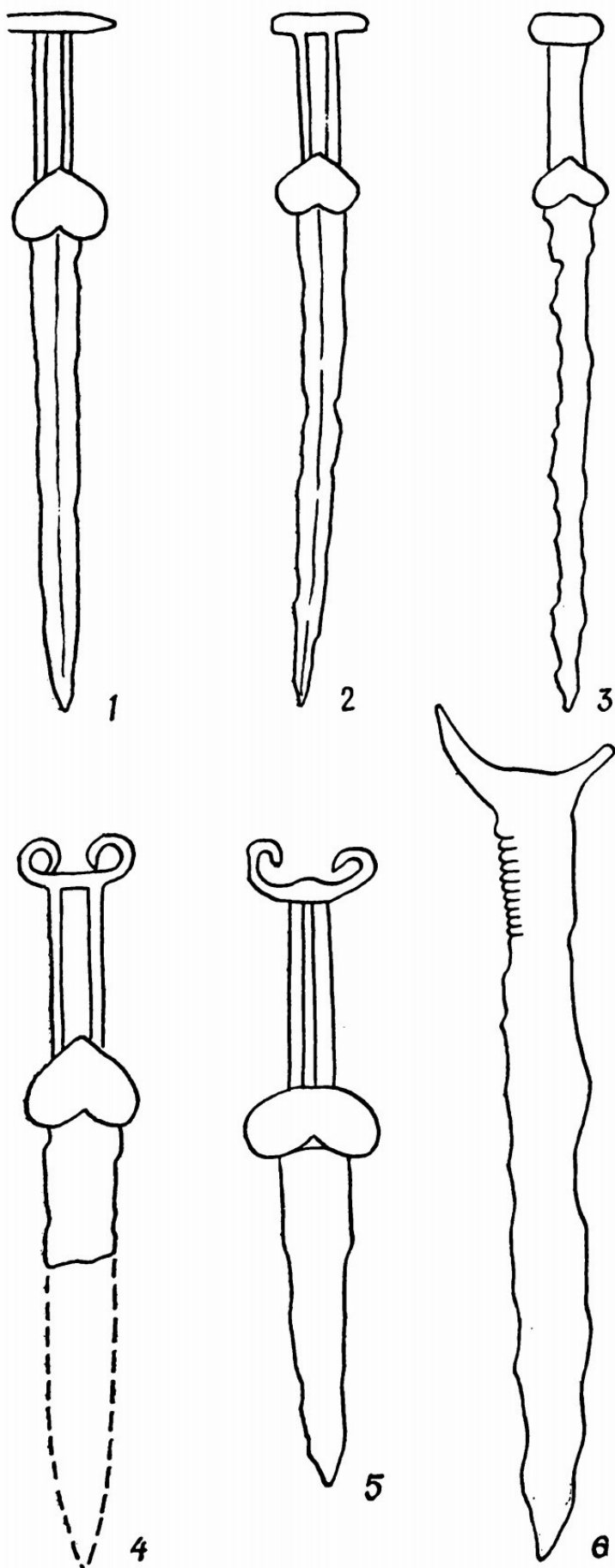
К сожалению, вещественных находок, свидетельствующих о проникновении скифов на запад за Дунай, очень мало. «В степной части Нижнего Подунавья, на юге Прутско-Сиретского междуречья и в Добрудже пока не обнаружено ни одного скифского погребения VI—V вв. до н. э.»⁴¹ В сводке, составленной А. И. Мелюковой, отмечено лишь несколько находок вещей скифского типа (особый интерес имеют найденные там мечи скифского типа)⁴².

В приведенной ранее табл. 5 дана сводка наиболее интересных мечей скифского типа VI — начала V в. до н. э., происходящих с прилегающей к Дунаю территории Молдовы и Добруджи (рис. 42) *.

Исключительный интерес представляют найденные на этой территории антропоморфные изображения скифских воинов. «...Первое из Сибиоаре на берегу оз. Ташаул (озеро находится как раз на пути, которым могли продвигаться скифы, преследуя за Дунаем Дария.— Е. Ч.), второе — из Ступина,— которые, видимо, свидетельствуют о том, что где-то в районах мест находок были погребения скифских военачальников конца VI—V в. до н. э., возможно, участников войны с Дарием» (рис. 43)⁴³.

События конца VI — начала V в. до н. э. (поход скифов к Херсонесу Фракийскому скорее всего состоялся вскоре после изгнания персов из Скифии, а переговоры со Спартой относятся к самому концу 90-х годов V в. до н. э.) убедительно свидетельствуют о стремлении скифов продвинуться на запад, за Дунай.

* Сводку составил С. А. Скорый.

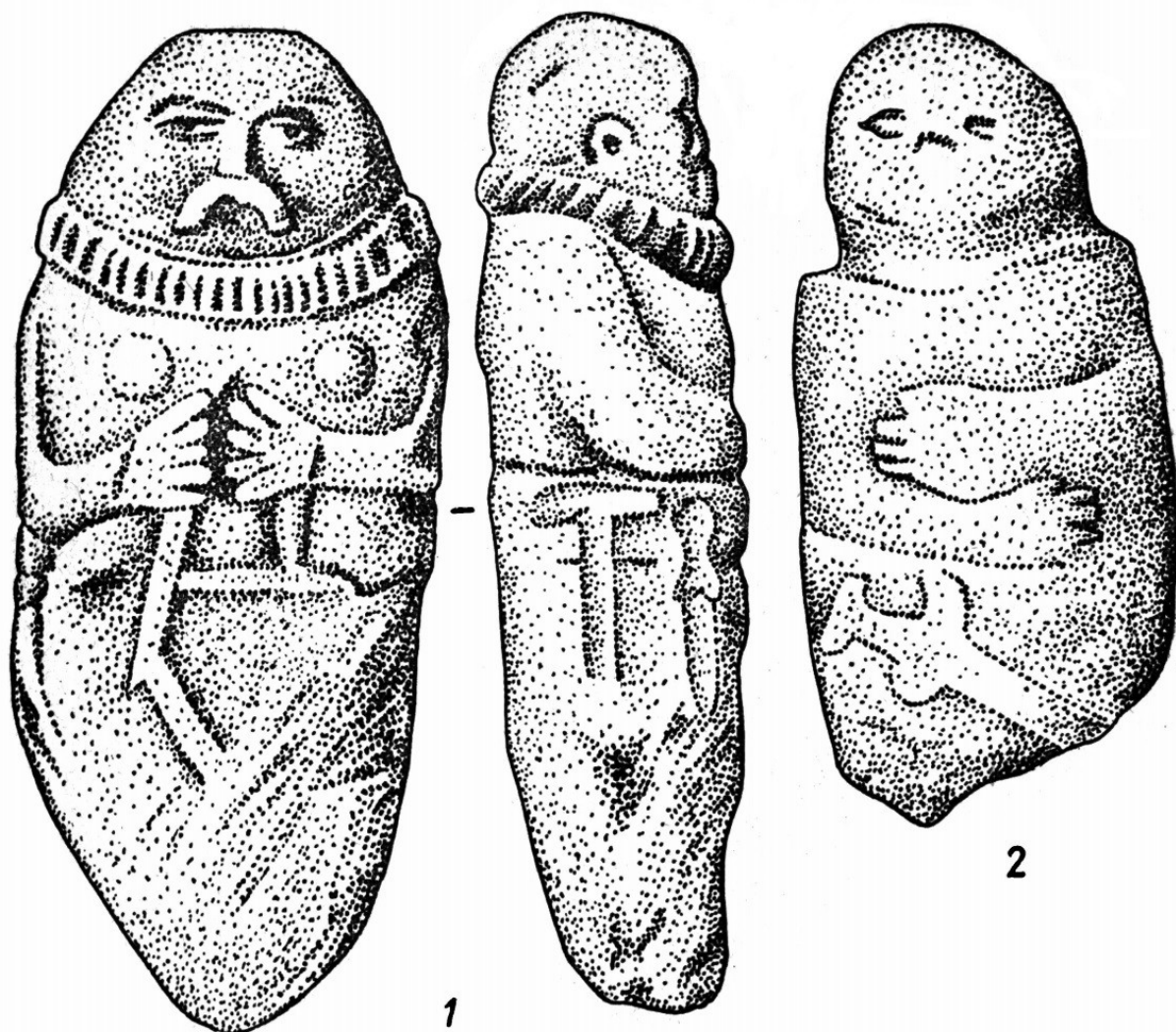

Рис. 43. Скифские стелы из Сибиоары (1) и Ступина (2).

Особый интерес представляет факт переговоров со Спартой о совместном выступлении против персов. Интересен и план нанесения двух ударов по Персии — с запада силами греков-спартанцев и с северо-востока — скифами. Скифы лелеяли план вторжения через Кавказ: еще были живы предания о походах VII и начала VI в. до н. э. Очень верно вспомнил в связи с переговорами скифов и спартанцев о переднеазиатских походах скифов Б. Н. Граков. Во всяком случае для самих скифов возможность повторения такого похода была вполне реальна. Вероятно, об этом же догадывался и Дарий. Не исключено, что эти переговоры и планы скифов можно рассматривать как кос-

венное свидетельство в пользу мнения о причинах похода персов в Скифию, преследовавшего цель «замирить» скифскую степь и обезопасить свои северные границы от набега, как об этом писалось в начале этой работы.

Нельзя согласиться с Ал. Фолом, который полагает, что сделанное скифами предложение спартанцам о совместной войне с персами «могло исходить только из среды представителей племен Прикавказья»⁴⁴ отделенных от западных границ Скифии многими сотнями километров. Если подобное совместное выступление и планировалось, оно могло быть успешным только при участии в нем вооруженных сил всей Скифии. Участие в предприятии лишь прикав-

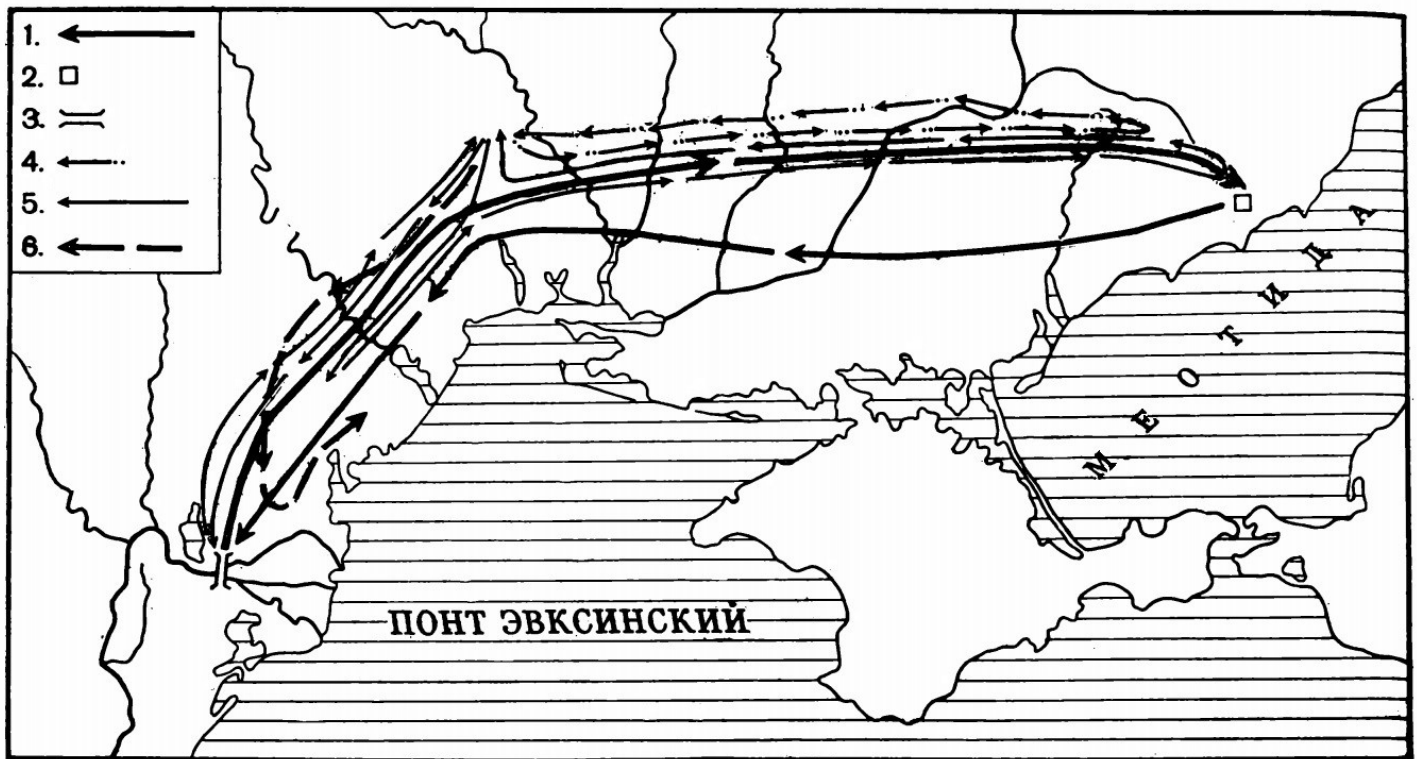

Рис. 44. Схема продвижения войск скифов и персов в Скифии:

1 — персы; 2 — персидский лагерь; 3 — мост; 4 — войска Иданфирса и Таксакиса; 5 — войска Скопасиса; 6 — объединенные силы скифов (войска Иданфирса, Таксакиса и Скопасиса).

казских скифов не могло обеспечить успех похода.

Любопытно и указание Геродота о намерении скифов «вторгнуться в Мидию вдоль речки Фасиса». Ведь вдоль верхнего течения Фасиса и «проходил один из путей, по которым скифы вторглись в Переднюю Азию»⁴⁵.

Подводя итог рассмотрению скифо-персидской войны, приведем нашу схему продвижения войск (рис. 44).

¹ Геродот, IV, 128.— ВДИ, 1947, № 2, с. 283.

² Ксенофонт. Анабасис, III, IV, 35 / Пер. М. И. Максимовой, с. 89. Он же оставил и иное описание персидского лагеря, устройству которого уделялось большое внимание и который отличался исключительным порядком: «Армия Кира, несмотря на свою многочисленность, в отличном порядке устраивалась на стоянку и вновь собиралась в путь». Но если это и так, то создание подобного необычного для персов лагеря Ксенофонт приписывает только Киру (Ксенофонт. Киропедия, VIII, V, 2—14.— В кн.: Ксенофонт. Киропедия / Пер. В. Г. Боруховича и Э. Д. Фролова. М., 1977, с. 203—205.

³ И ослы, и мулы были известны в Северном Причерноморье. В. И. Цалкин считал, что они появились здесь в результате греческой колонизации (Цалкин В. И. Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа.— МИА, 1960, № 53, с. 49—50; Цалкин В. И. Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии.— МИА, 1966, № 135, с. 48—49, 89.

⁴ Геродот, IV, 129.— ВДИ, 1947, № 2, с. 283.

⁵ Хрестоматия из «Географии» Страбона, кн. VII.— ВДИ, 1947, № 4, с. 242.

⁶ Геродот, IV, 130.— ВДИ, 1947, № 2, с. 283—284.

⁷ Геродот, IV, 132.— Там же, с. 284; Ферекид Лерийский. Теогония, фр. 13.— Там же, № 1, с. 316.

⁸ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 182.

⁹ Геродот, IV, 134.— ВДИ, 1947, № 2, с. 284.

¹⁰ Гура А. В. Символика зайца в славянском обрядовом и песенном фольклоре.— В кн.: Славянский и балканский фольклор. М., 1978, с. 159—189; Даль В. И. Пословицы русского народа.— М., 1861, с. 980.

¹¹ Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка.— Л., 1979, т. 3, с. 271.

¹² Кузнецов В. С. Амурсана.— Новосибирск, 1980, с. 82.

¹³ Даль В. И. Толковый словарь русского языка.— М., 1981, т. 1, с. 670.

¹⁴ Раевский Д. С. Из области скифской космологии.— ВДИ, 1978, № 3, с. 126—128.

¹⁵ Диодор Сицилийский. Библиотека, XX, 22.— ВДИ, 1948, № 2, с. 263—264.

¹⁶ Ксенофонт. Анабасис, I, VIII, 4—24 / Пер. М. И. Максимовой, с. 33.

¹⁷ Геродот, IV, 134.— ВДИ, 1947, № 2, с. 184.

¹⁸ Попов В. С. Внезапность и неожиданность в истории войн.— М., 1965, с. 41.

¹⁹ Геродот, IV, 135.— ВДИ, 1947, № 2, с. 285.

²⁰ Хрестоматия к «Географии» Страбона, кн. VI.— ВДИ, 1947, № 4, с. 242.

²¹ Геродот, IV, 136.— ВДИ, 1947, № 2, с. 285.

²² Геродот, VI, 41 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 285.

²³ Геродот, IV, 139.— ВДИ, 1947, № 2, с. 285—286.

²⁴ Там же, с. 286.

²⁵ Там же.

²⁶ Браун Ф. Указ. соч., с. CV—CVI.

²⁷ Ктесий Книдский. История Персии, 16.— ВДИ, 1947, № 2, с. 299.

²⁸ Геродот, IV, 142.— ВДИ, 1947, № 2, с. 286.

²⁹ Там же, с. 276.

³⁰ Геродот, IV, 143—144; V, 14—15 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 242.

³¹ Там же, с. 209.

³² Невская В. П. Византий в классическую и эллинистическую эпохи. М., 1953, с. 61.

³³ Геродот, VI, 40.— ВДИ, 1947, № 2, с. 286.

³⁴ Фол Ал. Проблемы письменных источников о V в. до н. э.— *Studia Thracica*. Фрако-скифские культурные связи. София, 1975, с. 163.

³⁵ Там же.

³⁶ Блаватская Т. В. Греки и скифы в Западном Причерноморье.— ВДИ, 1948, № 1, с. 206; Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре, с. 16.

³⁷ Фол Ал. Указ. соч., с. 163.

³⁸ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир.— М., 1979, с. 239.

³⁹ Геродот, VI, 84.— ВДИ, 1947, № 2, с. 286.

⁴⁰ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир, с. 111.

⁴¹ Там же, с. 111—112.

⁴² Там же, с. 238.

⁴³ Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре, с. 16.

⁴⁴ Фол Ал. Указ. соч., с. 161.

⁴⁵ Крупнов Е. И. О походах скифов через Кавказ.— В кн.: Вопросы скифо-сарматской археологии. М., 1954, с. 193.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Академик В. В. Струве писал, что «скифо-персидская война была одним из самых значительных событий в истории нашей родины»¹.

В этой связи очень интересны оценка этого неудачного похода в Скифию самими персами, сведения Геродота. Еще при подготовке к походу в Скифию его важность признавал сам Дарий. Незадолго до похода жена Дария Атосса говорила ему о необходимости «прославить себя великими подвигами». На что Дарий ответил: «...я ведь собираюсь перекинуть мост с нашего материка на другой и идти на скифов»², зачисляя тем самым готовящийся поход в Скифию в разряд «великих подвигов».

Интересный эпизод произошел с Дарием в Египте после бегства из Скифии. Геродот, рассказывая, что Дарий захотел поставить свою статую рядом со статуями Сесостриса (Рамзеса II), пишет, что «жрец Гефеста не позволил этого сделать, заявив, что Дарий не совершил столь великих подвигов, как фараон, который не только покорил все те народы, что и Дарий, да к тому же еще и скифов, которых Дарий не смог одолеть. Поэтому-то и не подобает ему стоять перед статуями Сесостриса, которого он не смог превзойти своими подвигами. И Дарий, как говорят, должен был согласиться с этим»³.

О большом значении моста через Дунай, благодаря которому Дарий мог спастись из Скифии, говорят его слова и поступки по отношению к тирану Милета — Гестиею, который на совете греков, охранявших мост, возражал против его снятия по требованию скифов. Гестией получил от персов в награду земли во Фракии и «начал строить город на пожалованной ему Дарием земле в награду за сохранение моста»⁴. Его Дарий называл «мудрым и верным другом»⁵.

Любопытна оценка похода Дария, сделанная персами при обсуждении плана похода Ксеркса в Грецию. Уча-

стник похода в Скифию, дядя Ксеркса и брат Дария — Артабан, вспоминает: «...я не советовал... Дарию идти походом на скифов, людей, у которых вовсе нет городов. А он меня не послушался в надежде покорить скифов, которые все-таки были кочевниками, и выступил в поход. Однако ему пришлось возвратиться назад, потеряв многих храбрых воинов из своего войска»⁶.

Более решителен и категоричен в оценке результатов похода был сам Ксеркс. Подчеркивая преданность ионян, он заявил, что «от них зависели гибель или спасение (подчеркнуто мною.— *Е. Ч.*) всего персидского войска»⁷. Соглашаясь с этим, Артабан говорил, что «скифы всячески старались убедить ионян, которым была поручена охрана моста на Истре, разрушить переправу. И если бы тогда Гистией согласился с мнением прочих тиранов и не воспротивился, то войско персов погибло бы. Впрочем, даже и подумать страшно, что тогда вся держава царя была в руках одного человека»⁸.

Предупреждая Ксеркса об опасностях похода в Грецию, Артабан напомнил ему и о величайших неудачах, постигавших персов во время прошлых войн, которые им пришлось вести. «Мне, о царь, пришлось неоднократно наблюдать ниспровержение великих держав малыми. Поэтому я хотел удержать тебя от увлечений юности, зная сколь гибельна страсть к великому могуществу. Я помню, чем кончился поход Кира на массагетов (сам Кир был убит, а войско его разгромлено.— *Е. Ч.*), помню и поход Камбиза на эфиопов (поход окончился полной неудачей.— *Е. Ч.*). А сам я участвовал в войне Дария со скифами»⁹, — закончил он, поставив этот поход в Скифию в один ряд с крупнейшими неудачами персов.

Четкую оценку похода Дария в Скифию дал Помпей Трог: «...персидского царя Дария они (скифы.— *Е. Ч.*) с позором выгнали из Скифии»¹⁰.

Неудачный поход в Скифию ослабил персов, «потерявших многих храбрых воинов из своего войска». Помимо весьма ощутимых потерь в живой силе, был нанесен большой моральный урон. Войско Дария, одержавшее до того многие победы, не смогло победить скифов. Не была выполнена главная цель похода — замирение скифской степи, северные границы государства персов не были обезопасены от возможного повторения азиатских походов воинственных северных кочевников. Над северными окраинами державы Дария грозно нависали непобежденные Скифия и Савроматия.

«Интродукцией к греко-персидским войнам» назвал Б. А. Рыбаков скифо-персидскую войну¹¹. Неудачно сыгранная интродукция, по-видимому, надолго задержала начало греко-персидских войн. Самому Дарию пришлось на некоторое время отказаться от решительной попытки овладеть миром эллинов. Ее он предпринял только через два десятка лет. Характерно, что на этот раз Дарий отказался от непосредственного участия в походе и личного руководства войсками, поручив это своим полководцам. Очевидно, он побоялся снова поставить под удар свой личный авторитет, основательно подорванный неудачным походом в Скифию.

Война с персами повлияла на скифо-фракийские отношения. Очевидно, прав Б. Н. Граков, считая: «...можно не сомневаться, что присоединение части фракийцев к Дарию во время похода на Скифию на много лет (вероятно, до образования царства одрисов*) сделало отношения скифов к фракийцам враждебными»¹². В 496 г. до н. э. скифы через Фракию прошли к Херсонесу Фракийскому. Если до скифо-персидской войны нет каких-либо признаков направления скифской экспансии на запад, то после нее давление скифов на запад и северо-запад ощущается.

* Середина V в. до н. э.

Особенно четко это проявилось в бурных событиях второй половины IV в. до н. э., во время войны Атея с Филиппом Македонским и разгрома Зопириона.

Эта война много значила и для самой Скифии. Кочевые скифские племена, сыгравшие главную роль в разгроме Дария, упрочили свое положение. Последовавшие после этого рейды скифских кочевых племен в глубины Лесостепи, разгром многих лесостепных городищ знаменовали собой подчинение лесостепных племен, в значительной мере способствовали консолидации всей Скифии.

Остановимся на некоторых особенностях скифской стратегии и тактики, проявившихся в ходе войны с персами.

Краткую оценку примененной скифами в войне с войском Дария стратегии дал крупный советский военный историк Е. А. Разин. «Стратегия скифов характеризуется правильной оценкой соотношения сил и стремлением изменить его в свою пользу. При наличии численного превосходства врага скифы не вступали в бой, а преднамеренно отступали в глубь своей территории. Лишь после того, как враг был деморализован и ослаблен, скифы стремились отрезать ему пути отступления, а затем окружить и уничтожить. Таким образом, скифы одни из первых применили стратегическое отступление для изменения соотношения сил в свою пользу»¹³.

Из приведенной выдержки не все относится к собственно скифам. Ход войны с Дарием рассматривается им в том же разделе, где исследуется тактика и стратегия массагетов и их война с Киром. Поэтому, по-видимому, следует исключить слова «затем окружить и уничтожить», явно относящиеся к массагетам. Впрочем, не исключено, что прием, который использовали в войне с Киром массагеты, применяли и скифы. Однако для раннего периода скифской истории данных об этом нет. Оче-

видно, этот прием был использован скифами позднее — во время разгрома Зопириона, вторгшегося в Скифию в 331 г. до н. э.

В ходе войны скифов с персидским царем Дарием проявились некоторые особенности примененной скифами стратегии ведения больших кампаний. Кратко они сводятся к следующему:

выработка в самом начале войны четкого плана ее ведения, предусматривавшего «пассивную» и «активную» стадии, и строгое следование ему;

правильная оценка сложившегося к началу войны соотношения сил и стремление изменить его в свою пользу (Е. А. Разин);

применение «стратегического отступление для изменения соотношения сил в свою пользу» (Е. А. Разин);

навязывание противнику своего плана ведения войны в невыгодных для него условиях;

разделение войска на две части с постановкой перед ними основных задач на всю кампанию с последующим уточнением и изменением этих задач;

широкий маневр на огромных просторах степей значительных масс конницы;

умелое использование местности, воздействие на нее в полосе продвижения противника с целью создания затруднений в снабжении продовольствием, водой и фуражом.

Вместе с тем необходимо отметить и определенные просчеты. К ним прежде всего следует отнести ошибки, допущенные на заключительном этапе ведения войны, когда скифы не могли добиться снятия моста и «потеряли» персов, позволив им с помощью довольно простой хитрости оторваться от преследования, бросив лагерь, обоз и небоеспособную часть войска. В результате этого не была достигнута основная цель — персидское войско не было уничтожено. Война в итоге свелась к «выталкиванию» противника со своей территории.

В ходе войны с персами получило

дальнейшее развитие умение вести военные действия с превосходящими силами противника, совершенствовалась тактика и стратегия скифов, основы которой были заложены еще во время их переднеазиатских походов.

Победоносная война с персами сыграла большую роль в возникновении прочной античной традиции о скифской непобедимости, подведя под нее реальную базу. «Совершенно очевидно, что основанием для вывода о непобедимости скифов послужило реальное событие из скифской истории — удачное отражение скифами полчищ Дария Гистаспа», — с полным на то основанием писала А. И. Мелюкова¹⁴. Слава о скифах как о непобедимом народе воинов намного пережила их самих.

¹ Струве В. В. Этюды по истории Северного Причерноморья, с. 100.

² Геродот, III, 134 / Пер. Г. А. Стратановского, с. 179.

³ Там же, с. 112.

⁴ Там же, с. 124.

⁵ Там же, с. 245.

⁶ Там же, с. 317.

⁷ Там же, с. 330.

⁸ Там же.

⁹ Там же, с. 321.

¹⁰ Помпей Трог, II, 3, 1—4.— ВДИ, 1949, № 1, с. 2.

¹¹ Рыбаков Б. А. Геродотова Скифия, с. 7.

¹² Граков Б. Н. Каменское городище на Днестре, с. 16.

¹³ Разин Е. А. Указ. соч., с. 80—81.

¹⁴ Мелюкова А. И. Античная литературная традиция о скифской непобедимости.— КСИИМК, 1949, вып. 30, с. 105.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории
ВССА	— Вопросы скифо-сарматской археологии
ДП	— Древности Приднепровья
ЖРБ	— Журнал раскопок Н. Е. Бранденбурга.— СПб., 1908.
ИАК	— Известия археологической комиссии
КСИА АН СССР	— Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАР	— Материалы по археологии России
МАСП	— Материалы по археологии Северного Причерноморья
МРЗ	— Самоквасов Д. Я. Могилы русской земли.— М., 1903
ОАК	— Отчет Археологической комиссии
ПСА	— Проблемы скифской археологии
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
СА	— Советская археология
САИ	— Археология СССР. Свод археологических источников
СМЕЛА	— Бобринский А. А. Курганы и случайные находки близ м. Смелы.— СПб., 1887, т. 1; 1894, т. 2; 1901, т. 3.
SCIV	— Studii si cercetări de istorie veche. Bucuresti
SCIVA	— Studii si cercetări de istorie veche si arheologie. Bucu- resti.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
I. ДАТА И ПРИЧИНЫ ПОХОДА ДА- РИЯ В СКИФИЮ	7
II. СИЛЫ СТОРОН	18
III. ОТ СУЗ К ДУНАЮ	57
IV. ГЛУБИНА ПРОНИКНОВЕНИЯ ПЕРСОВ В СКИФИЮ	65
V. ОТ ДУНАЯ В ПРИАЗОВЬЕ	81
VI. РЕЙД В ЗЕМЛИ БУДИНО-ГЕЛО- НОВ	93
VII. БЕГСТВО ДАРИЯ	100
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	112
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	116

Евгений Васильевич Черненко

**СКИФО-ПЕРСИДСКАЯ
ВОЙНА**

Утверждено к печати
ученым советом
Института археологии АН УССР

Редактор

Т. Н. ТЕЛИЖЕНКО

Оформление художника

Г. С. КОВПАЧЕНКО

Художественный редактор

И. П. АНТОНЮК

Технический редактор

Г. М. КОВАЛЕВА

Корректоры

С. А. ДОЦЕНКО,

Л. В. МАЛЮТА

Информ. бланк № 5736

Сдано в набор 07.06.83. Подп. в печ. 05.11.83.
БФ 00759. Формат 70×90/16. Бум. тип. № 1. Обыкн.
нов. гарн. Выс. печ. Усл. печ. л. 8,78. Усл. кр.-
отт. 9,22. Уч.-изд. л. 9,43. Тираж 5700 экз. За-
каз 3—1498. Цена 60 к.

Издательство Наукова думка. 252601 Киев 4,
ул. Репина, 3.

Отпечатано с матриц головного предприятия РПО
«Полиграфкнига». 252057 Киев 57, ул. Довженко, 3 в
Киевской книжной типографии научной книги. 252004
Киев 4, ул. Репина, 4. Зак. 4—98.

**В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ
«НАУКОВА ДУМКА»
В 1984 г. ВЫЙДУТ
В СВЕТ КНИГИ:**

Древнерусские поселения Среднего Поднепровья (археологическая карта) / М. П. Кучера, С. А. Беляева, О. В. Сухобокова и др. 14 л. 2 р. 30 к.

В монографии публикуются данные о городищах и поселениях Среднего Поднепровья, где в результате обследований и раскопок обнаружены материалы древнерусской культуры X—XIII вв. Впервые в историографии картографируются древнерусские поселения Среднего Поднепровья.

Для археологов, историков и краеведов.

Мурзин В. Ю. Скифская архаика Северного Причерноморья. 10 л. 1 р. 50 к.

В монографии рассматриваются древнейшие скифские археологические памятники степной зоны Северного Причерноморья. Приводится полная сводка скифских памятников VII—V вв. до н. э., дается подробный анализ погребального обряда и материальной культуры ранних скифов. Подробно рассматривается проблема происхождения северопричерноморской Скифии, намечены основные этапы ее развития.

Для историков, археологов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Соломоник Э. И. Граффити с хоры Херсонеса. 9 л. 1 р. 40 к.

В монографии даны описание, прочтение, датировка более 500 граффити, имеющих значение письменных источников для хоры Херсонеса. Они освещают важнейшие вопросы политической жизни, экономики, культуры, религии, дают представление об этническом составе населения.

Для историков, археологов, преподавателей и студентов исторических факультетов.

Предварительные заказы на эти книги принимают все магазины книготоргов, потребительской кооперации, магазины «Книга — почтой» и «Академкнига».

Просим пользоваться услугами магазинов — опорных пунктов издательства: Дома книги — магазина № 200 (340048 Донецк 48, ул. Артема, 147а), магазина «Книжный мир» (310003 Харьков 3, пл. Советской Украины, 2/2) и магазина издательства «Наукова думка» (252001 Киев 1, ул. Кирова, 4), который высылает книги иногородним заказчикам наложенным платежом.

СКИФО-ПЕРСИДСКАЯ ВОЙНА

---

60 к.

